



**ВЕСТНИК**  
**Сибирского юридического института**  
**МВД России**

**№ 1 (50)**  
**2023**  
ISSN 2542-1735  
**16+**

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение  
высшего образования «СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ  
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

*Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).*

---

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:*

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)*

*Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).*

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

## **Редакционный совет:**

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адиебекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адиллов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе) (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь (г. Могилев) (по согласованию);

Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (г. Караганда) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк).



**VESTNIK**  
**of Siberian Law Institute**  
**of the MIA of Russia**

**№ 1 (50)**

**2023**

ISSN 2542-1735

**16+**

Scientific and practical journal

Subscription index «The Press of Russia» 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Federal State State Educational Institution of Higher Education

«SIBERIAN LAW INSTITUTE» MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF THE RUSSIAN FEDERATION»

*The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).*

---

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:*

*5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),*

*5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),*

*5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences).*

*Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.*

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

## ***Editorial Council:***

Chairman – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Scientific Affairs) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

### Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Aibek N. Adilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliev (Bishkek) (on agreement);

Yury V. Anokhin, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (on scientific affairs) (Barnaul) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Associate Professor, chief research officer of the Department for Study of Strategic Management Problems, the Scientific and Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

Lev V. Bertovsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Yury P. Garmayev, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker in the Sphere of Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude) (on agreement);

Tatyana Ye. Gryaznova, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (on Scientific Affairs) (Belgorod) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey A. Kondrashev – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Marina A. Kozhevina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of Omsk Region, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Aleksandr V. Lubenkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of the Administrative Activity, Faculty of Militia, Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus (Mogilev) (on agreement);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (Belgorod) (on agreement);

Olzhas T. Seitzhanov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov (Karaganda) (on agreement);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk).

# Содержание

## Теория и практика правоохранительной деятельности

---

Антонов А.Г., Алешина-Алексеева Е.Н. К вопросу об объекте экономических преступлений в сфере кредитования.....	9
Кучин О.С. Ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или за незаконное возбуждение уголовного дела .....	14
Борков В.Н. Заведомо незаконное задержание как специальный вид должностного злоупотребления .....	20
Яшков С.А. К вопросу о признании сна беспомощным состоянием при квалификации половых преступлений.....	26
Саковец И.Н. Способы совершения и сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими .....	32

## Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

---

Мальков С.М. Меры медицинского характера как вид альтернативной уголовной ответственности и средство противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков.....	39
Криксин А.М. Об эффективности оценки профилактики наркоугрозы в молодежной среде .....	47
Дизер О.А., Шарутенко В.Н. Место ресоциализации в общей системе реабилитации больных наркоманией .....	53
Бойко О.А., Панов С.Л., Урусов А.А. Негосударственные наркологические реабилитационные центры: организационно-правовые проблемы деятельности .....	60

## Зарубежный опыт

---

Тепляшин П.В. Уголовный закон государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сравнительно-правовой анализ .....	67
Адилев А.Н., Какешов Б.Д., Омаркулова Э.Н., Базарбеков Э.Б. Становление суверенного уголовного законодательства независимого Кыргызстана.....	75
Поляков Н.В., Харкин Д.Л. Сравнительно-правовой анализ организационно-тактических особенностей предъявления для опознания Российской Федерации и Республике Никарагуа .....	83

## Взгляд. Размышления. Точка зрения

---

Ишигеев В.С., Лапша В.А. Уголовно-правовая природа обоснованного риска: de lege lata.....	89
Досумов С.Т. Понятие, структура и виды норм избирательного права.....	94
Майорова Л.В. Особенности правового статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.....	99
Галимова М.А., Галимов О.Х., Галимова А.О. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: история формирования.....	105
Кириллюк Е.В. Идеология неонацистской группировки «Маньяки: культ убийства» в подростковой среде: современные реалии и направления противодействия.....	114
Клочков В.А. Обеспечение возмещения ущерба как основная проблема при расследовании преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид.....	120

Черёмин Н.В. Профилактика, предупреждение, пресечение: общетеоретический, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты соотношения категорий.....	125
Филипсон К.Ю., Рябинин Н.А. Особенности регулирования правоотношений в сфере суррогатного материнства.....	132

## **Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий**

---

Лабецкий И.И. Оперативно-розыскная характеристика преступлений против собственности, сопряженных с использованием мессенджеров как средства вхождения в доверие.....	141
Замуруева Е.Ю. Меры пресечения, связанные с ограничением конституционных прав и свобод: требуется законодательное совершенствование .....	148
Умярова Р.Р. Механизм реализации судебного контроля за следственными действиями: обыском и выемкой .....	154
Бициев З.В. Проблемы законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного статьей 314.1 УК РФ, через призму объекта преступления .....	161

# Contents

## Theory and Practice of Law Enforcement Activity

---

<i>Antonov A.G., Aleshina-Alekseyeva E.N.</i> On the object of economic crimes in the sphere of lending.....	9
<i>Kuchin O.S.</i> The liability for bringing a knowingly innocent person to criminal justice or for illegal initiating a criminal proceeding .....	14
<i>Borkov V.N.</i> Unlawful detention as a special type of official malfeasance .....	20
<i>Yashkov S.A.</i> On the issue of recognizing sleep as a helpless state in the qualification of sexual crimes.....	26
<i>Sakovets I.N.</i> The ways of committing and concealing violations of the statutory rules governing relations between military personnel.....	32

## Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

---

<i>Malkov S.M.</i> Medical measures as a type of alternative criminal liability and a means of countering crimes in the field of drug trafficking .....	39
<i>Kriksin A.M.</i> On the effectiveness of evaluating the prevention of drug threat in the youth environment .....	47
<i>Dizer O.A., Sharutenko V.N.</i> The place of resocialization in the general rehabilitation system of drug addicts .....	53
<i>Boyko O.A., Panov S.L., Urusov A.A.</i> Non-governmental drug treatment rehabilitation centres: organisational and legal problems of activity .....	60

## Foreign Experience

---

<i>Teplyashin P.V.</i> Criminal law of the member states of the Collective Security Treaty Organization: comparative legal analysis .....	67
<i>Adilov A.N., Kakeshov B.D., Omarkulova E.N., Bazarbekov E.B.</i> Formation of sovereign criminal legislation of independent Kyrgyzstan .....	75
<i>Polyakov N.V., Harkin D.L.</i> Comparative legal analysis of organizational and tactical features of presentation for identification in the Russian Federation and the Republic of Nicaragua .....	83

## Views. Reflections

---

<i>Ishigeev V.S., Lapsha V.L.</i> The criminal-legal nature of the reasonable risk: de lege lata .....	89
<i>Dosumov S.T.</i> The concept, structure and types of electoral law norms .....	94
<i>Maiorova L.V.</i> Features of the person's legal status against whom the criminal case is severed into a separate proceeding due to a pre-trial cooperation agreement conclusion .....	99
<i>Galimova M.A., Galimov O.Kh., Galimova A.O.</i> Formation and Development of the Criminal Procedure Law of Russia: the History of Establishment.....	105
<i>Kirilyuk E.V.</i> Ideology of the neo-nazi group «Maniacs: cult of murder» in teens environment: topical real facts and ways of counteraction.....	114
<i>Klochkov V.A.</i> Ensuring compensation for damage as the main challenge in the investigation of crimes related to the activities of financial pyramids .....	120

<i>Cheryomin N.V.</i> Prophylaxis, prevention, suppression: general theoretical, criminological and penal aspects of the correlation of categories .....	125
<i>Filipson K.Yu., Ryabinin N.A.</i> Peculiarities of regulation of legal relations in the sphere of surrogacy.....	132

## Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

---

<i>Labezskiy I.I.</i> Operational-search characteristics of crimes against property, connected with the use of messengers as means of entering into trust .....	141
<i>Zamurueva E.Yu.</i> Preventive measures connected with limitation of constitutional rights and freedoms: legislative improvement is required .....	148
<i>Umyarova R.R.</i> The mechanism of implementing of judicial control over certain investigative actions: search and seizure .....	154
<i>Bitsiev Z.V.</i> Problems of the legislative structure of the corpus delicti provided for in article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation through the prism of the object of the crime .....	161



# ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.3/.7

DOI 10.51980/2542-1735\_2023\_1\_9



**Антон Геннадьевич АНТОНОВ,**  
профессор кафедры уголовного права  
Санкт-Петербургского университета МВД России,  
доктор юридических наук, доцент  
antonovanton1@mail.ru



**Екатерина Николаевна  
АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА,**  
старший преподаватель кафедры уголовного права  
Санкт-Петербургского университета МВД России  
katyal07@inbox.ru

## К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

### ON THE OBJECT OF ECONOMIC CRIMES IN THE SPHERE OF LENDING

В статье проводится анализ объектов экономических преступлений в сфере кредитования (ст. 176, 177 УК РФ). Невозврат кредитов нарушает целостное состояние экономики. Актуальность борьбы с такими проявлениями не вызывает сомнения. Авторами проанализированы нормы уголовного законодательства, а также судебная практика, складывающаяся в данном направлении. Делается вывод о том, каким образом законодатель проводит разграничение между гражданско-правовыми, административно-правовыми и уголовно-правовыми общественными отношениями в рассматриваемой сфере.

*The article analyzes the objects of economic crimes in the field of lending (Articles 176, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation). Non-repayment of loans violates the integrity of the economy. The urgency of combating such incidents is beyond doubt. The authors analyze the norms of criminal law, as well as judicial practice that is developing in this direction. It is concluded how the legislator distinguishes between civil law, administrative law and criminal law public relations in the area under consideration.*

**Ключевые слова:** объект преступления, кредитная задолженность, незаконное получение кредита.  
**Keywords:** *object of crimes, credit debt, unlawful loan.*

**К**редитные отношения являются важнейшей основой экономики любой страны. Их невозврат наносит огромный

ущерб обществу. Нарушается стабильный денежный поток, происходит замедление развития экономики. Значимость и необходи-



мость уголовно-правовой защиты интересов кредиторов очевидна.

УК РФ устанавливает ответственность за невозврат кредитов в ст. 176 («Незаконное получение кредита») и в ст. 177 («Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности»). Но практика применения данных норм незначительна. Свидетельствует об этом небольшое количество осужденных. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 176 УК РФ, осуждены 73 человека, в 2018 г. – 55, в 2019 г. – 39, в 2020 г. – 16, в 2021 г. – 15. За совершение преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ, в 2017 г. осуждены 140 человек, в 2018 г. – 137, в 2019 г. – 94, в 2020 г. – 57, в 2021 г. – 81<sup>1</sup>. Налицо тенденция снижения вынесенных обвинительных приговоров судами за совершенные деяния, предусмотренные упомянутыми нормами. При этом не отпадает необходимость исследования общественной опасности этих деяний, которая отражается и в объекте соответствующих преступлений. На что направлены они? Чему угрожают? Какие общественные отношения нарушаются при их совершении? Попытаемся ответить на данные вопросы.

В ч. 1 ст. 176 УК РФ закреплена уголовная ответственность за незаконное получение кредита или льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб. Ответственность за данное деяние усиливается в соответствии с ч. 2 ст. 176 УК РФ, если предметом преступления выступает государственный целевой кредит.

В ст. 177 УК РФ закреплена уголовная ответственность за злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бу-

маг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта. Крупный ущерб для ст. 176 и 177 УК РФ составляет сумму в размере 2 250 000 рублей.

Обратимся к судебной практике: 24 марта 2009 г. гражданка К.С.В. была зарегистрирована в качестве индивидуального предпринимателя и поставлена на налоговый учет в МР ИФНС РФ по Тамбовской области. 18 апреля 2011 г. К.С.В., являясь индивидуальным предпринимателем, имея умысел на незаконное получение кредита, обратилась в операционный офис «На Советской» г. Тамбова филиала N 3652 Банка ВТБ 24 (закрытое акционерное общество, а с 24 октября 2014 г. – публичное акционерное общество), расположенный по адресу: г. Тамбов, ул. Советская/Чичканова, д. 164/89, с заявлением на получение кредитного продукта «Коммерсант»<sup>2</sup>.

Гражданка П., являясь обязанной к уплате в пользу ОАО «Сбербанк России» кредиторской задолженности по кредитному договору от 3 июля 2013 г. в крупном размере в сумме <...> рублей на основании решения Спасского районного суда, вступившего в законную силу 22 декабря 2014 г., достоверно зная о том, что в отношении нее в МОСП по ИОИП УФССП по Хабаровскому краю 17 апреля 2015 г. возбуждено исполнительное производство, умышленно злостно уклонилась от погашения указанной кредиторской задолженности, будучи предупрежденной в рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем 23 апреля 2015 г. и 19 августа 2015 г. об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере, имея реальную возможность погасить кредиторскую задолженность, располагая денежными средствами в размере 60 000 рублей, внесла с 23 апреля 2015 г. по 25 августа 2015 г. 30 000 рублей по договору найма от 22 марта 2015 г. ФИО8 и 30 000 рублей по договору найма от 11 августа 2015 г. Л.И.Ю.; свой доход от неофициальной трудовой деятель-

1 Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. URL: <http://www.sdep.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

2 Уголовное дело N 1-342/2016. Архив Октябрьского районного суда г. Тамбова за 2016 г.



ности от судебного пристава-исполнителя скрывала, являясь дееспособной и трудоспособной, мер к официальному трудоустройству не принимала, полученными денежными средствами от неофициального заработка распоряжалась по своему усмотрению, при этом не приступив к погашению кредиторской задолженности в пользу ОАО «Сбербанк России»<sup>1</sup>.

Для определения объекта преступления необходимо понять: какие общественные отношения нарушаются? Под объектом экономических преступлений принято понимать определенные общественные отношения [2].

Так, Н.А. Лопашенко определяет объект экономических преступлений как совокупность охраняемых уголовным законом и урегулированных нормами частного и публичного права общественных отношений, которые строятся на принципах осуществления экономической деятельности и складываются в процессе осуществления специфической (финансово-кредитной) деятельности между уполномоченными на то субъектами (банками, кредитными организациями, государственными органами, предприятиями и гражданами) [5, с. 266].

По мнению Л.Д. Гаухмана, объектом экономических преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие экономическую деятельность, под которой понимается совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, а также потребления материальных и иных благ [3, с. 16-17].

Исходя из изложенного и основываясь на структуре Особенной части УК РФ, можно определить родовую и видовую объекты преступлений, предусмотренных ст. 176 и 177 УК РФ, – это общественные отношения в сфере экономики и экономической деятельности соответственно.

Интересны понимания непосредственного объекта рассматриваемых преступлений в литературе. Есть мнение, что объектом уголовно-правовой охраны, объединяющим кредитно-банковские преступления, являются

ся общественные отношения в сфере кредитования, а именно отношения, возникающие в процессе предоставления, использования и возврата кредитных ресурсов [12].

Под общим объектом преступлений, предусмотренных ст. 176, 177 УК РФ, понимаются общественные отношения, складывающиеся по поводу и в процессе экономической деятельности и включающие в себя организационно-экономические и денежно-кредитные отношения [11].

В литературе получили распространение заслуживающие внимания позиции ученых об объекте основного состава незаконного получения кредита. Н.А. Лопашенко относит к объекту преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, экономические отношения, соответствующие принципу добропорядочности субъектов экономической деятельности [6].

В.И. Тюнин под объектом преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 176 УК РФ, понимает отношения, складывающиеся между кредитующими организациями и получателями кредита, порядок его получения и возврата [10, с. 102].

В качестве основного непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, В.Н. Балябин выделяет вид общественных отношений, обеспечивающих основанную на гражданско-правовом договоре обязанность кредитора предоставить в кредит денежные средства или иное имущество и его право получить за них оговоренное возмещение с процентами [1, с. 65].

Приведенные мнения, на наш взгляд справедливы относительно как состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, так и предусмотренного ст. 177 УК РФ.

Уточняет объект рассматриваемых преступлений в сфере кредитования О.В. Расторопова, определяя его как общественные отношения, обеспечивающих нормальное функционирование сферы кредитования в Российской Федерации [8].

Соглашаясь с приведенными мнениями, считаем, что они нуждаются в уточнении и

<sup>1</sup> Уголовное дело N 1-81/2016 1-962/2015. Архив Индустриального районного суда г. Хабаровска за 2016 г.



дополнении. Основным непосредственным объектом исследуемых составов преступлений является, по сути, порядок управления в сфере кредитования, общественные отношения в данной сфере. Однако нарушение этих общественных отношений преступлением не является. Сами по себе они не охраняются уголовным законом. Например, для привлечения к уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 176 УК РФ необходимо наличие крупного ущерба. А это обуславливает наличие еще одного объекта, и не факт, что таковой является дополнительным. Речь идет об общественных отношениях в сфере собственности. Если рассматривать незаконное получение кредита как способ причинения ущерба отношениям собственности, то можно рассматривать данные общественные отношения в качестве основного объекта и анализировать вопрос о правильности закрепления рассматриваемого состава преступления именно в главе УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности. Ведь преступление становится таковым только при нарушении отношений собственности. Тем самым справедливо утверждение, что в качестве дополнительного объекта выступают имущественные интересы кредиторов [9, с. 116].

Если обратить внимание на субъектов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, то очевидно наличие еще одного непосредственного объекта преступления – сфера предпринимательской деятельности.

Предмет преступления незаконного получения государственного целевого кредита обуславливает наличие в ч. 2 ст. 176 УК РФ, помимо названных, еще одного объекта – общественных отношений в сфере нормального функционирования государственной власти. При этом обозначается вектор ущерба. Он причиняется гражданину, обществу и государству. Это позволяет говорить о полинаправленности общественной опасности незаконного получения кредита, обуславливающей неоднородность его объектов. Такая полинаправленность получила отражение в литературе. Так, по мнению А.В. Яковлева, непосредственный объект состава преступления, закрепленного в ст. 176 УК РФ, – обще-

ственные отношения, складывающиеся в сфере распределения общественного продукта и направленные на обеспечение законного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности в части правомерного доступа к источникам кредитования [13, с. 19].

Важность определения объектов незаконного получения кредита обусловлена еще тем, что вне сферы предпринимательской деятельности данное деяние не является преступлением, общественно опасным деянием. Обычный гражданин сколько угодно может незаконно получать кредит, и это не будет являться преступлением, хотя при этом нарушаются порядок управления в кредитной сфере, права кредиторов и прочее. Даже если ущерб будет более чем крупный, степень общественной опасности деяния достаточная, то это все равно не преступление. Таким образом, совокупность исследованных объектов обуславливает криминализацию незаконного получения кредита.

Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности тоже имеет полинаправленную общественную опасность, отраженную в совокупности объектов. И это нашло отражение в литературе.

По мнению С.В. Крапивина, основным непосредственным объектом злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности выступают общественные отношения, связанные с реализацией принципа надлежащего исполнения обязательств. При этом автор выделяет два дополнительных объекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности – охраняемые законом имущественные права и интересы кредиторов, а равно интересы правосудия в сфере исполнения судебных решений [4]. Сходной позиции придерживается и А.А. Миронова [7]. Тем самым дополнительным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие исполнение вступившего в законную силу решения суда и иного судебного акта, а также имущественные права кредиторов. Последнее означает наличие такого объекта преступления, как отношения собственности, так как без определенного исследуемой нор-



мой размера ущерба преступление не будет иметь места. Если за незаконное получение кредита в случае причинения ущерба менее 2 250 000 рублей (крупного размера) предусмотрена административная ответственность согласно ст. 14.11 КоАП РФ, то административной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской ответственности не предусмотрено, если причиненный ущерб крупным не является. Изложенные суждения могут явиться основанием

к размышлению об определении места в Особенной части УК РФ злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.

Подводя итог, отметим, что законодатель посредством установления уголовно-правовой охраны совокупности общественных отношений в кредитной сфере проводит разграничение между гражданско-правовыми, административно-правовыми и уголовно-правовыми общественными отношениями в упомянутой сфере.

### Библиографический список

1. Балябин, В.Н. О проблемах квалификации преступлений, совершаемых в сфере банковского кредитования и расчетов / В.Н. Балябин // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2014. – № 2. – С. 63-68.
2. Волженкин, Б.В. Экономические преступления / Б.В. Волженкин. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999.
3. Гаухман, Л.Д. Преступления в сфере экономической деятельности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М.: ЮрИнфоР, 1998.
4. Крапивин, С.В. Уголовная ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Крапивин. – М., 2013.
5. Лопашенко, Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности / Н.А. Лопашенко. – Саратов: СГУ, 1997.
6. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография: в 2 ч. / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2015. – Ч. II.
7. Миронов, А.А. Внесение изменений в ст. 151 УПК и передача расследования уголовных дел за злостное неисполнение кредиторских обязательств (ст. 177 УК РФ) в органы Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации / А.А. Миронов // Банковское право. – 2008. – № 3. – С. 29-33.
8. Расторопова, О.В. Преступления в сфере кредитования: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Расторопова. – М., 2011.
9. Тепляшин, П.В. Современная уголовно-правовая характеристика и криминологическая профилактика кредитных преступлений (статьи 176, 177 УК РФ) / П.В. Тепляшин, В.Н. Винокуров // Современное право. – 2021. – № 6. – С. 115-120.
10. Тюнин, В.И. Преступления в сфере экономической деятельности : учебное пособие / В.И. Тюнин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018.
11. Шадрина, О.В. Уголовная ответственность за преступления в банковско-кредитной сфере по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Шадрина. – М., 2008.
12. Шаляпина, М.Ю. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия кредитно-банковским преступлениям : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Ю. Шаляпина. – Краснодар, 2015.
13. Яковлев, А.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых с использованием незаконно приобретенного, полученного или удерживаемого имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Яковлев. – Ростов-на-Дону, 2011.



**Олег Стасьевич КУЧИН,**  
профессор кафедры судебной экспертизы  
и криминалистики  
Российского государственного  
университета правосудия (г. Москва),  
доктор юридических наук, профессор  
*kuchin-os@rambler.ru*

## ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИЛИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

### THE LIABILITY FOR BRINGING A KNOWINGLY INNOCENT PERSON TO CRIMINAL JUSTICE OR FOR ILLEGAL INITIATING A CRIMINAL PROCEEDING

В статье автором подробно рассмотрена уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ. Анализ научных работ, посвященных вопросам привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконного возбуждения уголовного дела, исследование решений Конституционного Суда РФ и судебной практики по конкретным уголовным делам позволили выявить ряд проблем, встречающихся при квалификации рассматриваемого преступления. Автором сделан вывод о том, что проблемы квалификации осложняются не совсем удачной формулировкой законодателем объективной стороны преступления. Проведенное исследование дает определенное представление о развитии нормы, раскрывает некоторые аспекты законодательства, направленного на борьбу с преступлениями против правосудия, в том числе совершенными должностными лицами правоохранительных органов. Даны практические рекомендации правоприменителю по вопросам квалификации привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконного возбуждения уголовного дела.

The article considers in detail the criminal-legal characteristics of the corpus delicti provided for by Article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of research papers devoted to the issues of bringing an obviously innocent person to criminal responsibility or illegal initiation of the criminal proceedings, as well as the study of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and judicial practice in specific criminal cases made it possible to reveal a number of problems encountered in the qualification of the crime under consideration. The author comes to the conclusion that problems of qualification are complicated by not quite successful formulation of the objective side of the crime given by the legislator. The conducted research gives a certain idea of the development of the norm, reveals some aspects of the legislation aimed at combating crimes against justice, including those committed by law enforcement officials. Practical recommendations on the qualification of bringing an obviously innocent person to criminal responsibility or illegal initiation of a criminal case are given to the law enforcement officer.

**Ключевые слова:** общественные отношения, преступление, объект, объективная сторона, субъект преступления, уголовная ответственность, уголовное преследование, следователь, интересы правосудия.

**Keywords:** *public relations, crime, object, objective side, subject of crime, criminal liability, criminal prosecution, investigator, interests of justice.*



**И**з всего массива составов преступлений против правосудия можно выделить в отдельную группу специальные должностные преступления, к которым относится привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ). Такие преступления объединяет то, что они могут совершаться лицами, которые, как правило, злоупотребляют должностными полномочиями в сфере своей профессиональной деятельности в правоохранительных органах и судах, могут быть непосредственно сопряжены с действиями коррупционного характера [6, с. 59].

Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие интересы правосудия. Дополнительным объектом могут выступать права и интересы незаконно привлеченного к уголовной ответственности лица, а также лица, в отношении которого незаконно возбуждено уголовное дело.

Объективная сторона преступления заключается в совершении двух деяний – привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ) и возбуждении уголовного дела, повлекших прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба.

Преступление окончено с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ) или возбуждения уголовного дела, повлекших указанные выше последствия.

По мнению некоторых ученых, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, сформулирована законодателем не совсем удачным образом, так как возникает много вопросов как уголовно-правового, так и уголовно-процессуального характера. Например, по справедливому замечанию Л.В. Лобановой, ст. 299 УК РФ сформулирована была законодателем со всеми недостатками, которые были присущи ст. 176 УК РСФСР 1960 г. [7, с. 66].

По мнению П.В. Тепляшина, проблема квалификации преступления заключается в невозможности однозначного толкования понятия «уголовная ответственность» [9, с. 17].

И.В. Дворянсков пишет, что существующая диспозиция нормы, предусмотренной ст. 299 УК РФ, не учитывает положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, что ведет к нарушению системности и согласованности правовых гарантий реализации интересов судебной власти, а кроме того – противоречит Конституции РФ, ст. 49, по смыслу которой уголовная ответственность лица наступает только в случае признания его виновным в совершении преступления судом в предусмотренном федеральным законом порядке. В ст. 299 УК РФ речь идет о предварительных мерах, направленных на привлечение к уголовной ответственности, создании для этого необходимых предпосылок, поэтому указанному в ней деянию более соответствует наименование «незаконное уголовное преследование лица», согласованное к тому же с уголовно-процессуальной терминологией [3, с. 335].

Считаем, что сформулированная таким образом объективная сторона рассматриваемого преступления свидетельствует о нарушении юридической техники и принципов кодификации уголовного закона и требует законодательного и научно обоснованного регулирования.

Уголовная ответственность – это обязанность лица, совершившего преступление, лично претерпеть меры государственного принуждения, заключающиеся в лишениях личного, имущественного, морального характера, которые выражают отрицательное отношение к совершенному преступлению со стороны государства и общества [10, с. 135]. Приведенное определение является широким по смыслу, что может вызвать затруднения в понимании диспозиции ст. 299 УК РФ и, следовательно, в правоприменении.

Кроме того, привлечение к уголовной ответственности применительно к рассматриваемой норме нужно рассматривать больше со стороны уголовного процесса, в котором регламентированы стадии производства. Привлечение к ответственности – процессуальное действие, поэтому для уяснения его содержания необходимо обратиться к нормам УПК РФ, которые регулируют порядок привлечения [2, с. 163].



Исходя из общего понятия уголовной ответственности, она возникает у виновного лица в момент совершения им преступления.

Вместе с тем ряд авторов предлагают заменить термин «привлечение к уголовной ответственности» на термин «незаконное уголовное преследование».

Например, И.Н. Кабашный отмечает, что справедливость употребления в ст. 299 УК РФ такой формулировки, как привлечение к уголовной ответственности, вызывает сомнение: «В ст. 299 УК РФ необходимо вести речь не о привлечении к уголовной ответственности невиновного лица, а об уголовном преследовании, осуществляемом вразрез с законом» [5, с. 9, 19].

Н.Р. Емеева высказала практически аналогичное предложение о введении в состав преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, дополнительных квалифицирующих признаков и в целом изложение этой статьи в следующей редакции: «Уголовное преследование заведомо невиновного...» [4, с. 7, 15-16]. На то, что в ст. 299 УК РФ правильнее было бы говорить о незаконном уголовном преследовании заведомо невиновного, указывает И.В. Гамазина [1, с. 337].

На наш взгляд, сложно согласиться с таким расширительным толкованием понятия «привлечение к уголовной ответственности».

В соответствии со ст. 46 УПК РФ уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела в отношении лица, и именно с этого момента лицо становится подозреваемым. К подозреваемому могут применяться меры процессуального принуждения, и оно может ограничиваться в правах вплоть до ограничения свободы в случае его задержания (ст. 91 УПК РФ) или избрания в отношении него меры пресечения «заключение под стражу» (ст. 108 УПК РФ), на его имущество может быть наложен арест, оно может быть отстранено от занимаемой должности. Видимо, это дало возможность авторам указанного мнения сделать вывод о тождественности понятий «уголовное преследование» и «привлечение к уголовной ответственности».

Вместе с тем необходимо сказать, что такой статус еще не налагает на подозреваемого каких-либо правовых обязанностей. Кроме того, в норме речь идет не об уголовном преследовании вообще, а только о привлечении к уголовной ответственности.

Автор солидарен с мнением А.С. Горелика и Л.В. Лобановой в том, что привлечение к уголовной ответственности осуществляется по-разному в зависимости от того, в какой форме осуществляется предварительное расследование. Формы предварительного расследования закреплены в ст. 150 УПК РФ и делятся на предварительное следствие и дознание. По делам, по которым расследование производится в форме предварительного следствия, привлечение к уголовной ответственности заключается в привлечении в качестве обвиняемого. Форма предварительного следствия предполагает, что следователь выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ). По делам, по которым расследование производится в форме дознания, постановление о привлечении в качестве обвиняемого не выносится. В соответствии со ст. 225 УПК формулировка обвинения указывается в обвинительном акте, который дознаватель составляет по окончании дознания [2, с. 165].

Учитывая, что ст. 172 УПК РФ предусматривает, что между вынесением постановления и фактическим предъявлением обвинения (ознакомлением с постановлением) может пройти до 3 суток, возникает вопрос о том, с какого момента лицо считается привлеченным к уголовной ответственности.

В научной литературе на этот счет учеными высказаны различные точки зрения. Не вдаваясь в их подробный анализ, отметим, что в ст. 171 УПК РФ речь идет именно о привлечении в качестве обвиняемого, в то время как в ст. 172 УПК РФ говорится только о предъявлении обвинения. Очевидно, что законодатель разграничивает эти понятия, и лицо считается привлеченным в качестве обвиняемого с момента составления соответствующего постановления. Тем более, что с этого момента к лицу могут быть применены



меры процессуального принуждения. Например, когда виновное лицо находится в другом городе или в розыске, на основании вынесенного постановления оно может быть задержано и заключено под стражу.

Высказанное мнение поддерживается и судебной практикой.

Например, согласно разъяснению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ «объективная сторона ст. 299 УК РФ выражается в действиях, направленных на привлечение заведомо невиновного в качестве обвиняемого. Подобные действия заключаются в вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого»<sup>1</sup>.

Таким образом, состав рассматриваемого преступления считается оконченным с момента составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого или составления обвинительного акта.

Кроме того, необходимо обратить внимание на решение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуламова Д.Б. на нарушение его конституционных прав рядом положений УПК РФ, а также ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ. Приговором районного суда от 13 апреля 2020 г., частично измененным апелляционным определением от 16 октября 2020 г., гражданин Д.Б. Гуламов осужден за совершение преступлений, в том числе предусмотренного ч. 4 ст. 33 и ч. 2 ст. 299 УК РФ. Также Д.Б. Гуламов оспаривал конституционность ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ как признающих в качестве объективной стороны преступления вынесение следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого по уголовному делу и предъявление обвинения<sup>2</sup>.

Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. N 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» действия должностного лица, которое на основании сфальсифициро-

ванных им доказательств привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности либо умышленно незаконно освобождает от уголовной ответственности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 или 3 ст. 303 УК РФ и ст. 299 либо ст. 300 УК РФ.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел.

Необходимо обратить внимание на то, что по рассматриваемой статье ответственность наступает только в случаях, если к уголовной ответственности привлекается лицо, о невиновности которого известно лицу, расследующему уголовное дело.

Если лицо, привлекающее к уголовной ответственности, не осознавало, что потерпевший невиновен, состав ст. 299 УК РФ отсутствует. Такое может быть в случае, когда собранные доказательства первоначально указывали на лицо, как совершившее преступление, но в ходе расследования или судебного разбирательства была установлена невиновность обвиняемого или подсудимого.

Мотивы могут быть различными (от личных, корыстных и до желаний выслужиться перед вышестоящим руководством в части «качественного» расследования уголовных дел) и на квалификацию не влияют.

Субъект преступления специальный. Им может быть дознаватель или следователь, руководитель следственного органа, начальник дознания.

В случаях совершения рассматриваемого преступления лицами, не являющимися субъектами преступления, ответственность наступает с применением ст. 33 УК РФ. Так, П.Н.М. осуждена по ст. 300 УК РФ; по ч. 1 ст. 299 УК РФ; по ч. 2 ст. 303 УК РФ; по ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 307 УК РФ. Г.Т.В. осуждена по ч. 3 ст. 33, ст. 300 УК РФ; по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 299 УК РФ; по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 303 УК РФ; по ч. 3 ст. 33,

<sup>1</sup> Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.05.2011 N 80-О11-7. URL: <https://www.zakonrf.info/sudoc/68a2ed38a435b30efda1fd9b78dc08ba/> (дата обращения: 07.08.2022).

<sup>2</sup> Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуламова Дениса Баходиржоновича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частями первой и второй статьи 299 УК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 N 1332-О. URL: <https://apkrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24062021-n-1332-o/> (дата обращения 07.08.2022).



ч. 1 ст. 307 УК РФ. Г.Г.В. осужден по ч. 5 ст. 33, ст. 300 УК РФ; по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 299 УК РФ; по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 303 УК РФ. Т.А.Ю. осужден по ч. 1 ст. 307 УК РФ<sup>1</sup>.

Часть 2 ст. 299 УК РФ предусматривает ответственность за то же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо повлекшее причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия.

Понятие тяжкого и особо тяжкого преступления раскрывается в ст. 15 УК РФ. В примечании к ст. 299 УК РФ указывается, что крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей.

Часть 3 ст. 299 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба.

Ю.П. Попова считает, что смысл законодательного нововведения заключается в том, чтобы подчеркнуть значимость незаконного возбуждения уголовного дела и тем самым повысить общественную опасность преступления путем закрепления в конструкции состава наряду с интересами правосудия дополнительного объекта уголовно-правовой охраны – законного ведения и развития предпринимательской деятельности. При этом степень общественной опасности незаконного предъявления обвинения и незаконного возбуждения уголовного дела, закрепленных

в чч. 2 и 3 ст. 299 УК РФ, «уравнивается» за счет абсолютно идентичных санкций в виде назначения только основного наказания – лишения свободы на срок от пяти до десяти лет [8].

На наш взгляд, спорное мнение высказано А.О. Швейгером о том, что ч. 3 применяется только в случаях, если указанные в ней действия совершаются в целях воспрепятствования законной предпринимательской деятельности. Если деятельность осуществляется незаконно (например, без регистрации в случаях, когда она обязательна, или сама деятельность носит противозаконный характер), то такие действия необходимо квалифицировать по ст. 286 УК РФ [11, с. 31].

Считаем, что в этой ситуации речь идет о злоупотреблении должностными полномочиями лица, возбудившего уголовное дело.

Таким образом, с учетом юридического анализа состава преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, и судебной практики считаем необходимым высказать рекомендации для правоприменителя:

1) действия должностного лица, которое на основании сфальсифицированных им доказательств привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч.ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ и ст. 299 УК РФ;

2) в случаях если должностное лицо незаконно возбуждает в отношении заведомо невиновного лица уголовное дело, но при этом не предъявляет обвинения, то такие действия также следует квалифицировать по ст. 285 УК РФ.

<sup>1</sup> Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.06.2012 N 37-012-9сп. URL: <https://www.zakonrf.info/> (дата обращения: 07.08.2022).



**Библиографический список**

1. Гамазина, И.В. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование / И.В. Гамазина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Право. – 2012. – Выпуск 3 (107). – С. 336-342.
2. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
3. Дворянсков, И.В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти : дис. ... докт. юрид. наук / И.В. Дворянсков. – М., 2012.
4. Емеева, Н.Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Р. Емеева. – Самара, 2005.
5. Кабашный, И.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов, осуществляющих уголовное преследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Н. Кабашный. – Волгоград, 2005.
6. Кошаева, Т.О. Об ответственности за преступления против правосудия / Т.О. Кошаева // Журнал российского права. – 2012. – N 4. – С. 58-64.
7. Лобанова, Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л.В. Лобанова. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1999.
8. Попова Ю.П. Часть 3 статьи 299 Уголовного кодекса РФ: «камни преткновения» / Ю.П. Попова // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. – 2018. – N 2. – С. 51-61. – URL: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_34997921\\_53196542.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_34997921_53196542.pdf) (дата обращения: 07.08.2022).
9. Тепляшин, П.В. Преступления против правосудия : учебное пособие / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2004.
10. Уголовное право. Общая часть : учебник / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова; д-ра юрид. наук, доц. Л.В. Готчиной, канд. юрид. наук, доц. А.В. Никуленко. – СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2017.
11. Швейгер, А.О. Преступления против правосудия : учебное пособие / А.О. Швейгер. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2020.



**Виктор Николаевич БОРКОВ,**  
начальник кафедры уголовного права  
Омской академии МВД России,  
доктор юридических наук, доцент  
*borkov@mail.ru*

## ЗАВЕДОМО НЕЗАКОННОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД ДОЛЖНОСТНОГО ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ

### UNLAWFUL DETENTION AS A SPECIAL TYPE OF OFFICIAL MALFEASANCE

В статье анализируется квалификация судами заведомо незаконного задержания. Показана ошибочность признания данного посягательства специальным видом превышения должностных полномочий и одновременное вменение двух соответствующих норм. С учетом позитивного уголовно-процессуального регулирования охраняемых отношений незаконное задержание аргументированно позиционируется в качестве специального вида должностного злоупотребления. На основе правильно установленного места ч. 1 ст. 301 УК РФ в системе запретов на совершение должностных преступлений решается ряд сложных проблем ее применения.

Courts qualification of intentional unlawful detention is analyzed in the article. The misconception of considering this infringement as a special type of abuse of authority and the simultaneous imputation of two relevant legal norms is shown. Taking into account the positive criminal procedural regulation of protected relations, unlawful detention is reasonably positioned as a special type of malfeasance in office. On the basis of a correctly established place in the system of prohibitions on the commission of malfeasance provided for by Part 1, Art. 301 of the Criminal Code of the Russian Federation, a number of complex problems of its application are solved.

**Ключевые слова:** заведомо незаконное задержание, конкуренция общей и специальной нормы, злоупотребление должностными полномочиями, лицо, осуществляющее предварительное расследование, право на задержание, основание и условия задержания, превышение должностных полномочий.

**Keywords:** *intentional unlawful detention, competition between general and special rules, abuse of authority, person conducting preliminary investigation, powers of detention, grounds and conditions for detention; excess of authority.*

**В** процессе квалификации преступлений постоянно возникает потребность в толковании применяемых уголовно-правовых норм и разрешении их конкуренции. Верному представлению о содержании запретов на совершение должностных престу-

плений способствует определение их места в соответствующей системе общих и специальных норм. Правильное решение данных вопросов обеспечивает точную квалификацию. Особенно актуальны данные положения для квалификации преступлений, совершаемых



следователями и дознавателями при производстве предварительного расследования. Такие посягательства могут выражаться в заведомо незаконном использовании предоставленных процессуальным законодательством прав, причиняющем вред законным интересам участников уголовного судопроизводства и государства. Преступления против правосудия, состоящие в принятии незаконных процессуальных решений, в том числе «связанные с явным необоснованным задержанием лица, подозреваемого в совершении преступления» [подр.: 3, с. 197], являются специальным видом злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) [1, с. 84; 4, с. 77-79; 9, с. 51]. Но такой подход не является общепринятым. Некоторые специалисты рассматривают незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ) «как особый вид превышения власти, совершаемый специальным субъектом – должностным лицом правоохранительных органов» [7, с. 137; 8, с. 142].

И.В. Бессонова и А.В. Кузнецов, с одной стороны, правильно преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 301 УК РФ, признают специальным видом должностного злоупотребления [2, с. 99], но, с другой – утверждают, что «незаконным задержанием будут считаться такие случаи, когда ... не составлен протокол» [2, с. 100]. Отсутствие процессуальной формы свидетельствует не о незаконном использовании права на задержание подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ, а о физическом удержании потерпевшего с использованием служебного положения, что является превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

За заведомо незаконное задержание (ч. 301 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ) была осуждена начальник отделения дознания Г.М., которая «... вопреки требованиям ... закона, с целью оказания психологического воздействия и получения признательных показаний от С. в случае возбуждения в отношении него уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1

ст. 175 УК РФ, имея умысел на совершение действий, явно выходящих за пределы своих полномочий, существенно нарушая права и законные интересы С., а также дискредитируя авторитет представляемой ею власти, без наличия на то законных оснований, без принятия решения о возбуждении уголовного дела заведомо незаконно задержала С. в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, составив соответствующий протокол, а также протокол допроса последнего в качестве подозреваемого. Впоследствии ... С. освобожден постановлением об освобождении подозреваемого ..., составленным Г.М. в порядке ст. 94 УПК РФ, с указанием при этом, что перечисленные документы составлены по уголовному делу N\*\*\*»<sup>1</sup>. Таким образом, согласно позиции суда, виновная задержала потерпевшего путем совершения действий, явно выходящих за пределы ее полномочий, т.е. превысила их.

Признание преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, специальным видом превышения должностных полномочий спорно. Как верно пишет А.А. Хайдаров: «Вопрос об ответственности должностного лица или органа, осуществляющего процессуальную деятельность в ходе уголовного судопроизводства тесно связан с его процессуальным статусом» [10, с. 84]. «При решении вопроса о том, совершило ли должностное лицо действия, которые явно выходят за пределы его полномочий, необходимо в первую очередь определить эти пределы, то есть установить объем предоставленных лицу прав...» [11, с. 108]. В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ дознаватель вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии перечисленных в указанной норме оснований. Поэтому, даже заведомо незаконно процессуально задерживая лицо, виновный не выходит за пределы предоставленных ему властных полномочий, а использует их вопреки интересам службы. «Как заведомо незаконное задержание, – разъяснил Верховный Суд РФ,

<sup>1</sup> Постановление Московского городского суда от 20.09.2018 N 4у-4284/2018. Здесь и далее материалы судебной практики использованы в редакциях, находящихся в СПС «КонсультантПлюс».



– должны квалифицироваться, в частности, умышленные действия, совершаемые с целью незаконного применения к лицу данной меры процессуального принуждения, в результате которых лицо задерживается по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном статьей 92 УПК РФ: при отсутствии вынесенного органом дознания, дознавателем, следователем или руководителем следственного органа в соответствии с требованиями статьи 146 УПК РФ постановления о возбуждении уголовного дела...»<sup>1</sup>.

По анализируемому уголовному делу заместитель межрайонного прокурора показал: «В ходе проверки данного факта ему стало известно, что 26 августа 2015 г. осужденной Г.М. был задержан гражданин С., 28 августа 2015 г. он был освобожден в порядке ст. 94 УПК РФ, однако эти сведения в межрайонную прокуратуру г. Москвы не поступали, а уголовное дело, по которому якобы был задержан С., было возбуждено лишь 7 сентября 2015 г. по ч. 2 ст. 159 УК РФ и по этому уголовному делу никто не задерживался, обвинение никому не предъявлялось»<sup>2</sup>. В законе нет прямого указания на недопустимость задержания лица по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела. Между тем именно возбуждение уголовного дела свидетельствует о совершении преступления, т.к. основанием указанного процессуального решения является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Без констатации факта преступления, выраженного в возбуждении уголовного дела, не может быть лица, которое бы подозревалося в его совершении и могло быть задержано. Поэтому наличие преступления, удостоверенное постановлением о возбуждении уголовного дела, является необходимым условием для задержания лица, подозреваемого в его совершении [5, с. 17-23].

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ «как злоупотребление должностными пол-

номочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии *обязательных условий* (курсив мой. – Б.В.) или оснований для их совершения...»<sup>3</sup>. Задерживая потерпевшего без возбуждения уголовного дела, т.е. без необходимого к тому условия, начальник отделения дознания злоупотребил своими властными полномочиями, а ч. 1 ст. 301 УК РФ предусматривает ответственность за специальный вид должностного злоупотребления.

«На практике существует проблема, – пишет И.Л. Друкаров, – когда задержание не оформлено по каким-либо причинам, задержанные лица могут находиться не в изоляторе временного содержания, а в совершенно не предусмотренных для этого местах (коридорах отдела полиции, кабинете следователя и т.д.)» [6, с. 79]. Важно видеть отличие злоупотребления должностными полномочиями, выраженного в заведомо незаконном задержании, от превышения должностных полномочий, состоящего в незаконном лишении свободы гражданина сотрудником правоохранительного органа. В первом случае в качестве субъекта выступает лицо, осуществляющее предварительное расследование, при осуществлении процессуальной деятельности. Во втором такие уточняющие признаки у сотрудника правоохранительного органа отсутствуют. Так, по делу участкового уполномоченного, незаконно в течение суток удерживающего в опорном пункте лицо, заподозренное в краже, Верховный Суд РФ разъяснил: «По смыслу закона под незаконным задержанием, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 301 УК РФ, понимается задержание в уголовно-процессуальном порядке, и субъектом этого преступления могут быть лишь должностные лица органа дознания, следствия..., к таким лицам участковый уполномоченный Б. не от-

1 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20.

2 Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.02.2018 по делу N 10-2227/2018.

3 О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19.



носился, уголовно-процессуальное задержание не производил, поэтому в его действиях отсутствует состав этого преступления»<sup>1</sup>. Заместитель начальника отдела внутренних дел незаконно удерживал граждан в помещении дежурной части. «Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил осуждение Б. по п.п. «г», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ, поскольку ответственность за незаконное лишение человека свободы, совершенное должностным лицом, установлена ст. 286 УК РФ»<sup>2</sup>.

Оформление начальником отделения дознания без возбуждения уголовного дела протокола задержания и предъявление его сотрудникам дежурной части и ИВС следует оценить и с точки зрения наличия в содеянном признаков служебного подлога. «Под внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих действительное содержание указанных документов, необходимо понимать отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов... путем изготовления нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа... Субъектами служебного подлога могут быть наделенные полномочиями на удостоверение указанных фактов должностные лица...»<sup>3</sup>. Виновная внесла ложные заведомо ложные сведения о наличии оснований и соблюдении условий задержания в протокол, который является официальным документом. Он удостоверяет «факт, влекущий юридические последствия», лишение человека свободы передвижения на 48 часов. Причем за служебный подлог, повлекший существенное нарушение законных прав и интересов гражданина, предусмотрено наказание в виде лишения свободы до четырех лет, а за заведомо незаконное задержание – до двух.

В отличие от должностного злоупотребления, которое состоит в незаконном использовании виновным предоставленных ему полномочий, служебный подлог представляет собой внесение в документ ложных сведений должностным лицом, которое не уполномочено на принятие удостоверяемого документом распорядительного решения или при отсутствии реальных отношений, которые бы выступили в качестве повода издания документа. В последнем случае под вносимыми в подложный документ «не соответствующими действительности фактами» понимаются события, которые вообще отсутствовали. Так, Д.М.М. «признан виновным в совершении единого продолжаемого преступления, предусмотренного частью второй статьи 292 УК Российской Федерации и выразившегося, по судебной оценке, во внесении в постановления об административных правонарушениях заведомо ложных сведений в отношении ряда граждан и о назначении каждому из них предупреждения, сведения о чем были также внесены в официальные документы статистической отчетности...»<sup>4</sup>. Другое дело – начальник отделения дознания, которая заведомо незаконно задержала лицо при рассмотрении сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), т.е. приняла необоснованное властно-распорядительное решение по поводу реально складывающихся отношений, а не просто сфальсифицировала протокол задержания. Судом установлено, что начальник отделения дознания заведомо незаконно задержала потерпевшего не только «без принятия решения о возбуждении уголовного дела», но и «без наличия на то законных оснований»<sup>5</sup>. Возможна ли гипотетическая ситуация, когда имеются основания задержания, указанные в ст. 91 УПК РФ, но само «задержание подозреваемого» осуществляется без возбуждения уголовного дела? И до-

1 Определение Верховного Суда РФ от 10.11.2006 N 44-о06-118.

2 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19.09.2007 N 309-П07.

3 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24.

4 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлюка Дениса Михайловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 N 2715-О.

5 Постановление Президиума Московского городского суда от 09.10.2018 по делу N 44у-556/2018.



пустимо ли в данном случае говорить только о нарушении порядка процессуального задержания? На поставленные вопросы нужно ответить отрицательно. Без возбуждения уголовного дела задержание подозреваемого не может быть обоснованным, так как наличие оснований не может быть доказано.

Как указано в решении суда, начальник отделения дознания незаконно задержала потерпевшего «с целью оказания психологического воздействия и получения признательных показаний». «По смыслу уголовного закона, – разъяснил Верховный Суд РФ, – к иным незаконным действиям, совершаемым в целях принуждения к даче показаний, ... могут быть отнесены, например, оскорбление данных лиц, умышленное существенное нарушение установленных требований о продолжительности и об условиях проведения допроса, использование сфальсифицированных доказательств»<sup>1</sup>. К незаконным действиям, применение которых образует принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), следует отнести и заведомо незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ). Но в комментируемой ситуации, когда виновная «без принятия решения о возбуждении уголовного дела заведомо незаконно задержала С. в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, составив соответствующий протокол, а также протокол допроса последнего в качестве подозреваемого», признавать С. легитимным «подозреваемым» и потерпевшим от принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) нельзя.

Сложно в исследуемом примере говорить и о наличии оснований для квалификации действий виновной наряду с ч. 1 ст. 301 УК РФ и по ч. 1 ст. 286 УК РФ, которая является общей по отношению к ст. 302 УК РФ. В составе принуждения к даче показаний «применение иных незаконных действий» характеризует способ совершения преступления. Но

если эти действия содержат признаки других посягательств, то они требуют самостоятельной квалификации. Виновный в принуждении к даче показаний использует только «эффекты» от их совершения. Такое «применение» может выражаться в обращении внимания потерпевшего на якобы доказанные обстоятельства, хотя на самом деле соответствующие доказательства были сфальсифицированы (ч. 2 ст. 303 УК РФ). Начальник отделения дознания желала оказать психологическое воздействие на потерпевшего путем его незаконного задержания. Но как было показано выше, отсутствие «подозреваемого» как возможного потерпевшего не позволяет квалифицировать действия виновной по ст. 302 УК РФ. А для квалификации оказываемого ей психологического воздействия с целью «получения признательных показаний» как превышения должностных полномочий в исследуемом случае не установлено какого-то иного, помимо незаконного задержания, существенного нарушения законных интересов потерпевшего, которое является обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ.

В приведенном примере судебной практики представление о заведомо незаконном задержании (ч. 1 ст. 301 УК РФ) как о специальном виде злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) позволяет заключить, что начальник отделения дознания, составив протокол задержания при отсутствии необходимых условий и оснований, не вышла за пределы своих прав, а незаконно их использовала. Данное злоупотребление властными полномочиями должно быть квалифицировано только по специальной норме (ч. 1 ст. 301 УК РФ) и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ не требует.

<sup>1</sup> О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20.



**Библиографический список**

1. Байсалуева Э.Ф. Незаконность задержания как основание привлечения к ответственности по части 1 статьи 301 УК РФ / Э.Ф. Байсалуева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – N 4. – С. 83-87.
2. Бессонова, И.В. Вопросы толкования и квалификации преступлений против правосудия / И.В. Бессонова, А.В. Кузнецов // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2021. – N 1. – С. 98-101.
3. Борков, В.Н. Уголовно-правовая охрана свободы личности подозреваемого, обвиняемого и осужденного / В.Н. Борков, Б.Б. Булатов // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – N 472. – С. 197-203.
4. Борков, В.Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности / В.Н. Борков. – Омск, 2022.
5. Булатов, Б.Б. Задержание в системе законодательства о борьбе с преступностью / Б.Б. Булатов, А.В. Борбат, А.В. Павлов // Российский следователь. – 2022. – N 10. – С. 17-23.
6. Друкаров, И.Л. Надзор прокурора за законностью задержания подозреваемых и обвиняемых и заключения под стражу / И.Л. Друкаров // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – N 2. – С. 78-82.
7. Махнева, А.Д. Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей / А.Д. Махнева // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – N 4. – С. 136-144.
8. Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. – М., 2005.
9. Тыняная, М.А. Отграничение халатности от других должностных преступлений / М.А. Тыняная // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – N 1. – С. 47-53.
10. Хайдаров, А.А. Проблема личной ответственности за производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений в отечественном уголовном процессе / А.А. Хайдаров // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – N 2. – С. 84-87.
11. Чобанов, Г.А. Отграничение заведомо незаконного задержания от других составов преступлений / Г.А. Чобанов, Д.В. Перцев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – N 4. – С. 107-110.



**Сергей Александрович ЯШКОВ,**

доцент кафедры уголовного права, криминологии  
и уголовного процесса  
Екатеринбургского филиала  
Московской академии  
Следственного комитета Российской Федерации,  
кандидат юридических наук, доцент  
*jasa79@rambler.ru*

**К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ СНА БЕСПОМОЩНЫМ СОСТОЯНИЕМ  
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**ON THE ISSUE OF RECOGNIZING SLEEP AS A HELPLESS STATE  
IN THE QUALIFICATION OF SEXUAL CRIMES**

В статье исследуются преступления, предусмотренные ст. 131-132 УК РФ. Автор анализирует особенности уголовной ответственности за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера, совершенных с использованием беспомощного состояния. На основе изучения видов беспомощного состояния, признанных практикой на уровне Верховного Суда РФ, в том числе сложившейся при квалификации убийств, на примерах судебной практики по делам об изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера обсуждается возможность или невозможность отнесения к ним естественного физиологического сна.

*The article examines the crimes provided for in Articles 131-132 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the features of criminal responsibility for rape or the commission of violent acts of a sexual nature committed using a helpless state. Based on the study of the types of helplessness recognized by practice at the level of the Supreme Court of the Russian Federation, including those that have developed in the qualification of murders, the possibility or impossibility of attributing natural physiological sleep to them is discussed on the examples of judicial practice in cases of rape and the commission of violent acts of a sexual nature.*

**Ключевые слова:** изнасилование, насильственные действия сексуального характера, беспомощное состояние, убийство, естественный физиологический сон.

**Keywords:** rape, sexual assault, helplessness, murder, natural physiological sleep.

Уголовным законом в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, признается совершение преступления в отношении беспомощного лица (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Беспомощное состояние потерпевшего в некоторых составах преступления, кроме того, может влечь повышенную уголовную ответственность (например, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, п. «в» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ и

др.) или же быть конструктивным признаком (к примеру, ст. 131-132 УК РФ).

Теория и практика выделяют два вида беспомощного состояния человека – физическое (физиологическое) и психическое. Применительно к первому по уголовным делам, например, об убийствах Верховный Суд РФ относит к таковым, в частности, тяжелую болезнь и престарелый возраст, а ко второму – психическое расстройство<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1, п. 7.



Вместе с тем практике известны случаи, когда смерть потерпевшему причиняется в тот момент, когда он спит. При этом спать человек может либо в результате наступления естественного физиологического сна либо в результате употребления, например, спиртных напитков. Является ли такое состояние беспомощным, и если да, то каким?

Исходя из позиции Верховного Суда РФ, согласно которой беспомощное состояние – это неспособность в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному<sup>1</sup>, следует признать, что состояние сна – обычного или случившегося после распития алкоголя – вряд ли можно признать психическим беспомощным состоянием, поскольку сон не является психическим расстройством, а спящий человек не может быть признан болеющим таким расстройством.

Однако следует признать, что, когда человек спит, он не может оказать сопротивление виновному, следовательно, такое состояние все же можно признать беспомощным, а именно физическим беспомощным состоянием.

Практике известны случаи признания сна беспомощным состоянием. Например, приговором Свердловского областного суда от 12 ноября 1997 г. К.А.В. был осужден по пп. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ за то, что нанес С., который в состоянии алкогольного опьянения спал в комнате на полу, удар в левую половину грудной клетки, от которого он скончался на месте. В судебном решении было указано, что, поскольку С. спал, он находился в беспомощном состоянии. Приговором Кировского областного суда от 28 апреля 1999 г. Ш.Ю.Н. был осужден, помимо иных преступлений, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ за то, что на почве личных неприязненных отношений решил совершить убийство своей приемной дочери Ш.И.Ю., находившейся в состоянии беременности, и ее мужа К., которые спали в своей комнате.

Преступление не было им доведено до конца ввиду того, что Ш.И.Ю., проснувшись после нанесения ей первых ударов, оказала Ш.Ю.Н. сопротивление. Вместе с тем описываемая практика имела место только «по суду первой инстанции».

В данном случае речь идет о том, что в первом приведенном примере Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, указал, что состояние алкогольного опьянения и сна потерпевшего не может свидетельствовать о его беспомощном состоянии во время убийства и служить основанием для квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В связи с этим осуждение К.А.В. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит исключению<sup>2</sup>.

По второму примеру Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по протесту заместителя Генерального прокурора РФ, указал, что суд первой инстанции, квалифицируя содеянное Ш.Ю.Н. по ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, посчитал, что беспомощное состояние потерпевших Ш.И.Ю. и К. в момент покушения на их убийство усматривается в том, что они находились в состоянии сна. Вместе с тем сон является физиологической потребностью организма, а не беспомощным состоянием в смысле п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поэтому осуждение Ш.Ю.Н. по указанному пункту ст. 105 УК РФ подлежит исключению из судебных решений<sup>3</sup>.

Как видно из приведенных примеров, в 1997 г. и 1999 г. суды предпринимали попытки квалифицировать убийство спящего по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, однако Верховный Суд РФ указал, что состояние сна, в том числе возникшего в результате употребления, например, спиртных напитков, не является беспомощным состоянием.

Данная позиция высшего судебного органа страны присутствует и в иных решениях<sup>4</sup>, что приводит правоприменителя к однознач-

1 О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1, п. 7.

2 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 22.11.2006 N 501-П06. Здесь и далее материалы судебной практики использованы в редакциях, находящихся в ИПО «Гарант» (дата обращения: 07.11.2022).

3 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.05.2002 N 280-П02ПР.

4 Надзорные определения Верховного Суда РФ от 21.10.2010 N 74-Д10-9, от 02.10.2008 N 93-Д08-8, от 07.03.2007 N 75-Д06-19; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.07.2001 N 523п2001пр.



ному выводу, что состояние сна не признается беспомощным состоянием.

Однако все приведенные примеры касаются квалификации убийств. А если рассмотреть ситуацию с точки зрения беспомощного состояния как конструктивного признака составов половых преступлений?

Половые преступления обоснованно признаются наиболее опасными. Помимо прямого физического и психического вреда они причиняют весьма существенные «отложенные» последствия, оказывая негативное влияние на половое и нравственное развитие личности, вызывая сложности в создании семьи и деторождении, способствуя десоциализации жертвы и т.д. В силу этого они составляют предмет постоянного и пристального внимания правотворческих, правоприменительных органов и научного сообщества [4, с. 4].

В контексте рассматриваемого вопроса речь идет о том, что объективная сторона, например, составов преступлений, предусмотренных ст. 131-132 УК РФ, может быть выполнена с применением насилия (физического или психического) или же с использованием беспомощного состояния потерпевшего, под которым Верховный Суд РФ понимает неспособность потерпевшего в силу своего физического или психического состояния (слабость или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному<sup>1</sup>.

Как видно, в данном случае высшая судебная инстанция в своих разъяснениях не указывает прямо или косвенно, можно ли отнести сон к беспомощному состоянию.

В связи с этим возникает вопрос: будет ли иметь место состав преступления, например предусмотренный ст. 131 или 132 УК РФ, когда попытка изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера будет совершена виновным в отношении спавшего потерпевшего? Представ-

ляется, что в силу огромной общественной значимости защиты граждан от совершения такого рода преступлений [2, с. 43] этот вопрос следует тщательно проанализировать.

Если рассматривать убийства, следует признать, что п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ вменить будет нельзя. А если говорить о ст. 131 или 132 УК РФ? Можно ли признать их совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего или же нужно констатировать, что сон не может быть признан беспомощным состоянием и в действиях виновного при отсутствии примененного с его стороны физического или психического насилия отсутствует состав преступления?

Именно с такой ситуацией столкнулись следователи Следственного комитета Российской Федерации, расследовавшие факт попытки совершения в отношении несовершеннолетнего насильственных действий сексуального характера, когда он спал.

Долгое время тема половых преступлений против несовершеннолетних оставалась закрытой, и лишь в последнее время ей стали уделять особое внимание, что во многом связано с увеличением числа совершенных, а также совершаемых половых преступлений над детьми до 18 лет [1, с. 45]. Данная категория граждан составляет будущее нашей страны, в этой связи их половая неприкосновенность и половая свобода требуют повышенной правовой защиты от преступного посягательства [5, с. 27].

При уголовно-правовой оценке данного деяния первое, с чем столкнулось следствие, – это отсутствие факта применения виновным к несовершеннолетнему физического или психического насилия. Да и зачем его применять, если он спит и не препятствует виновному в совершении действий (расстегнул джинсы и через трусы стал своей рукой гладить гениталии подростка)?

В связи с этим, если насилие не применялось и с учетом того, что на практике сон не признается беспомощным состоянием, следствие пыталось вынести «отказной материал». Однако руководство не дало этого сделать,

<sup>1</sup> О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16, п. 5.



посчитав, что несовершеннолетний находился в беспомощном состоянии, поскольку спал, и позиция практики в отношении сна по убийствам быть применена к ст. 132 УК РФ не может. Такой же позиции придерживался и надзорный орган Российской Федерации, поскольку постановление о возбуждении уголовного дела не было им отменено.

В процессе расследования следствию не удавалось расписать объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, поскольку достоверно доказывалось, что насилия (физического или психического) к потерпевшему не применялось, а однозначной позиции (является ли сон беспомощным состоянием) не было. Более того, в какой-то момент прокуратура решила, что сон в данной ситуации не может быть признан беспомощным состоянием, и стала рекомендовать прекратить уголовное дело.

Единственным козырем «в рукаве» у следствия было заключение специалиста, который, проведя психологическое обследование несовершеннолетнего, установил, что в момент совершения в отношении подростка посяательства последний спал, а проснувшись, начал наблюдать за тем, как обвиняемый совершал в отношении него действия сексуального характера, не оказывая сопротивления, что свидетельствует о том, что он находился в беспомощном состоянии.

Факт его нахождения в этом состоянии, по показаниям специалиста, оглашенным впоследствии в судебном заседании, подтверждался стрессовой ситуацией, в которую попал несовершеннолетний, особенностями его характера (неконфликтный, мягкий, уступчивый, скромный, легко подавляется более сильной, авторитетной личностью), отсутствием с его стороны факта обращения за чьей-либо помощью для пресечения совершаемых в отношении него противоправных действий.

Вместе с тем в материалах уголовного дела имелось заключение судебной комплексной психолого-психиатрической комиссии экспертов, которое полностью перечеркивает заключение специалиста и признает, что подросток не находился в период совершения в отношении него действий сексуального характера в беспомощном состоянии, поскольку, проснувшись и осознав фактический характер совершаемого с ним, резко от виновного отодвинулся, спросив: «Что вы делаете?», что указывает на то, что в беспомощном состоянии он не находился.

Данное уголовное дело было окончено производством. В качестве доказательств нахождения потерпевшего в беспомощном состоянии следствие вменяло: сон, несовершеннолетний возраст, нахождение подростка в стрессовой для него ситуации, отсутствие психологической и физиологической возможности оказать сопротивление виновному. Дело было рассмотрено районным судом по существу<sup>1</sup>, однако фигурант был оправдан на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления. В основу приговора суд положил заключение комплексной экспертизы.

Кроме того, сославшись на постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г. N 11-П12ПР<sup>2</sup>, суд указал, что сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека и не может расцениваться как беспомощное состояние в том понимании, которое придается ему уголовным законом.

В итоге суд указал, что, поскольку в действиях подсудимого нет такого обязательно признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, как нахождение потерпевшего в беспомощном состоянии, то в его действиях нет состава преступления, а указанные в обвинении подсудимого действия с учетом обстоя-

1 Как известно, судами часто не публикуются тексты приговоров по половым преступлениям (особенно тех, потерпевшими в которых выступают несовершеннолетние). В связи с этим по этическим соображениям автором данной работы не будет приведена даже ссылка на рассмотрение дела на официальном сайте суда (как и иных примеров, приведенных в статье).

2 В данном постановлении речь идет об исключении из квалификации п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по причине того, что потерпевший спал, будучи в тяжелой степени опьянения, что не признается практикой беспомощным состоянием.



тельств дела нельзя квалифицировать ни по какой иной статье УК РФ, так как они не содержат признаков состава ни одного из преступлений.

Один из выводов, который можно сделать по данному приговору: судьей сон категорически не был признан беспомощным состоянием, однако обоснование – ссылка на решение Верховного Суда РФ по уголовному делу об убийстве – может быть подвергнуто сомнению. Особенно с учетом того факта, что и следствие, и гособвинитель указывали, что преступление, будучи формальным, было окончено в момент, когда виновный только-только прикоснулся к потерпевшему, расстегнул ему джинсы и начал трогать его половые органы.

В данном утверждении есть определенная логика, поскольку «для правильной квалификации преступлений обсуждаемой категории важно учитывать объективную сторону» [3, с. 215], а она состоит из двух обязательных действий: 1) совершение действий сексуального характера; 2) они должны быть совершены с применением насилия или угрозы его применения либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего.

Несмотря на то, что в некоторой литературе утверждается, что главным фактором при квалификации изнасилований и насильственных действий сексуального характера является наличие применяемого насилия или угрозы насилием [7, с. 15], данные преступления могут совершаться и с использованием беспомощного состояния потерпевшего. И как раз в нашем случае думается, что оба эти действия имеют место – виновный начал совершать в отношении подростка действия сексуального характера, воспользовавшись тем, что он спал.

Следует ли сомневаться в вынесенном решении суда, учитывая, что, согласно данным картотеки движения дела, на официальном сайте районного суда оно не обжаловалось и было передано в архив, а значит, вступило в законную силу? Не делать этого – значит признать, что в других случаях суды ошибались. Например, практике известен практически аналогичный случай, совершенный в отношении малолетнего. Как и в приведенном выше

примере, следствием было установлено и доказано, что виновный склонился над спящим девятилетним мальчиком, засунул свою правую руку ему в трусы и гладил его половые органы, пока рядом спящая мать малолетнего не проснулась, не увидела происходящее и не оттолкнула лицо, совершающее противоправное деяние. Помимо иных преступлений, судом первой инстанции виновный был осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, т.е. описанную выше ситуацию суд признал преступлением, а нахождение потерпевшего в состоянии сна – беспомощным состоянием. Приговор осужденным обжаловался, однако вышестоящей судебной инстанцией он был оставлен в силе. В апелляционном определении было указано, что преступные действия виновного были правильно квалифицированы по ст. 132 УК РФ как действия сексуального характера, совершенные с использованием беспомощного состояния потерпевшего в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Думается, что данную позицию суда следует приветствовать и поддерживать, поскольку безопасность здоровья, физическая и нравственная безопасность детей определяют вектор развития будущего любого государства [6, с. 185].

Приведенный пример свидетельствует о том, что практика признания сна по ст. 132 УК РФ беспомощным состоянием существует. Есть она и по ст. 131 УК РФ. Так, следователями Следственного комитета Российской Федерации расследовалось уголовное дело по факту совершения полового сношения, совершенного в отношении несовершеннолетней. По материалам дела было установлено, что в момент совершения события преступления потерпевшая спала и проснулась от боли, причиненной ей виновным в результате введения полового члена в ее влагалище, что привело к разрыву девственной плевы.

В материалах дела имелось заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы, согласно которой в момент совершения проникновения потерпевшая находилась в состоянии естественной фазы глубокого сна, а с момента начала пробуждения в результате ощущения сильной боли



в промежности – в просоночном состоянии (сновидном изменении сознания, дезориентированности в происходящем, отсутствии адекватного восприятия происходящего), лишившем ее возможности понимать характер и значение совершавшихся с ней действий и оказывать сопротивление до момента полного пробуждения.

На основе данного и иных доказательств фигурант был признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, т.е. в совершении полового сношения с использованием беспомощного состояния несовершеннолетней потерпевшей.

Приговор суда вступил в силу, однако представим себе ситуацию, что в приведенном случае суд не признал бы состояние сна беспомощным состоянием. Как и в первом приведенном примере, нужно было бы тогда признать, что действия виновного по совер-

шению полового акта с несовершеннолетней не являются уголовно наказуемыми.

Возможно ли представить себе, что уголовный закон так и формулировался, а практика эту формулировку подтверждает? Думается, что нет.

В связи с этим во избежание оправдательных приговоров по половым преступлениям, предусмотренным ст. 131-132 УК РФ, совершенным в отношении спящих потерпевших, предлагается не распространять практику непризнания сна беспомощным состоянием, сложившуюся по убийствам, а также при назначении соответствующих комплексных экспертиз ставить перед экспертами такие вопросы, ответы на которые в заключении давали бы четкое представление о том, что потерпевший (-ая) находились в состоянии сна и именно данный факт способствовал виновному совершить преступление.

### Библиографический список

1. Волкова, Н.А. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Н.А. Волкова, В.В. Слепова // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – N 37-3. – С. 45-47.
2. Ефимова, В.Ю. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы квалификации и назначения справедливого наказания / В.Ю. Ефимова, А.М. Васильев // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – N 87-7. – С. 42-47.
3. Ломакина, А.А. Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности личности / А.А. Ломакина // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы международной научно-правовой конференции. – Краснодар: КрУ МВД России, 2016. – Т. 2. – С. 213-217.
4. Мотин, А.В. Квалификация половых преступлений : монография / А.В. Мотин ; под науч. ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: Изд-во Триумф, Лучшие книги, 2019. – 231 с.
5. Николенко, А.А. Актуальные вопросы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних / А.А. Николенко, Н.Н. Володин // Юридический факт. – 2022. – N 161. – С. 27-29.
6. Никульченкова, Е.В. Квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: теоретические и практические аспекты / Е.В. Никульченкова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5(71). – N 2. – С. 185-191.
7. Сиданич, К.В. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в Российской Федерации и за рубежом / К.В. Сиданич // Право. Общество. Государство : сборник научных трудов студентов и аспирантов / отв. ред. Е.В. Трофимов. – СПб., 2020. – С. 14-17.



**Игорь Николаевич САКОВЕЦ,**

заместитель начальника кафедры  
юридических дисциплин  
Военной академии Республики Беларусь  
(г. Минск)

zetl6866@gmail.com

## СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

### THE WAYS OF COMMITTING AND CONCEALING VIOLATIONS OF THE STATUTORY RULES GOVERNING RELATIONS BETWEEN MILITARY PERSONNEL

В статье рассмотрены способы совершения и сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности как структурный компонент их криминалистической характеристики. Автор предлагает классификацию способов совершения обозначенных преступлений, выделяет категории военнослужащих, заинтересованных в сокрытии нарушений уставных правил взаимоотношений, способы совершения данных действий.

*The article considers the ways of committing and concealing violations of the statutory rules governing relations between persons who have the status of a serviceman without subordination relations, as a structural component of their forensic characteristics. The author suggests the classification of the ways of committing the mentioned crimes, singles out the categories of military personnel interested in concealing violations of the statutory rules of relations, the ways of committing these actions.*

**Ключевые слова:** военнослужащий, криминалистическая характеристика, неуставные взаимоотношения, способы совершения, способы сокрытия, воинские преступления.

**Keywords:** *serviceman, forensic characteristic, non-statutory relations, ways of committing, ways of concealing, military offences.*

Деятельность Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Беларусь направлена на обеспечение военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь, ее суверенитета, независимости, территориальной целостности и конституционного строя<sup>1</sup>.

Обозначенная деятельность обеспечивается соблюдением всеми военнослужащими установленного воинского правопорядка, надлежащим исполнением общих, должностных и специальных обязанностей.

Отношения, возникающие между военнослужащими, определены Конституцией

<sup>1</sup> О Вооруженных Силах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 03.11.1992 N 1904-З XII (ред. от 14.06.2021), ст. 1. Здесь и далее нормативные правовые акта: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/>.



Республики Беларусь<sup>1</sup>, законодательством Республики Беларусь о военной службе<sup>2</sup>.

Общевоинские уставы Вооруженных Сил Республики Беларусь детально регулируют порядок взаимоотношений между военнослужащими, устанавливают правила поведения, которыми военнослужащие обязаны руководствоваться в повседневной жизнедеятельности.

Наибольшую опасность для уставного правопорядка и воинской дисциплины представляют преступления против порядка подчиненности, особое место среди которых занимают нарушения уставных правил взаимоотношений (далее – НУПВ) между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности (ст. 443 УК Республики Беларусь).

Уставной воинский правопорядок обеспечивается путем принятия своевременных и действенных мер по устранению условий и предпосылок формирования НУПВ.

В криминалистической литературе способу совершения преступления уделено достаточное внимание, так как он является одним из основных слеодообразующих элементов криминалистической характеристики любого вида преступления, обладает важной информацией, необходимой для их раскрытия.

Способ совершения преступления представляет собой систему умышленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, которые охватываются единым преступным замыслом [4, с. 54]. Основными направлениями использования сведений о способе совершения преступления следует считать: выдвижение версий о способах совершения преступлений на основе изучения следовой картины; розыск преступников по признакам способов совершения преступления; выдвижение версий о месторасположении следовой информации; предупреждение и профилактику преступлений; разработку методических рекомендаций по расследова-

нию и раскрытию преступлений отдельных видов и групп.

В Республике Беларусь предусмотрена периодизация призыва граждан на срочную военную службу и увольнения в запас военнослужащих (ст. 45 Закона РБ «О воинской обязанности и воинской службе»), а значит, по временному критерию каждый призыв по отношению к другим выступает в качестве старшего или младшего. Таким образом, на период службы военнослужащего приходится три этапа призыва: младший – средний – старший, каждый из которых характеризуется относительно ограниченным кругом лиц.

На основе разработанных рекомендаций [3, с. 152] указанный подход позволяет выявлять и систематизировать способы совершения НУПВ, которые характерны для военнослужащих как одного периода военной службы по призыву, так и нескольких. При классификации способов совершения данных преступлений важно учитывать и особенности личности преступника из числа отдельных категорий военнослужащих.

В Республике Беларусь расследование НУПВ до настоящего времени не было предметом самостоятельных исследований. Отдельные вопросы о способах их совершения и сокрытия освещались в работах А.Е. Волкова [1], А.А. Данченко [2], Е.А. Моргуленко [6], В.А. Талалаева [8], А.И. Хомякова [9] и некоторых других авторов. Следует отметить, что обозначенные работы содержат только отдельные вопросы в области криминалистики, рассматривались в рамках уголовно-правовой, криминологической характеристики, военной педагогики и психологии, воинского воспитания.

Сведения о способах совершения и сокрытия НУПВ являются структурным компонентом их криминалистической характеристики. В структуру криминалистической характеристики НУПВ, кроме рассматривае-

<sup>1</sup> Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 27.02.2022, ст. 57.

<sup>2</sup> О воинской обязанности и воинской службе : Закон Респ. Беларусь от 05.11.1992 N 1914-3 XII (ред. от 10.12.2020); О статусе военнослужащих : Закон Респ. Беларусь от 04.01.2010 N 100-3 (ред. от 10.12.2020); Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 26.06.2001 N 355 (ред. от 06.04.2017); Об утверждении Положения о порядке прохождения военной службы : Указ Президента Респ. Беларусь от 25.04.2005 N 186 (ред. от 02.05.2019).



мого компонента, следует отнести также сведения об этапах прохождения военной службы, следах НУПВ, времени и месте НУПВ, личности преступника, его мотивах и целях, особенностях личности потерпевшего, связи НУПВ с другими правонарушениями [5, с. 394; подр.: 7, с. 63].

Избрание конкретной формы НУПВ зависит от обстоятельств совершения НУПВ. Такими обстоятельствами при НУПВ чаще выступают обстановка и условия, ее образующие, которые в большинстве случаев военнослужащими сознательно формировались (изменялись).

Формирование обстановки, как правило, происходит под влиянием различных факторов: допускаемые нарушения при обеспечении выполнения элементов распорядка дня или несения службы; существенное ослабление степени и объема контроля со стороны отдельных должностных лиц подразделения (воинской части); мотивы и цели совершения НУПВ. Условия преступником сознательно формируются с учетом факторов времени, места территории воинской части, вида службы, морально-психологических качеств потенциальных потерпевших и др.

Исходя из изучения материалов практики расследования НУПВ, представляется возможным выделить следующие способы совершения НУПВ.

1. Морально-психологические, сопряженные с моральным давлением на военнослужащего:

- прикрепление отдельным военнослужащим прозвищ, кличек оскорбительного значения;
- моральное унижение и оскорбление;
- попытки сделать человека изгоем в коллективе;
- навешивание отрицательных ярлыков;
- принуждение к различным действиям, не связанным с физическим воздействием: приготовление кофе или чая; подшивание и стирка чужого обмундирования; заправка чужих кроватей; запреты курения младшему призыву; распределение мест в машинах, помещениях, клубах, строях по сроку службы; использование младшего призыва на наиболее грязных и трудных работах и т.д.;

- постановка заведомо невыполнимых задач военнослужащим младшего призыва (например, найти кипятик в пути следования подразделения на автомобиле для перевозки личного состава);

- лишение приема пищи военнослужащих младшего призыва в суточном наряде;

- помывка в бане первыми военнослужащих старшего призыва;

- нарушение дисциплины строя (например, при передвижении строем после команды старшего «СМИРНО!» строевым шагом должны идти только военнослужащие поздних периодов призыва и др.).

2. Физическое воздействие, связанное с насильственными формами:

- отжимание и иные физические упражнения как форма наказания;

- нанесение ударов руками или ногами;

- танцы «джамбо» (в положении полуприседа), «прокачка» (упражнения в спортивном уголке), «крокодил» (стояние на вытяжке между дужками кроватей) и т.п.;

- удары резиновой палкой;

- удары электрическим током от радиостанции;

- удары различными предметами (табурет, дужка от кровати, горловина фляги, пряжка ремня и др.);

- принуждение насильно есть продукты в большом количестве (масло, хлеб и др.);

- подъемы военнослужащих после отбоя;

- запрет спать в ночное время либо по графику в суточном наряде (карауле) и др.

3. Насаждение неформальных армейских традиций (сложившееся поведение военнослужащих), способствующих существованию неуставной атмосферы в воинском коллективе:

- отказ от употребления сливочного масла за сто дней до выхода приказа об увольнении;

- оборудование «дембельского» комплекта формы одежды;

- ведение «дембельского» календаря;

- стрижка наголо за несколько месяцев до увольнения;

- жаргонная иерархия в зависимости от длительности пребывания на военной службе («дух», «молодой», «палаген», «дед», «дембель» и т.п.);



– установление отличий по призывам в форме одежды (старший призыв по-другому подшивает подворотнички, носит вставки в погонах и шевронах, металлические заклепки на завязках берета и др.).

4. Нарушения в материальной (денежной) сфере:

- отбирание денег у младшего призыва;
- установление расценок за провинности для младшего призыва (опоздание в строй – 1 рубль, невыполнение указаний старшего призыва – 3 рубля и т.д.);
- требование приносить подарки в виде сигарет и продуктов из увольнений и отпусков;
- установление фиксированных денежных сумм при движении по мнимой иерархической лестнице;
- покупка продуктов в магазине для старшего призыва;
- выкуп имущества, предметов военной формы одежды;
- оплата разрешения пойти в городское увольнение, отпуск по поощрению;
- оплата чужого мобильного телефона;
- пользование чужой банковской картой;
- «продажа» должности младшему призыву (характерно для водителей и других хозяйственных должностей) и др. [5, с. 395-396]

Важно отметить, что проявления НУПВ могут содержать в себе несколько способов их совершения. Например, такая наиболее распространенная неформальная армейская традиция, как «перевод в высшую ступень иерархической мнимой лестницы», зачастую сопровождается физическим (удары руками, ногами, табуретом, ремнем и т.д.), морально-психологическим (приготовление кофе, подсчет дней до увольнения) воздействием, а также нарушениями в материальной (денежной) сфере (выплата определенных фиксированных денежных сумм за «перевод», покупка продуктов питания, сигарет).

Обозначенный выше перечень не является исчерпывающим и может видоизменяться. При этом для возникновения проблем в воинском коллективе достаточно только одной из приведенных форм НУПВ.

В криминалистической литературе способы совершения НУПВ также классифицируют по временному критерию на традиционные (физические упражнения, подъем военнослужащих младшего призыва в ночное время и опрос их на предмет знания положений устава и т.п.) и образовавшиеся в военной среде относительно недавно (лишение курения на определенный период времени, запрет просмотра видеофильмов, посещения буфета, оплата счетов операторов сотовой связи и т.п.) [6, с. 3].

Многообразие способов совершения НУПВ создает определенную сложность расследования рассматриваемых преступлений, для которых характерны как полноструктурные (подготовка, совершение и сокрытие), так и менее квалифицированные (совершение и сокрытие, подготовка и совершение, только совершение) способы совершения преступления.

Комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию НУПВ более характерен для преступников из числа военнослужащих более позднего призыва на военную службу (периода службы), которые проводят ряд подготовительных действий [6, с. 4-6]. При совершении НУПВ к ним следует отнести следующие: предварительное определение конкретного военнослужащего более позднего периода службы (группы военнослужащих); определение наиболее «удобного» времени в распорядке подразделения; изучение особенностей личности личного состава суточного наряда (караула, дежурного подразделения); выявление нарушений в организации внутренней или иной службы, отсутствие или ненадлежащий контроль со стороны должностных лиц воинской части; планирование и принятие мер по сокрытию следов НУПВ и др. [9, с. 396]. Вместе с тем указанный перечень действий по подготовке, совершению и сокрытию рассматриваемой категории преступлений не характерен единичным проявлениям НУПВ.

В подавляющем большинстве случаев следы НУПВ скрываются. В целях сокрытия преступники из числа военнослужащих стремятся избрать способы, препятствующие как возникновению, так и обнаружению следов НУПВ (например, сокрытие сбора денег



маскируется приобретением предметов хозяйственно-бытового назначения либо обосновывается необходимостью обеспечить их хранение; наличие гематом, ссадин – занятиями по боевой подготовке и т.п.).

Большинство НУПВ совершаются с применением физического насилия, скрыть последствия которого зачастую вызывает у преступников определенные трудности. Действия по сокрытию НУПВ с применением физического насилия продолжаются до утраты следов насилия у потерпевшего (потерпевших).

Непосредственные участники НУПВ совершают действия по сокрытию следов преступления, чтобы избежать ответственности. Вместе с тем отдельные действия по сокрытию НУПВ осуществляются и иными заинтересованными лицами. На основании этого целесообразно выделить группы военнослужащих, тем или иным способом заинтересованных в сокрытии НУПВ, каждой из которых характерны типичные способы сокрытия.

1. Непосредственные участники НУПВ – совершившее НУПВ лицо (лица) и потерпевший (потерпевшие). В этой ситуации целесообразно учитывать связи «преступник – потерпевший». В целях сокрытия следов НУПВ здесь выступают следующие виды действий:

- имитация получения травмы в присутствии начальника (например, в ходе выполнения хозяйственных работ, на занятиях по боевой подготовке);

- обоснование получения травмы на работах, в ходе самостоятельного занятия спортом;

- умышленное преувеличение существующих признаков болезни (недомогания) потерпевшим;

- самоустранение потерпевшего от мероприятий подразделения (например, предоставление ложной информации о посещении им санитарной части (медицинского пункта), комнаты посетителей КПП и др.);

- маскировка ссадин, синяков, гематом (использование косметических средств, тонального крема и т.п.);

- застирывание на форме одежды следов крови, ремонт одежды, замена (приобретение) ее элементов или отдельных предметов;

- утаивание информации о НУПВ.

Основными причинами этого являются: низкий уровень правового воспитания военнослужащих; отсутствие понимания потерпевшими того, что в их отношении осуществлялись преступные действия; убежденность в незначительности события; боязнь потерпевшим негативного отношения со стороны сослуживцев, физической расправы, создания невыносимых условий дальнейшей службы; недоверие к командирам и начальникам в разрешении ими проблемы НУПВ; нежелание быть «стукачом, шестеркой»; ложное понимание чувства товарищества, понятие «необходимости» пройти через НУПВ и др.

2. Сослуживцы, в том числе и соучастники НУПВ, которым непринятие мер по сокрытию преступления грозит изобличением. Основными причинами сокрытия являются: бездействие младших командиров, лиц караула, суточного наряда, «круговая порука», отношения ложного товарищества и др.

На практике чаще встречаются такие способы сокрытия, как обман при проверке наличия личного состава подразделения либо конкретного военнослужащего (один военнослужащий представляется несколько раз за отсутствующих, называется чужим именем, пропускается фамилия военнослужащего в списке личного состава и др.), сокрытие имеющих значение фактов к расследованию, дача ложных показаний и др.

3. Лица суточного наряда (дежурного подразделения), караула. Эта категория военнослужащих заинтересована в сокрытии данных преступлений в связи с тем, что рассматриваемые правонарушения зачастую сопряжены с преступными нарушениями правил несения внутренней или караульной службы (ст. 451, 454 УК РФ). К таким способам относятся:

- внесение ложных изменений в документацию суточного наряда, караула, а также их уничтожение в целом или части;

- замывание пятен крови на полу, предметах мебели;

- перестановка мебели в подразделении со следами НУПВ, ее ремонт и т.д.

4. Младшие командиры. Командиры из числа сержантского состава прибегают к сокрытию следов НУПВ следующим образом:



– замена военнослужащих с признаками насилия другими лицами;

– назначение их для производства различного вида хозяйственных работ в отрыве от подразделения (уборка внешней территории, наведение порядка в кладовых, столовой, тирах, на подсобных хозяйствах, стрельбище и т.п.);

– придание видимости законности отсутствию военнослужащего в строю при проверке личного состава посредством доведения ложной информации (о нахождении в отпуске, увольнении, посещении медицинского пункта, комнаты посетителей КПП, назначении в суточный наряд или караул и т.п.);

– нахождение военнослужащих с признаками насилия над ними в последних шеренгах на флангах подразделения и т.п.

5. Командиры и начальники. На практике возникают ситуации, когда обозначенная категория военнослужащих систематически не выполняет свои служебные или должностные обязанности, выполняет их не в полном объеме, несвоевременно или некачественно. В связи с этим отдельные командиры и начальники с целью скрыть свое бездействие или халатное отношение к службе (ст. 455, 456 УК РФ) принимают меры и по сокрытию фактов НУПВ.

К способам сокрытия относятся:

– назначение военнослужащих с признаками физического насилия в более позднюю смену суточного наряда или караула;

– внесение ложных сведений в служебные документы (списки вечерней поверки, документацию суточного наряда и т.д.), а также их уничтожение;

– перевод военнослужащих – участников НУПВ (преступника и потерпевшего) в другие подразделения, места прохождения военной службы;

– невыполнение действий по регистрации травм (должностными лицами медицинской службы);

– игнорирование либо бездействие при получении сообщений о НУПВ от подчиненных командиров, других военнослужащих;

– незамечание явных признаков НУПВ в подразделении;

– сокрытие имеющих значение в расследовании фактов;

– обоснование наличия телесных повреждений разнообразными объективными причинами (на индивидуальных физических тренировках, спортивно-массовой работе и т.п.);

– уменьшение степени опасности деяния и т.п.

Типичные мотивы такого противодействия отдельных командиров и начальников заключаются в нежелании портить отношения с вышестоящим командованием, показатели служебной деятельности подразделения; «палочной системе», недостаточной профессиональной подготовленности, в том числе в правовой области, боязни быть привлеченным к ответственности за допущение в подразделении НУПВ и др.

Анализ материалов расследования преступлений обозначенной категории показывает, что НУПВ чаще всего прикрывается огласке командованием в случае невозможности их скрыть в связи с самовольным оставлением места несения службы, попытками суицида, тяжкими телесными повреждениями или иным вредом здоровью и др.

Таким образом, обобщение и систематизация сведений о способах совершения и сокрытия НУПВ позволяют сформулировать следующие выводы:

1) сведения о способах совершения и сокрытия НУПВ являются структурным компонентом их криминалистической характеристики;

2) периодизация прохождения срочной военной службы на этапы (младший – средний – старший), особенности прохождения службы на каждом из них, особенности личности отдельных категорий военнослужащих с учетом их мотивов и целей способствуют выбору определенной формы и способов НУПВ. При реализации преступных намерений проявляются особенности действий по подготовке, совершению, сокрытию данных преступлений;

3) способы совершения НУПВ целесообразно разделить на группы: морально-психологические, сопряженные с моральным давлением на военнослужащего; физическое



воздействие, связанное с насильственными формами; насаждение неформальных армейских традиций; нарушения в материальной (денежной) сфере;

4) в большинстве случаев следы НУПВ скрываются. Обозначенные действия осуществляются различными категориями военнослужащих, тем или иным способом заинтересованных в сокрытии НУПВ. К данным категориям следует отнести: непосредственных участников – лицо (лиц), совершивших НУПВ, и потерпевшего (потерпевших); сослуживцев, в том числе и соучастников НУПВ, которым непринятие мер по сокрытию преступления грозит изобличением; лиц суточ-

ного наряда, караула; младших командиров; командиров и начальников. Каждой обозначенной группе военнослужащих характерны типичные способы сокрытия НУПВ.

Сведения о способах совершения и сокрытия рассматриваемых преступлений, их классификация и детализация ориентированы на разработку тактических приемов и методических рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению НУПВ, на организацию и планирование их расследования, а также на повышение эффективности решения задач расследования его субъектами.

### Библиографический список

1. Волков, А.Е. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Е. Волков. – Н. Новгород, 2004. – 208 с.
2. Данченко, А.А. Методика расследования преступлений против порядка подчиненности и воинской чести / А.А. Данченко, Е.Н. Холопова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 188 с.
3. Ермолович, В.Ф. Концептуальные подходы к классификации и систематизации способов совершения преступлений / В.Ф. Ермолович, Д.В. Ермолович // Проблемы управления. – 2012. – N 1(42). – С. 147-153.
4. Ермолович, В.Ф. Криминологическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001. – 303 с.
5. Криминология : пособие / В.Б. Шабанов [и др.] ; под ред. В.Б. Шабанова, В.Л. Григоровича. – Минск: БГУ, 2019. – 551 с.
6. Моргуленко, Е.А. Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия / А.Е. Моргуленко // Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2006. – Вып. 64. – 192 с.
7. Саковец, И.Н. К вопросу о методике расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими / И.Н. Саковец // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2020. – N 2. – С. 62-66.
8. Талалаев, В.А. Способы сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими / В.А. Талалаев, Н.В. Брайчук // Научно-практический журнал «Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение». – 2016. – N 11-12(232, 233). – 111 с.
9. Хомяков, А.И. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Хомяков. – М., 2002. – 305 с.



## ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.85

DOI 10.51980/2542-1735\_2023\_1\_39



**Сергей Михайлович МАЛЬКОВ,**  
начальник кафедры уголовного права  
и криминологии Сибирского юридического  
института МВД России (г. Красноярск),  
кандидат юридических наук, доцент  
[serqeymalkov@mail.ru](mailto:serqeymalkov@mail.ru)

### МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА КАК ВИД АЛЬТЕРНАТИВНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

### MEDICAL MEASURES AS A TYPE OF ALTERNATIVE CRIMINAL LIABILITY AND A MEANS OF COUNTERING CRIMES IN THE FIELD OF DRUG TRAFFICKING

В статье анализируется правовая природа мер медицинского характера как альтернативы уголовной ответственности и их роль в противодействии преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Даются классификация и характеристика каждого вида мер медицинского характера, применяемых к больным наркоманией (принудительное лечение, обязательное лечение, компромиссное лечение). Рассматривается механизм достижения целей лечения больных наркоманией в рамках мер медицинского характера. Анализируется обусловленность рассматриваемых мер и исследуется их эффективность. Формулируются проблемы применения медицинских мер и предлагаются пути их совершенствования.

The article analyzes the legal nature of medical measures as an alternative to criminal liability and their role in countering crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The classification and characteristics of each type of medical measures applied to patients with drug addiction (forced treatment, compulsory treatment, compromise treatment) are given. The mechanism of achieving the goals of treatment of drug addicts within the framework of medical measures is considered. The analysis of the conditionality of the considered measures is given and their effectiveness is studied. The problems of the application of medical measures and conclusions about the need for their improvement are formulated (compromise treatment).

**Ключевые слова:** наркопреступление, наркопреступник, наркомания, больные наркоманией, меры медицинского характера, принудительное лечение, обязательное лечение, компромиссное лечение, отсрочка от исполнения наказания, практика применения, механизм уголовно-правового воздействия, общественная опасность лица, эффективность лечения.

**Keywords:** drug related crime, drug offender, drug addiction, drug addicts, medical measures, forced treatment, compulsory treatment, compromise treatment, deferral of punishment, practice of application, mechanism of criminal legal impact, public danger of a person, effectiveness of treatment.



**В** рамках уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношений правоприменителем отдан приоритет карательному потенциалу противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, содержание которого заключается в назначении, исполнении и правовых последствиях уголовного наказания. В качестве основного элемента механизма данного противодействия выступает страх законопослушного населения перед возможностью назначения и исполнения уголовного наказания [6, с. 23]. Вместе с тем уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации позволяет обратить внимание на иные, альтернативные виды уголовной ответственности, являющиеся не менее эффективными и минимально затратными в процессе противодействия наркопреступлениям.

Наиболее перспективным видом альтернативной уголовной ответственности могут стать меры медицинского характера (лечение), применяемые в отношении наркозависимых лиц, виновных в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Следует указать, что этот вид уголовной ответственности может быть удачно адаптирован в многофакторной модели противодействия наркопреступности [подр.: 4, с. 268-269], сформулированной Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. N 733, в которой особая роль отведена лечению наркозависимых лиц.

По своей правовой природе и особенностям применения следует выделить три вида мер медицинского характера, применяемых к больным наркоманией:

- 1) принудительное лечение (принудительные меры медицинского характера);
- 2) обязательное лечение;
- 3) компромиссное (альтернативное, договорное) лечение.

История уголовного законодательства обращает внимание на то, что появление при-

нудительных мер медицинского характера как самостоятельной формы уголовно-правового принуждения не является произвольным актом законодателя, а обусловлена в первую очередь опасным состоянием преступника и необходимостью ограничения пределов уголовного наказания [8, с. 241-243]. В дальнейшем целесообразность существования данных мер была обозначена в ст. 54 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», в которой содержится указание на наркологическую помощь больным наркоманией, включающее в себя профилактику, диагностику, лечение и медицинскую реабилитацию.

Однако Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» был существенно сужен арсенал уголовно-правового воздействия на наркопреступников вследствие отмены п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ, предусматривающего принудительную меру медицинского характера, применяемую в отношении лиц, совершивших преступления и признанных нуждающимся в лечении от алкоголизма и наркомании.

Среди причин данного законодательного решения, на наш взгляд, следует выделить, во-первых, схожесть правовой природы принудительных мер медицинского характера с уголовным наказанием, поскольку режим исполнения принудительных мер медицинского характера и лечения наркозависимых максимально совпадает с режимом отбывания лишения свободы. Это влечет за собой неэффективность и дублирование данных мер, а также нарушение норм уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства. Во-вторых, неурегулированность законодательством отдельных вопросов принудительного лечения, обострившуюся после упразднения лечебно-трудовых профилакториев, отсутствие четкого порядка проведения медицинской экспертизы больных наркоманией, а также отсутствие специального законодательства и иных нормативных актов, регламентирующих исполнение дан-



ных мер. В-третьих, минимальное количество больных наркоманией, виновных в совершении наиболее опасных наркопреступлений, таких как производство, сбыт, контрабанда наркотических средств, в отношении которых назначались максимальные сроки лишения свободы. В-четвертых, небольшие сроки принудительного лечения и необходимость экономии государственных средств на их исполнение указывали на нерентабельность данных мер. В-пятых, сформулированная в государственных стратегических документах цель в виде склонения к добровольному лечению наркозависимых выхолащивает цель принудительных мер медицинского характера, что приводит к активной замене принудительного лечения на обязательное и альтернативное лечение.

Поддерживая мнение, сформулированное в уголовно-правовой науке о необходимости использования принудительного лечения для противодействия наркомании [1, с. 232], считаем, что современная негативная наркоситуация и не отвечающая современным реалиям либеральная карательная практика давно поставили на повестку дня вопрос о возвращении в уголовное законодательство нормы о применении принудительного лечения в отношении наркопреступников, больных наркоманией.

Хотелось бы высказать ряд аргументов в пользу сделанного вывода.

Отсутствие законодательного закрепления понятия принудительных мер медицинского характера в уголовном законодательстве не означает, что данные меры не являются формой реализации уголовной ответственности, а представляют самостоятельную уголовно-правовую категорию, имеющую медицинский характер [7, с. 43-44]. Эти меры применяются за совершение общественно опасных деяний, назначаются от имени государства, имеют принудительный характер, сопряжены с различными ограничениями, выступают в качестве правового последствия, содержат перечень и основания применения, реализуются в соответствии с нормами уголовного законодательства и направлены на решение

задач, стоящих перед уголовным законодательством (ст. 2 УК РФ) [10, с. 53].

Как виду альтернативной уголовной ответственности принудительным мерам медицинского характера присущи специфические цели: излечение или улучшение состояния больного, при котором он перестает быть общественно опасным; предупреждение совершения нового преступления как во время лечения, так и после его завершения; обеспечение безопасности больного для самого себя; проведение мер социальной реабилитации в той мере, в какой это возможно в условиях принудительного лечения [3, с. 22].

Таким образом, цели принудительных мер медицинского характера максимально сведены к достижению медицинского результата и предупреждению преступлений, что существенно отличается от целей уголовного наказания (ст. 43 ч. 2 УК РФ). Указанное позволяет признать несостоятельным вывод о совпадении правовой природы принудительных мер медицинского характера с наказанием в виде лишения свободы.

Механизм уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков при применении принудительного лечения больных наркоманией состоит в устранении общественно опасного деяния и возможных его последствий, общественной опасности самого наркопреступника и прецедентного характера его действий путем применения медицинского и организационно-предупредительного воздействия, формирования мотивации на необходимость лечения, а также создания условий для законопослушной деятельности граждан, прошедших принудительное лечение.

Медицинское воздействие заключается в применении различных методов лечения и методик исследования состояния наркопреступника. Субъектом данного воздействия является врач – психиатр-нарколог, который с учетом существующей медицинской практики, собственного опыта и особенностей заболевания (патологии) лица самостоятельно принимает решение о методах, медикаментах, медицинских манипуляциях, преде-



лах, сроках, периодичности, окончании и результатах проведенного лечения, а также несет соответствующую ответственность за лечение. Целями данного воздействия являются выздоровление больного или улучшение состояния его здоровья, а также достижение стойкой ремиссии. Нормативно медицинское воздействие на наркопреступника не регулируется.

Организационно-предупредительное воздействие состоит в обеспечении порядка прохождения принудительного лечения. Целями данного воздействия являются нейтрализация состояния больного, представляющего опасность для самого себя, предупреждение совершения новых преступлений и административных правонарушений, обеспечение прав и свобод лица, проходящего принудительное лечение. В случае отбывания наказания в виде лишения свободы субъектом данного воздействия выступает администрация исправительного учреждения, а при амбулаторном лечении – уголовно-исполнительные инспекции либо администрация медицинской организации. Основными мерами организационно-предупредительного воздействия выступают обеспечение режима работы медицинской организации, ее охраны и безопасности; активное наблюдение за поведением больного; контроль за лечением, организация диспансерного наблюдения, регулярных осмотров и периодического освидетельствования; учет и надзор за деятельностью медицинской организации, осуществляющей принудительное лечение.

Цель предупреждения совершения новых преступлений достигается реализацией мер безопасности [2, с. 47-49], призванных, на наш взгляд, юридически и физически исключить оборот опасных предметов, существование опасных условий, а также провоцирующих факторов и виктимного поведения. Таким образом, предупреждение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ осуществляется через лишение возможности: потребления наркотических средств без назначения врача, приобретения как легально,

так и незаконно наркотиков для последующего потребления, ингредиентов для изготовления наркотических средств, продолжения общения с лицами с девиантным, в том числе и преступным, поведением, потребляющими наркотические средства без назначения врача, а также иными лицами, оказывающими содействие в приобретении наркотиков, и устранение факторов, способствующих склонности стать жертвой наркопреступления, лишение возможности оказаться в провоцирующей наркоситуации, приобщить к немедицинскому потреблению наркотиков других лиц, управлять автомобилем в состоянии наркотического опьянения, приобретения и др.

Формирование мотивации на необходимость дальнейшего лечения следует проводить в начале принудительного лечения, а предпринимаемые меры должны быть направлены на устранение или нейтрализацию негативных свойств личности (психологическая напряженность, накопленная агрессия, эмоциональное возбуждение, дефекты самоконтроля, ярость, гнев, конфликтность и др.). Одновременно в процессе принудительного лечения следует развивать потребность к позитивному поведению и будущую социальную активность наркопреступника [11, с. 113-114]. Формирование мотивации на необходимость дальнейшего лечения осуществляется психологической службой (психологом), а также иными субъектами: начальником отряда в исправительном учреждении, представителями уголовно-исполнительных инспекций, администрацией медицинской организации.

Представляется наиболее ценным советский опыт формирования мотивации на продолжение лечения, заключающийся в возможности улучшения условий отбывания наказания при условии прохождения принудительного лечения, осуществляемого в соответствии со ст. 62 УК РСФСР [9, с. 240-245].

Создание условий для законопослушной деятельности граждан, прошедших принудительное лечение, заключается в нейтрализации и отсутствии необходимости немедицинского потребления наркотических средств в



связи с тем, что после прохождения лечения лицо перестает быть физически и психологически зависимым от наркотических средств, уходят абстинентный синдром и «наркотическая ломка», имевшие место до лечения.

Нельзя поддержать указание на низкую эффективность и нерентабельность принудительных мер медицинского характера как на причину отмены данных мер в отношении наркозависимого лица. Эффективность и рентабельность принудительных мер медицинского характера, на наш взгляд, следует оценить через анализ организационно-управленческих, кадровых и экономических затрат на исполнение данных мер, а также результатов предупреждения рецидива наркопреступления и наркопотребления. Вывод о высокой эффективности и рентабельности принудительного лечения можно сделать в случае минимальных экономических затрат на исполнение данной меры при одновременном максимальном снижении рецидива наркопреступлений и наркопотребления.

Принудительные меры медицинского характера в основном назначаются вместе с уголовным наказанием (ст. 99 УК РФ). Исполнение этих мер определяется уголовно-исполнительным законодательством и иными федеральными законами (ч. 3 ст. 97 УК РФ, ч. 13 ст. 16 УИК РФ, ст. 443, 445 УПК РФ) и осуществляется учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (исправительные учреждения и уголовно-исполнительные инспекции). В соответствии с п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» в случае если суд придет к выводу о небольшой общественной опасности лица, то может передать необходимые материалы федеральным органам исполнительной власти в сфере здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц.

Таким образом, исполнение принудительных мер медицинского характера осуществляется уже существующими и имеющими необходимый опыт специализированными

учреждениями или организациями, обеспечивающими лечение психических больных. Нет сомнений, что данные учреждения могут обеспечить лечение больных наркоманией. Таким образом, в случае законодательного решения о закреплении в УК РФ принудительного лечения больных наркоманией не потребуется создавать специализированные учреждения для исполнения этой меры принуждения.

Кроме того, считаем, что принудительные меры медицинского характера могут позитивно сказаться на предупреждении рецидива, то есть повторного совершения наркопреступления и потребления наркотических средств без назначения врача лицами, прошедшими принудительное лечение. Данный вывод можно объяснить тем, что предупредительное воздействие максимально осуществляется на психологическом (индивидуальном) уровне и заключается в устранении причин и механизма индивидуального преступного и антиобщественного поведения лица. Объектом предупреждения является само лицо с негативными свойствами и преступной наркомотивацией. Целью такого предупреждения является нейтрализация общественной опасности наркопреступника.

Вместе с тем результаты профилактики рецидива будут зависеть не только от качества проведенного лечения, но и от совместного комплекса адаптационных, реабилитационных, социальных, психологических и иных мероприятий.

Период формирования норм об обязательном лечении наркозависимых был связан с принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 августа 1972 г. «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией», в котором устанавливалось, что лица, больные наркоманией, обязаны проходить лечение в лечебно-профилактических учреждениях органов здравоохранения, а больные, уклоняющиеся от такого лечения, подлежат принудительному лечению в соответствии со ст. 62 УК РСФСР.



Вместе с тем законодательство и правоприменительная практика стали формировать институт обязательного лечения наркозависимых лиц только после отмены принудительного лечения наркозависимых, которое преследовало цель восполнить существующий пробел и обеспечить процесс противодействия наркомании.

Особенность обязательного лечения заключается в установлении в законодательстве требования к наркозависимым лицам пройти лечение от наркомании, а гарантом обеспечения данного требования выступают негативные или нежелательные последствия, возникающие в случае невыполнения осужденным требования о прохождении лечения.

Так, при назначении лицу, признанному больным наркоманией, уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества, суд может возложить обязанность пройти лечение, при этом контроль возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию (ст. 72.1 УК РФ). В качестве последствий невыполнения данной обязанности можно предположить невозможность применения некоторых норм, улучшающих положение осужденного, например: лицо не подлежит освобождению от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), с лица нельзя снять судимость до истечения срока погашения (ст. 86 ч.5 УК РФ), указанные лица могут не подпадать под акт амнистии (ст. 84 УК РФ).

Норма об условном осуждении предусматривает возможность обязательного лечения при его назначении (ч. 5 ст. 73 УК РФ). В соответствии с п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» при назначении наказания условно лицу, страдающему наркоманией или токсикоманией, суду при необходимости следует возлагать на него обязанности пройти курс лечения. Последствия невыполнения такой обязанности заключаются в невозможности

досрочной отмены условного осуждения и снятия с осужденного судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ) и в отмене условного осуждения и исполнении назначенного наказания при систематическом нарушении общественного порядка и привлечении к административной ответственности (ч. 3 ст. 74 УК РФ).

Возможность обязательного лечения предусмотрена и в процессе отбывания наказания. В связи с этим при применении условно-досрочного освобождения суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ, в том числе и пройти обязательное лечение (ч. 2 ст. 79 УК РФ).

Разновидностью обязательного лечения является применение к лицу, совершившему преступление, страдающему психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и одновременно признанному больным наркоманией, обязательного лечения (ст. 18 УИК РФ). Кроме того, в рамках межотраслевого института при назначении административного наказания суд может обязать лицо пройти курс лечения от наркомании (ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ).

Признавая целесообразность обязательного лечения наркозависимых лиц в системе противодействия наркопреступлениям, тем не менее следует высказать некоторые критические замечания:

во-первых, обязательное лечение не ставит и не обеспечивает специальную цель излечения или улучшения состояния больного, при котором он перестает быть общественно опасным;

во-вторых, объектом обязательного лечения выступают менее опасные преступники, а его цель заключается только в склонении наркозависимого лица к лечению, но не само лечение;

в-третьих, механизм склонения наркозависимого лица к лечению осуществляется преимущественно не принудительными, а воспитательными мерами, при которых основное значение отведено убеждению. Поскольку в процессе обязательного лечения не осуществляется нейтрализация общественной



опасности преступника, данный механизм не в полной мере способствует достижению целей данного лечения.

Компромиссное лечение наркозависимых представлено в уголовном законодательстве отсрочкой отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), которая устанавливает основания, необходимые условия, сроки и порядок освобождения от наказания с предоставлением отсрочки больным наркоманией.

Содержание компромиссного лечения заключается в выборе наркозависимым преступником определенного поведения и, как следствие, соответствующих последствий между лечением и наказанием. Цель установления данной нормы заключалась в противодействии уличной наркомании, мелко-розничному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также «примитивным (квартирным, подвальным, чердачным, гаражным и т.д.) наркопритонам». Механизм предупредительного воздействия при данном виде лечения состоит в самоликвидации или самонейтрализации общественной опасности наркозависимого лица и его прецедентного характера. В системе субъектов реализации отсрочки от отбывания наказания, помимо учреждений и организаций органов исполнительной власти и их представителей, следует рассматривать также лицо, совершившее преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и признанное больным наркоманией.

За период существования этой медицинской меры, а введена она была Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ, не представляется возможным сделать обстоятельный анализ практики ее применения ввиду минимального количества фактов применения ст. 82.1 УК РФ.

Анализ причин такого положения позволяет обратить внимание на либеральную карательную практику, связанную с минимальными сроками вынесенного наказания

за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, большую долю условного осуждения в рамках вынесенного наказания, а также возможность отбывания уголовного наказания в колонии-поселении, воспитательной колонии или лечебном исправительном учреждении; на минимальное количество преступлений, за совершение которых возможно применить отсрочку отбывания наказания; на существенный максимальный срок реализации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, а также на официальное признание и процессуальное закрепление виновного лица в качестве больного наркоманией, которое влечет за собой негативные общеправовые последствия [подр.: 5, с. 77-80].

В связи с изложенным норма об отсрочке исполнения наказания больным наркоманией нуждается в существенном совершенствовании. В качестве направлений данного совершенствования представляется увеличение количества преступлений, за совершение которых может применяться отсрочка от отбывания наказания, и снижение срока исполнения отсрочки.

В завершение следует отметить, что медицинские меры, применяемые в отношении лиц, страдающих наркотической зависимостью, наряду с уголовным наказанием являются важным средством противодействия наркопреступлений со своим специальным предупредительным потенциалом. В сочетании эффективного применения всех видов лечения наркоманов, входящих в систему мер медицинского характера и реализуемых уголовно-правовыми отношениями, возможно достижение сбалансированного механизма для получения необходимого результата. При этом, по мнению автора, приоритетное значение следует отдавать принудительным мерам медицинского характера, способным максимально достигать своих специфических целей и задач уголовного законодательства.



### Библиографический список

1. Бавсун, М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели, и средства реализации / М.В. Бавсун. – Омск: Омск. Акад. МВД России, 2014. – 248 с.
2. Горобцов, В.И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия / В.И. Горобцов. – Орел: Орловская высшая школа МВД РФ, 1995. – 160 с.
3. Горобцов, В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу Российской Федерации : учебное пособие. / В.И. Горобцов. – Красноярск: КВШ МВД России, 1997. – 60 с.
4. Мальков, С.М. Многофакторная (альтернативная) модель противодействия наркопреступности в Российской Федерации / С.М. Мальков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С. 268-269.
5. Мальков, С.М. Уголовно-правовой компромисс в противодействии наркопреступлениям / С.М. Мальков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – N1 (46). – С. 77-80.
6. Марцев, А.И. Специальное предупреждение преступлений : учебное пособие / А.И. Марцев. – Омск: Изд. Омской высшей школы милиции МВД, 1977. – 84 с.
7. Назаренко, Г.В. Принудительные меры медицинского характера : учебное пособие / Г.В. Назаренко. – М.: Флинта-МПСИ, 2008. – 144 с.
8. Уголовное право. История юридической науки / Н.Д. Дурманов [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1978. – 309 с.
9. Уголовный кодекс РСФСР. С постатейными материалами (с изменениями и дополнениями). – М.: Юрид. лит., 1987. – 352 с.
10. Федорова, Е.А. О правовой природе принудительных мер медицинского характера / Е.А. Федорова // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современной этапе : Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1 / отв. ред. С.М. Мальков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – С. 46-54.
11. Шеслер, А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / А.В. Шеслер, В.В. Жалыбин. – Тюмень: НОУ «Академия права и управления», 2006. – 164 с.



**Андрей Михайлович КРИКСИН,**  
старший преподаватель кафедры  
оперативно-розыскной деятельности  
факультета милиции Могилевского института  
Министерства внутренних дел Республики  
Беларусь

*Krixin.Andrei@yandex.by*

## ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОЦЕНКИ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОУГРОЗЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

### ON THE EFFECTIVENESS OF EVALUATING THE PREVENTION OF DRUG THREAT IN THE YOUTH ENVIRONMENT

В статье рассматриваются профилактические мероприятия, проводимые подразделениями органов внутренних дел Республики Беларусь, направленные на борьбу с наркоманией в молодежной среде, в том числе путем привития подрастающему поколению компетенции «навыки здоровьесбережения». Раскрыты формы профилактики, используемые Министерством внутренних дел на территории Республики Беларусь. Внесено предложение по использованию способа подсчета эффективности проводимой профилактической работы.

The article considers the preventive actions carried out by the departments of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus aimed at combating drug addiction among the youth by instilling such competence as «health preservation skills» in the younger generation. The forms of prevention used by the Ministry of Internal Affairs on the territory of the Republic of Belarus are presented. The author makes a proposal on using the technique of evaluating the effectiveness of the ongoing preventive work.

**Ключевые слова:** органы внутренних дел, наркомания, компетенция здоровьесбережения, оперативно-розыскная профилактика, эффективность профилактической работы.

**Keywords:** *internal affairs bodies, drug addiction, health protection competence, operational-search prevention, the effectiveness of preventive work.*

Употребление наркотических средств и психотропных веществ является одной из глобальных мировых угроз современности. По приблизительным оценкам специалистов, около 5% жителей планеты употребляют наркотики. Практика показывает, что последствия, вызванные употреблением наркотических средств, разнообразны и

многогранны, поскольку обусловлены тяжелыми медицинскими и социальными последствиями злоупотребления наркотическими веществами, среди которых на первом месте находятся характерные изменения личности, включающие социальный и медицинский аспекты и ведущие к высокому риску самоубийства<sup>1</sup>. Указанная проблема не обошла

<sup>1</sup> Предупреждение и профилактика наркомании // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/zdorovyy-obraz-zhizni/preduprezhdenie-i-profilaktika-narkomanii> (дата обращения: 10.10.2022).



стороной и Республику Беларусь. Как показывает практика, эффективно справиться с вопросами противодействия угрозы наркомании на уровне одного отдельно взятого государства не представляется возможным [6, с. 71].

По данным Следственного комитета Республики Беларусь, за 2021 год от передозировки, вызванной употреблением наркотиков, скончались 72 человека, среди которых один несовершеннолетний, кроме того, по уголовным делам в качестве обвиняемых за 2021 г. проходили 33 несовершеннолетних гражданина<sup>1</sup>. Можно сделать вывод о том, что в сферу распространения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров активно стремятся представители молодежных социальных групп.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, выступая на совещании по вопросам обеспечения законности и правопорядка 19 апреля 2022 г., отметил: «Растет число несовершеннолетних, вовлекаемых в незаконный оборот наркотических средств, а причина этого – вопросы организации учебного и воспитательного процессов, занятости детей вне школы». Глава государства обратил особое внимание правоохранительных органов и государственной вертикали власти на необходимость активного противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: «Настораживает ситуация с незаконным оборотом наркотиков. Опять отмечают тенденция увеличения ввозимых наркотиков и психотропов, низкая эффективность выявления крупных распространителей и прежде всего организаторов наркобизнеса». По информации, озвученной Президентом, в 2021 г. в значительной мере возросло число лиц, смерть которых наступила от передозировки<sup>2</sup>.

1 СК: проблема употребления и распространения наркотиков остается острой // БЕЛТА. URL: <http://www.belta.by/societe/view> (дата обращения: 20.10.2022).

2 Совещание по вопросу обеспечения законности и правопорядка // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/coveshchanie-po-voprosu-obespecheniya-zakonnosti-i-pravoporyadka-v-strane> (дата обращения: 14.10.2022).

3 О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах : Закон Респ. Беларусь от 13.07.2012 N 408-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 // ИПС «ЭТАЛОН»: Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». Минск, 2022.

Наркомания – заболевание, обусловленное психической либо физической зависимостью от наркотических средств или психотропных веществ<sup>3</sup>. Соответственно, как и всякую болезнь, ее легче предупредить, чем лечить. Данное утверждение является аксиомой и сомнений не вызывает.

Одним из эффективных средств противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров является их профилактика путем привития компетенции здоровьесбережения представителям молодежной среды, это процесс формирования у подрастающего поколения отрицательного мотивационного отношения к алкоголю, никотину, наркотическим средствам и психотропным веществам, обеспечение гармоничного развития личности, повышения работоспособности, укрепление здоровья, привитие норм здорового образа жизни, умение поддерживать его у себя и своего ближайшего окружения, а также необходимый уровень развития основных физических, психологических и гигиенических качеств индивида. Указанная компетенция состоит из основных составляющих: мотивационной, когнитивной, операционно-деятельностной и рефлексивной. Не вызывает сомнений тот факт, что в настоящее время привитие подросткам компетенции «навыки здоровьесбережения» является одной из фундаментальных задач семейного воспитания и образовательных учреждений, государственных и общественных организаций.

Проблема профилактики наркомании многогранна и междисциплинарна, ей занимались многие ученые различных государств и областей науки: медики, юристы, психологи, социологи и другие. Криминологические и уголовно-правовые аспекты рассматриваемой проблемы исследовали Г.А. Аванесов [2, с. 225-231], Э.А. Бабаян, В.Н. Кудрявцев,



Н.Ф. Кузнецова, А.Н. Сергеев. Криминологические характеристики личности изучали А.Ю. Абрамов, Е.А. Кошкина [5, с. 41-49], С.Н. Пономарев. Психологические и медицинские факторы противодействия наркоугрозе отразили в своих трудах такие ученые, как А.А. Коломейц, К.С. Лисецкий [3, с. 30-55], А.Е. Личко [4, с. 35-38].

Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) как государственный орган, наделенный правом противодействия наркоугрозе, регулярно проводит оперативно-розыскную профилактику употребления наркотиков. С точки зрения теории оперативно-розыскной деятельности, профилактику наркомании целесообразно рассматривать на трех уровнях.

Первый – решение крупных экономических и социальных проблем общества, ведущих к вовлечению несовершеннолетних в преступное поведение, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, несмотря на жесткие меры ответственности, предусматривающие лишение свободы на срок до двадцати пяти лет, закрепленные в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Второй – осуществление профилактического воздействия на конкретные социальные и референтные группы молодежи, в которых складываются неблагоприятные обстоятельства, подталкивающие подростков к вовлечению в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Третий – планомерная индивидуальная воспитательная и идеологическая работа, направленная на формирование здоровых социальных установок и на изменение системы аксиологических ценностей подрастающего поколения в преодолении их антиобщественных взглядов.

Необходимо отметить, что подразделениями органов внутренних дел (далее – ОВД) на постоянной основе осуществляется массовая, групповая и индивидуальная оперативно-розыскная профилактика употребления наркотических средств и психотропных веществ, в том числе среди молодежи.

Массовая профилактика охватывает все население, проживающее и находящееся на территории Республики Беларусь. Она реализуется путем предоставления гражданам информации о негативных последствиях употребления наркотиков и преимуществах соблюдения и поддержания здорового образа жизни. Основу такого вида профилактики в настоящее время составляют выступления на антинаркотическую тематику с демонстрацией видеосюжетов и разъяснениями последствий употребления наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, при участии компетентных в этой сфере представителей ОВД и Министерства здравоохранения в средствах массовой информации и глобальной компьютерной сети Интернет. Во взаимодействии с иными заинтересованными государственными органами постоянно проводятся акции по телевидению и радио, обсуждаются материалы антинаркотической направленности на различных форумах, в блогах и социальных сетях.

Групповая профилактика подразумевает работу с большими коллективами граждан на различных предприятиях, организациях, в учреждениях образования. Реализуется и проводится двумя способами: первый – выступления сотрудников ОВД в учебных заведениях средней и высшей формы получения образования, рабочих коллективах; второй – организация и проведение различных массовых мероприятий с задействованием больших групп подростков, направленных на пропаганду здорового образа жизни, в том числе спортивных мероприятий, дискотек, концертов, выставок, школьных и районных олимпиад, конкурсов и викторин с подростками, состоящими на профилактическом учете, на темы формирования навыков здоровьесбережения.

Анализируя меры групповой профилактики и достигнутые государственными органами Республики Беларусь результаты, можно сделать вывод о том, что в ходе ее проведения происходят консолидация первой составляющей компетенции здоровьесбережения – процесса стойкого развития у подростка



отрицательного отношения к наркотическим средствам и психотропным веществам, привития норм здорового образа жизни и желания укрепления собственного здоровья и здоровья окружающих, а также формирование второй составляющей компетенции здоровьесбережения – развитие основных качеств молодежи: физических, психологических и гигиенических. Соответственно, при этом у подростка развиваются мотивационная, операционно-деятельностная и рефлексивная составляющие компетенции здоровьесбережения.

Индивидуальная профилактика заключается в проведении комплекса мероприятий в отношении подростков, состоящих на профилактических учетах и проживающих в неблагоприятных условиях, направлена на пропаганду и достоинство здорового образа жизни, соблюдение гигиенических норм с приведением доступных и наглядных примеров, в том числе личного примера «Делай как Я». Данный вид профилактики реализуется и проводится путем индивидуальной работы с лицами, склонными к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, в том числе с посещением их по месту жительства, проведением профилактических мероприятий с членами семей и родственниками, проверкой условий проживания и круга общения [подр.: 1].

Следует отметить, что при профилактике антинаркотического поведения и привитии компетенции здоровьесбережения, особенно при работе с подрастающим поколением с несформировавшейся психикой, в работу с подростками наравне с сотрудниками ОВД должны быть вовлечены работники органов образования, здравоохранения, общественных организаций, семьи и ближайшего окружения.

Вместе с тем практическая деятельность оперативных подразделений ОВД обусловлена наличием двух взаимоисключающих условий. Первое – борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, которая предполагает в первую очередь выявление и раскрытие преступлений рассматриваемой категории, привлечение лиц, вовлеченных в сферу

незаконного оборота наркотиков, к административной ответственности, т.е. увеличение отражаемых в статистической отчетности показателей (рост правонарушений). Второе – оказание профилактического воздействия на различные социальные группы (снижение количества выявляемых преступлений и правонарушений). В рассматриваемом случае процесс оценки эффективности деятельности оперативных подразделений ОВД в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров представляет собой сложную и требующую разрешения задачу

Таким образом, оперативно-розыскная профилактика проводится компетентными государственными органами, в том числе МВД Республики Беларусь, на постоянной основе. Однако в практической деятельности сотрудников ОВД зачастую поднимается проблема оценки ее эффективности, позволяющей адекватно отразить степень влияния профилактических мероприятий на определенные социальные группы молодежи. В литературных источниках до настоящего времени не сложилась устоявшаяся позиция о доминирующих методах оценки степени воздействия предпринимаемых профилактических мер на определенные социальные группы населения.

С учетом различных подходов, изложенных в литературе по вопросам оценки степени воздействия проводимых подразделениями ОВД профилактических мероприятий, представляется обоснованным предложить для использования оценки эффективности оперативно-розыскной профилактики формулу, исходящую из коэффициента интенсивности преступности (частоты совершения административных правонарушений) и коэффициента преступной (деликтной) активности.

Первый показатель определяется по формуле:

$$K = \frac{P \cdot 10000(1000)}{n},$$

где К – коэффициент преступности среди несовершеннолетних (административных правонарушений) из расчета на 10000 (1000) человек;



$P$  – количество зарегистрированных преступлений (административных правонарушений) по линии борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

$n$  – численность населения города, района, области, республики в отдельных социально-демографических группах (по возрасту, полу, социальному положению и т.д.).

При нахождении второго показателя в числителе формулы указывается общее число лиц, совершивших преступления (правонарушения), по линии борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а в знаменателе – численность населения города, района, области, республики в отдельных социально-демографических группах (по возрасту полу, социальному положению и т.д.).

Отдельным показателем анализа эффективности предпринимаемых профилактических мер является определение детализированных коэффициентов, отражающих интенсивность отдельных составов преступлений по линии борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также составов административных правонарушений либо активность несовершеннолетних. Они рассчитываются по вышеописанному способу, но в числителе формулы указывается количество преступлений (правонарушений) рассматриваемой категории либо число преступников (лиц, совершивших административные правонарушения), в знаменателе – численность населения криминогенного (деликтного) возраста либо социально-демографической группы населения.

Преступная (деликтная) активность может быть определена и с помощью способа сравнения по долям. Для этого следует рассчитать долю преступников (административных правонарушителей) исследуемой социально-демографической либо возрастной группы в общем количестве лиц, совершивших преступления (административные правонарушения), долю этой же социально-демографической либо возрастной группы в общей численности населения, после чего найденные доли

сравнить между собой (первую разделить на вторую). Полученное числовое значение будет являться коэффициентом пораженности (коэффициентом распределения). Если он равен единице, то его следует признать нормальным, или стандартным, больше единицы – отрицательным, что свидетельствует о более высокой пораженности исследуемой социально-демографической либо возрастной группы, меньше единицы – положительным, что указывает на более низкую ее пораженность.

Соотнеся полученные выше критерии с анализируемым временным интервалом (месяц, квартал, полугодие, год) и количеством проводимых профилактических мероприятий в исследуемых социально-демографических либо возрастных группах, можно определить степень эффективности проводимых профилактических мероприятий.

Вместе с тем при оказании комплексного профилактического воздействия различными государственными органами в рамках проведения массовой, групповой либо индивидуальной профилактики необходимо обеспечить частный подход к каждому профилируемому лицу. При проведении профилактической работы в отношении подростков следует учитывать психотип профилируемого и его психологические особенности, возраст, место проживания (общежитие, съемная квартира, свое жилье и т.д.), материальное положение, уровень физического развития, обстановку в семье, референтную группу общения, социальный статус подростка в школе, классе, референтной группе, вовлеченность в социально-общественную жизнь, сферу интересов и увлечений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Предложенный в статье способ определения эффективности предпринимаемых оперативными подразделениями ОВД в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров мер позволит должным образом оценить уровень и динамику воздействия на профилируемые социальные группы насе-



ления, тем самым обеспечивая достоверную оценку профилактической работы, осуществляемой оперативными подразделениями ОВД в указанном направлении оперативно-служебной деятельности.

2. Использование интегрированного подхода из различных отраслей научного знания с учетом приведенных выше детерми-

нирующих субъективных и объективных факторов, а также предпринимаемых мер профилактического воздействия позволит доказать рациональность пути привития компетенции здоровьесбережения в молодежной среде и эффективно предупреждать наркоманию как крайне негативное явление современности.

### Библиографический список

1. Криксин, А.М. Привитие социально-личностной компетенции как мера оперативно-розыскной профилактики в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров / А.М. Криксин // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (28-30 октября 2020 г.), межведомственного круглого стола (23 июня 2020 г.) / редкол.: С.А. Янин, Э.Ф. Лугинец. – Волгоград, 2020.
2. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Авнесова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
3. Лисецкий, К.С. Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности / К.С. Лисецкий. – Самара: «Универс групп», 2007.
4. Личко, А.Е. Подростковая наркология / А.Е. Личко, В.С. Битенский. – Л.: Медицина, 1991.
5. Раннее выявление незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ среди обучающихся как способ предупреждения психических и поведенческих расстройств / А.Ю. Абрамов, Е.А. Кошкина, Д.И. Кича [и др.] // Психиатрия. – 2021. – N 19(3).
6. Цуканов, Н.Н. Теоретические основы методики оценки нормотворческих инициатив государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере контроля за оборотом наркотиков / Н.Н. Цуканов, П.В. Тепляшин // Вестник Могилевского института МВД. – 2020. – N 1. – С. 71-79.



**Олег Александрович ДИЗЕР,**  
заместитель начальника Белгородского юридического  
института МВД России имени И.Д. Путилина  
(по научной работе),  
доктор юридических наук, доцент  
[dizer77@mail.ru](mailto:dizer77@mail.ru)



**Вадим Николаевич ШАРУТЕНКО,**  
начальник научно-исследовательского отдела  
Белгородского юридического института МВД России  
имени И.Д. Путилина  
[sharutenko.v@mail.ru](mailto:sharutenko.v@mail.ru)

## МЕСТО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ

### THE PLACE OF RESOCIALIZATION IN THE GENERAL REHABILITATION SYSTEM OF DRUG ADDICTS

В статье авторами освещены отдельные вопросы и рассмотрены основные этапы реабилитации лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ; определены роль и место ресоциализации наркозависимых в общей системе реабилитации больных наркоманией. Обращено внимание и изучены особенности ресоциализации лиц, прошедших лечение от наркомании, как завершающего этапа реабилитации, во многом имеющего решающее значение для исключения возникновения рецидива.

*The article highlights some issues and considers the main stages of rehabilitation of persons using drugs and psychotropic substances for non-medical purposes; the role and place of drug addicts' resocialization in the general rehabilitation system of people with drug dependence are determined. The author draws attention and examines the features of the resocialization of persons who were treated for drug addiction as the final stage of rehabilitation being crucial for excluding the occurrence of relapse.*

**Ключевые слова:** реабилитация наркозависимых, ресоциализация наркозависимых, реабилитант, наркомания, уровни реабилитации.

**Keywords:** *rehabilitation of drug addicts, resocialization of drug addicts, rehabilitant, drug addiction, rehabilitation levels.*

**Р**есоциализация наркозависимых представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых с целью скорейшей

адаптации в обществе лиц, прошедших курс медикаментозного лечения от наркотической зависимости. Этим термином обозначается



период обретения и усвоения неизвестных ранее или утраченных по каким-либо причинам принципов, ценностей, правил поведения.

В психологию термин «ресоциализация» впервые был введен американскими социальными психологами А. Кеннеди и Д. Кербером для обозначения процесса вторичного вхождения индивида в социокультурную среду в результате некорректно прошедшей предшествующей социализации или в результате смены социокультурного окружения. На сегодняшний день этот термин в социальной психологии имеет широкое значение вне специфики субъектов процесса – как осознанное изменение личностного поведения в ситуации очевидного социального неуспеха [2, с. 245].

Ресоциализация наркопотребителей представляет собой один из самостоятельных этапов комплексной системы реабилитации, включающей в себя: 1) детоксикацию; 2) лечение наркомании; 3) медицинскую реабилитацию; 4) социальную реабилитацию; 5) ресоциализацию.

С точки зрения концептуального подхода, положенного в основу формирования Национальной системы комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков, важность которой обозначил Президент Российской Федерации В.В. Путин 17 июня 2015 г. на заседании президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросу «О ходе реализации государственной антинаркотической политики»<sup>1</sup>, ресоциализация выступает в качестве заключительного этапа процесса оказания помощи лицам, допускающим немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, включающего в себя:

- выявление, мотивирование к прохождению программ комплексной реабилитации и ресоциализации;
- вмешательство, оказание медицинской помощи, подготовка к реабилитации;
- собственно комплексная реабилитация;
- ресоциализация и постреабилитационный социальный патронаж.

Будучи самостоятельным этапом, завершающим процесс реабилитации наркозависимых лиц, ресоциализация как бы закрепляет результат, достигнутый на таких предшествующих этапах реабилитации.

Однако на сегодняшний день этап ресоциализации, к сожалению, проходят не все лица, страдающие наркотической зависимостью и завершившие этап реабилитации.

В этой связи ключевой проблемой на сегодняшний день для всей функционирующей системы ресоциализации является вопрос стимулирования лиц, прошедших медикаментозное лечение по преодолению абстинентного синдрома, к последующей интеграции в благополучную социальную среду, к восстановлению утраченных социальных связей с родственниками и близкими лицами, а также к поиску новых форм взаимодействия с социумом, исключающих возможность повторного немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Эффективность предпринимаемых государством мер по ресоциализации наркопотребителей, прошедших программы реабилитации, на сегодняшний день во многом определяется масштабами и пределами интеграции данных мер в общественную среду. Тем самым антинаркотическая политика не ограничивается наркологической помощью в пределах медицинских организаций и реабилитационных центров, а имеет под собой более основательную сеть организаций и сообществ, построенных на единой антинаркотической идеологии, явно выражающей негативное отношение общества к незаконному потреблению и незаконному обороту наркотиков. Потому программы реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц также отражают в себе подобную ценностную ориентацию и имеют практическую направленность.

«В настоящее время в отечественной практике процесс комплексной реабилитации осуществляется различными учреждениями и организациями, что позволяет выделить несколько ее уровней:

- макроуровень (государственный, ре-

<sup>1</sup> URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49716>.

## Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения



гиональный, в большей степени – формально-правовой);

– мезоуровень (наркологические клиники, реабилитационные центры, НКО и пр.);

– микроуровень (межличностный – семья, школа, вуз)» [5, с. 65].

На макроуровне уровне министерства и ведомства выступают инициаторами разработки различных программ реабилитации, а также общей стратегии борьбы с наркоманией. Кроме того, они осуществляют контроль исполнения конкретных поручений региональными органами власти. Данный уровень также характеризуется тесным взаимодействием министерств и ведомств с правоохранительными органами.

Ключевым субъектом, курирующим вопросы профилактики незаконного потребления наркотиков, до 2016 г. были территориальные органы ФСКН России, которые тесным образом взаимодействовали с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. После ликвидации ФСКН России отдельные задачи по профилактике немедицинского потребления среди населения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов перешли к подразделениям по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России, ввиду чего содействие в реабилитации наркозависимых лиц со стороны правоохранительных органов на сегодняшний день реализуется в усеченном виде, так как в подразделениях по контролю за оборотом наркотиков МВД России превалирует правоохранительная функция, а задачи по снижению уровня наркотизации и оздоровления наркоситуации на уровне отдельного субъекта Российской Федерации отнесены преимущественно к компетенции антинаркотической комиссии по субъекту Российской Федерации.

На указанном уровне также осуществляется необходимое финансирование и оснащение наркологических диспансеров. Ресоциализация как постреабилитационный этап на данном уровне реализуется преимущественно

но в виде программных и стратегических документов, законотворческих инициатив и государственных грантов.

На мезоуровне (так называемом промежуточном уровне) медицинские и наркологические лечебно-реабилитационные центры и социально ориентированные некоммерческие организации реализуют реабилитационные программы и осуществляют непосредственно реабилитационные мероприятия.

В зависимости от целей и задач реабилитационные программы, реализуемые региональными звеньями комплексной системы реабилитации наркопотребителей, могут быть дифференцированы по различным основаниям.

По срокам осуществления выделяют такие формы реабилитации, как краткосрочная, которая проходит в течение 1-2 месяцев, среднесрочная, занимающая 3-6 месяцев, и долгосрочная – до 1 года. Как правило, программы, предусматривающие социальную реабилитацию после прохождения медицинской, имеют большую продолжительность, от 6 до 12 месяцев.

В зависимости от места и способа реализации программы реабилитации выделяют стационарную форму реабилитации, при которой медицинские мероприятия проводятся в стационарных отделениях наркологических диспансеров, и амбулаторную форму, когда в специальных отделениях проходят медицинские-психологические процедуры.

В отличие от комплексной реабилитации, социальная реабилитация и ресоциализация реализуются в естественной социальной среде, к которой постепенно адаптируется реабилитант.

Обращает на себя внимание, что при оценке итогов реализации стратегических задач, обозначенных в ранее действовавшей в период с 2010 по 2020 гг. Стратегии государственной антинаркотической политики, в действующей Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года<sup>1</sup> отмечается, что в России накоплен определенный

<sup>1</sup> Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23.11.2020 N 733 //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2023).



позитивный опыт в организации реабилитационных центров.

Однако, по мнению ряда специалистов, существует и ряд сложностей в деятельности данных учреждений: «недостаток подготовленных, опытных и компетентных кадров, слабое взаимодействие с различными уровнями административного управления, недостаток эффективных технологически проработанных программ» [1, с. 46].

Микроуровень реабилитации – это межличностное взаимодействие субъектов реабилитационного процесса с членами семьи, с одноклассниками и одноклассниками в учебном заведении и т.д., имеющее особо важное значение в период ресоциализации и социальной реадaptации, когда реабилитант особенно нуждается в неформальной поддержке, участии и общении. На этом уровне у реабилитантов, являющихся субъектами реабилитационных программ, формируется фундамент для преодоления ими наркотической зависимости, появляется возможность реализации их социально позитивных установок, использования различных моделей социализации, входящих в соответствующую программу реабилитации.

Как отмечают специалисты, залогом эффективной ресоциализации лица, допускающего немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, является поддержка и вовлеченность семьи в реабилитационный процесс. Поддержка реабилитанта ближайшим окружением способна на 80% гарантировать достижение целей и задач программ ресоциализации и обеспечить долгосрочную ремиссию<sup>1</sup>.

Необходимо также отметить, что сегодня существует определенный разрыв между указанными уровнями реабилитации. Причем этот разрыв фиксируется на всех этапах противодействия наркомании, от разработки стратегических проектов и их правового обеспечения до практической реализации и контроля за их исполнением. Отсутствие тесного сотрудничества (взаимодействия) между

данными уровнями определяет относительно низкую эффективность реализации социально-реабилитационных программ и вследствие этого – их непривлекательность для реабилитанта, получившего наркологическую помощь.

Помимо выделенных выше уровней исследователи используют и иной подход к дифференциации уровней реабилитации. Так, критериями разделения выступают содержание, характер и способы реабилитации [5].

На основе такого разграничения выделяют четыре взаимосвязанных уровня реабилитации: биологический, психологический, социальный, духовный. Специалисты отмечают, что «лечение больного наркологического профиля нельзя считать полноценным, если оно не завершается курсом комплексной реабилитации, обеспечивающим реконструкцию функционирования больного на четырех уровнях – биологическом, психологическом, социальном и духовном» [1, с. 46].

Биологический уровень реабилитации на этапе детоксикации реализуется под строгим наблюдением врача в медицинской организации. Это начальный этап лечения, направленный на преодоление абстинентного синдрома и в перспективе – последующее полное выздоровление реабилитанта. Одной из задач данного этапа также является подбор наиболее безопасного способа перехода пациента от употребления наркотических средств к воздержанию.

Психологический уровень направлен на преодоление психической зависимости от употребления наркотиков. На данном этапе реабилитации посредством специальных тренингов происходит формирование у реабилитанта стабильной потребности преодолеть наркотическую зависимость. Психологическую помощь реабилитант получает, как правило, в рамках социальной реабилитации, а также в рамках комплексных реабилитационных программ.

На духовном уровне реабилитации происходит активное и, как предполагается, адекватное усвоение реабилитантом базовых

<sup>1</sup> Александр Березовский: ресоциализация наркозависимых // Персона Z. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=94yW\\_2Mwla4](https://www.youtube.com/watch?v=94yW_2Mwla4) (дата обращения: 26.01.2023).

## Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения



культурных ценностей, формирование позитивных жизненных ориентаций и достойных приоритетов. На этом уровне наиболее распространена практика деятельности реабилитационных центров под патронажем религиозных организаций.

Социальный уровень реабилитации состоит из различных этапов приобщения реабилитанта к условиям сосуществования в организованном сообществе таких же, как он, пациентов. Специфичность процесса ресоциализации связана не только с содержанием реабилитационных процедур, но и с особенностями организации процесса общения между их участниками.

Ресоциализация наркозависимых, особенно на начальном этапе, предполагает обязательный учет таких особенностей реабилитационного контингента, как специфика их физиологического и психологического состояния (наличие психосоматических расстройств), наличие глубокого мировоззренческого кризиса и низкой самооценки реабилитантов, недоверие к сотрудникам реабилитационных учреждений, низкая степень общительности в реабилитационной среде. Часто при реабилитации им приходится заново осваивать базовые навыки социального взаимодействия. Поэтому чрезвычайно важно правильно организовать социальное пространство, где проходит основная часть всех необходимых реабилитационных мероприятий.

В ситуации, когда лицо допускает немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, под воздействием угрожающей физическому здоровью и стрессовой ситуации, сформированной наркотической зависимостью лица, у него происходит десоциализация, представляющая собой необратимое разрушение имевшихся ценностей и моделей поведения, в результате чего происходит удаление от общества, теряются навыки социального общения и социальный опыт. Если же человек находит в себе силы самостоятельно или при помощи других лиц противостоять внешним вызовам и посредством качественных изменений своих ценностных приоритетов про-

должает осуществлять социальные взаимодействия, то этот процесс определяется как ресоциализация.

При этом мы считаем, что процессу ресоциализации наркозависимых лиц в обязательном порядке должен предшествовать процесс преодоления контрсоциализации, которая представляет собой освоение определенных ценностей, норм и образцов контркультуры, характерных для девиантных групп и преступных сообществ, противоположных тем, что доминируют в обществе. Этот процесс должен быть направлен на социально-психологическое устранение восприятия наркозависимым себя в качестве девианта, что связано с преодолением как «чувства вины», так и существующей стигмы «наркоман».

Этот этап обязательно должен присутствовать в программах социальной реабилитации, поскольку он представляет собой комплекс социально-психологических методик, способствующих преодолению так называемого «синдрома девианта». В отличие от алкозависимых, которые употребляют алкоголь совершенно легально, потребители наркотиков изначально осознают незаконность своих действий, поскольку даже за разовое потребление наркотических средств отечественным законодательством предусмотрена административная ответственность (ст. 6.9 КоАП РФ).

Социологами при классификации процесса социализации также выделяются первичная и вторичная социализации. Первая предусматривает формирование (или восстановление) и закрепление базовых навыков социальной жизни, преимущественно у реабилитантов детского возраста. Вторая – процесс, при котором уже социализированный индивид интегрируется в новые для него секторы общества, при этом реабилитант сам может выбирать степень и меру своего участия в реабилитационных мероприятиях. Основная задача при этом заключается в полноценном восстановлении и развитии социальных качеств личности. Реабилитационные мероприятия здесь направлены на формирование нового опыта социального поведения, приобретение новых возможностей в статус-



ной иерархии, поиск новых ролевых взаимодействий.

Заключительной фазой ресоциализации наркозависимых лиц должна стать интерактивная ресоциализация. В этот период происходит дальнейшее качественное развитие социальных качеств реабилитанта. Это должно выражаться в том числе и в формировании так называемой положительной обратной связи, при которой реабилитант уже сам оказывает помощь тому сообществу, в котором он осуществлял или еще продолжает осуществлять реабилитацию. В этом случае он не просто более качественно усваивает правила и нормы поведения, но и активно участвует в их преобразовании в качестве инициатора.

Особенность интерактивной ресоциализации заключается в том, что она, выражаясь в виде поддержки, помощи, заботы, опеки и пр., направлена не только и не столько на самого реабилитанта, сколько на других участников реабилитационного процесса, находящихся на более ранних стадиях ресоциализации. Человек берет ответственность не только за свою жизнь, но оказывает необходимую поддержку тем, кто испытывает определенные затруднения в осуществлении программы ресоциализации.

Таким образом, «ресоциализация наркозависимых представляет собой процесс восстановления и первичное освоения социального опыта, умений и навыков для дальнейшего формирования социально значимых качеств, и свойств личности, ранее допускавшей немедицинское употребление наркотиков, которые были необходимым условием социализации» [3, с. 641].

Таким образом, с учетом анализа существующей практики ресоциализации лиц, прошедших медицинскую реабилитацию, организуемой комплексными реабилитационными центрами, общая модель ресоциализации может быть представлена в следующем виде: «преодоление контрсоциализации (снятие «синдрома девианта»), первичная социализация (восстановление основных социальных качеств), вторичная социализация (закрепление основных, формирование и развитие новых социальных качеств), интерактивная

социализация (участие самого реабилитанта в реабилитационных и профилактических мероприятиях в качестве субъекта)» [6, с. 9].

Существуют определенные факторы и условия, которые могут в определенной степени как затруднить или вовсе приостановить процесс ресоциализации наркоманов, так и способствовать активизации этого процесса.

Согласно экспертным оценкам, позитивно влияют на процесс ресоциализации следующие факторы:

а) наличие у реабилитанта осознанного и стойкого желания изменить свою жизнь в направлении преодоления наркотической зависимости;

б) определенная активность и последовательность в осуществлении необходимых действий по актуализации реабилитационной программы;

в) положительная адекватная реакция и поддержка со стороны семьи, родственников, друзей;

г) непосредственное общение с человеком, преодолевшим зависимость, который на своем личном примере наглядно показывает возможность стойкой ремиссии и позитивной ресоциализации» [4, с. 157].

К факторам, затрудняющим процесс ресоциализации реабилитанта, по мнению экспертов, можно отнести:

а) субъективное отрицание проблемы, непринятие факта собственной зависимости от потребления наркотиков;

б) недостаточную (чрезвычайно слабую) информированность наркозависимых о наличии и деятельности соответствующих учреждений;

в) низкую эффективность социально-просветительской работы в обществе;

г) наличие сформированного средствами массовой информации негативного образа наркозависимых в массовом сознании;

д) недостаточно развитую сеть общедоступных служб, куда можно обратиться за анонимной экстренной помощью» [5, с. 65].

Таким образом, ресоциализация представляет собой один из уровней комплексной системы реабилитационных мероприятий. В процессе ресоциализации происходит «реа-



нимирование» социального статуса реабилитанта, его реинтеграция в общество, в здоровую и благополучную социальную среду,

без чего невозможно минимизировать риски рецидивов и срывов.

### Библиографический список

1. Брюн, Е.А. Опыт реабилитационной работы в системе помощи лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами / Е.А. Брюн, Л.М. Савченко, Е.А. Соборникова // Российский медицинский журнал. – 2013. – N 4. – С. 45-49.
2. Козлов, Д.В. Роль ресоциализации в процессе выздоровления наркозависимых / Д.В. Козлов // Молодые ученые – столичному образованию : материалы XV городской научно-практической конференции с международным участием: в 2 т. – М., 2016. – Т. 2. – С. 245-247.
3. Ресоциализация наркозависимых в практике социальной работы / А.Ю. Тихонова, М.А. Расихина, В.А. Кузнецова [и др.] // Молодой ученый. – 2022. – N 22. – С. 639-642.
4. Слесарев, А.В. Оценка эффективности региональных социально-реабилитационных программ наркозависимых на примере Хабаровского края (социологический анализ) / А.В. Слесарев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – N 4-1. – С. 155-162.
5. Слесарев, А.В. Социальная реабилитация наркозависимых (на примере Хабаровского края) : дис. ... канд. социол. наук: 5.4.4 / А.В. Слесарев. – Хабаровск, 2021. – 171 с.
6. Слесарев, А.В. Социальная реабилитация наркозависимых (на примере Хабаровского края) : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 5.4.4 / А.В. Слесарев. – Хабаровск, 2021. – 21 с.



**Ольга Альбертовна  
БОЙКО,**

доцент кафедры криминологии  
и профилактики преступлений  
Омской академии МВД России,  
кандидат юридических наук, доцент  
[mario011@mail.ru](mailto:mario011@mail.ru)



**Сергей Леонидович  
ПАНОВ,**

ветеран МВД России (г. Омск),  
кандидат юридических наук  
[spanou1960@mail.ru](mailto:spanou1960@mail.ru)



**Александр Алексеевич  
УРУСОВ,**

доцент кафедры уголовного права  
и криминологии Омского  
государственного университета  
им. Ф.М. Достоевского,  
кандидат юридических наук, доцент  
[knight700@yandex.ru](mailto:knight700@yandex.ru)

## НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАРКОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

### NON-GOVERNMENTAL DRUG TREATMENT REHABILITATION CENTRES: ORGANISATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF ACTIVITY

В статье авторами анализируются аспекты деятельности отечественных негосударственных центров, осуществляющих реабилитационные мероприятия в отношении наркозависимых лиц. Исследуются негативные проблемы функционирования частных реабилитационных центров (отсутствие правоустанавливающих документов, систематическое нарушение прав пациентов, отсутствие научно-методических программ реабилитации, ведение финансово-экономической деятельности с нарушением российского законодательства и др.), предлагаются меры, направленные на повышение эффективности деятельности государства в сфере создания и функционирования наркологических реабилитационных центров.

*The authors analyze aspects of activity of domestic non-governmental centers that carry out rehabilitation measures for drug addicts. The negative aspects of the functioning of private rehabilitation centers are investigated (absence of constitutive documents, systematic violation of patients' rights, absence of scientific and methodological rehabilitation programs, conducting financial and economic activities through violations of the Russian legislation, etc.); measures to increase the effectiveness of the State activity in the field of creation and functioning of drug rehabilitation centers are proposed.*

**Ключевые слова:** наркомания, наркозависимые лица, здравоохранение, негосударственные реабилитационные центры, меры профилактики наркомании.

**Keywords:** drug addiction, drug addicts, healthcare, non-governmental rehabilitation centers, drug addiction prevention measures.



**В** настоящее время недостаточное количество наркологических медицинских учреждений, а также центров для реабилитации наркозависимых лиц – это огромная проблема отечественного здравоохранения. Лечение наркозависимых лиц без осуществления в дальнейшем длительных разнообразных профессиональных реабилитационных программ практически не дает должного эффекта в указанном процессе.

В Российской Федерации за последние 15 лет ниша центров реабилитации лиц, страдающих наркотической зависимостью, претерпела значительную коммерциализацию. Известно немало случаев, когда реабилитационные центры создаются в первую очередь из-за желания заработать, а не из-за того, что персонал таких заведений искренне стремится помогать наркозависимым лицам и обладает достаточным объемом профессиональных навыков осуществления такого рода деятельности. Более того, в специальных исследованиях справедливо указывается на необходимость «при планировании социально-экономического развития закрепления позиций, касающихся строительства и поддержки реабилитационных центров» [6, с. 104].

Реабилитационный центр для зависимых лиц – это организация, занимающаяся физическим, психологическим, социальным и нравственно-духовным восстановлением людей (реабилитантов), страдающих психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ (наркотических веществ, психотропных средств, алкогольных напитков), а также различными формами нехимической зависимости (игромания, пищевая зависимость и т.д.). Реабилитационный центр осуществляет следующие основные функции<sup>1</sup>:

- оказание медико-реабилитационной помощи лицам с наркологическими расстройствами;

- проведение мотивационного консультирования лиц с наркологическими расстройствами в целях побуждения их к прохождению

и завершению медицинской реабилитации, диспансерному наблюдению, формированию у них приверженности к ведению здорового образа жизни, отказу от потребления алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача;

- осуществление противорецидивных мероприятий с больными, прошедшими курс медико-социальной реабилитации и вошедшими в профилактические программы предотвращения рецидивов заболевания;

- осуществление взаимодействия с организациями, оказывающими социальную помощь, например поддержку в вопросах трудоустройства;

- оказание медико-психологической помощи семьям лиц с наркологическими расстройствами, а также проведение санитарно-гигиенического просвещения больных и их родственников;

- осуществление взаимодействия с общественными, религиозными и другими организациями по оказанию реабилитационной помощи лицам с наркологическими расстройствами;

- привлечение волонтеров к оказанию помощи лицам с наркологическими расстройствами, обучение, планирование и контроль их деятельности;

- анализ эффективности оказываемой реабилитационной помощи во время пребывания больных в реабилитационном центре и после выписки из него;

- информирование населения о методах лечения и медицинской реабилитации, а также о медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь по профилю «психиатрия-наркология»;

- представление отчетности в установленном порядке, сбор и предоставление первичных данных о медицинской деятельности для информационных систем в сфере здравоохранения;

- иные функции в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Реабилитация больных наркоманией осуществляется не в естественных условиях их

<sup>1</sup> Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «психиатрия-наркология» и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ : приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.12.2015 N 1034н.



проживания, а в искусственно созданной для личностного и социального восстановления (функционирования) больных реабилитационной среде, в которой реализуются профилактические программы. Программа реабилитации зависимых лиц включает в себя систему контроля, поощрения или порицания, ответственности и психологической поддержки, что в значительной степени гарантирует предотвращение срывов или рецидивов заболевания. Реабилитационная среда не только является терапевтическим инструментом ресоциализации, но и защищает больных от пагубного воздействия наркотической субкультуры и прежде всего от потребления наркотиков, а также в значительной степени моделирует их функционирование в открытом обществе [8, с. 402].

Процесс восстановления зависимых лиц в реабилитационном центре осуществляется в группе (до 25 человек), которая на определенный период времени (обычно от 1 до 6 мес.), чаще недобровольно, изолируется от внешнего мира (как правило, в арендованном загородном доме), путем проведения лечебно-профилактических мероприятий по оздоровлению организма; под руководством специалистов посредством индивидуальных и групповых занятий постепенно они отходят от зависимой модели жизни. Таким образом, реабилитационный процесс – это долгосрочное психолого-терапевтическое воздействие на наркозависимых лиц с целью недопущения в дальнейшем потребления ими психоактивных веществ [7, с. 95].

При выборе негосударственного нелицензированного реабилитационного центра следует ориентироваться на ряд факторов [3, с. 44]:

1) стоимость пребывания в реабилитационном центре. Низкая стоимость профилактического психотерапевтического лечения никак не может гарантировать качество реализуемых реабилитационных программ;

2) наличие в реабилитационном центре команды квалифицированных дипломированных и сертифицированных специалистов. В профессиональном учреждении в штате должны трудиться до 10 специалистов,

в числе которых врач-психотерапевт, психиатр-нарколог, психолог, врач-диетолог, консультант по зависимостям (аддиктолог), специалист по социальной работе, инструктор по труду;

3) эффективно функционирующий реабилитационный центр, которому нечего скрывать, должен иметь сайт и офис, куда можно обратиться за бесплатной консультацией и для знакомства с персоналом и условиями проживания в указанном учреждении;

4) перед выбором реабилитационного центра заинтересованным лицам (родственникам) необходимо ознакомиться с отзывами о работе данного учреждения, а по возможности лучше узнать из первых уст – встретиться с лицами, прошедшими курс реабилитации, расспросить у них об условиях прохождения курса. Также можно ознакомиться с отзывами на сайте реабилитационного центра. Клиентам центра или их родственникам следует заключать договор с центром не на основании картинок на сайте, а после непосредственного посещения выбранного центра. Иначе это чревато тем, что условия в нем могут оказаться намного хуже обещанных;

5) реализация адаптационных программ в платных реабилитационных центрах происходит на условиях анонимности. Разглашать информацию о пациенте руководство может только по требованию правоохранительных органов, суда. Это помогает избежать проблем с наркологическим учетом, а также при решении вопроса о дальнейшем устройстве на работу. Другим моментом, который нужно учитывать, является предоставление гарантий. Конфиденциальность психотерапевтического лечения должна прописываться в договоре по оказанию реабилитационных услуг. Гарантия от срыва также должна прописываться в договоре – это страховка на случай, если резидент вернется к злоупотреблению. Предоставляется возможность пройти повторную реабилитацию бесплатно;

7) правильный выбор частного реабилитационного центра в полной мере повлияет на будущее излечение зависимого лица.

В настоящее время в стране для оказания квалифицированной медико-психологи-

## Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения



ческой помощи наркозависимым лицам не создана достаточная в количественном плане государственная сеть учреждений реабилитации, а многочисленные частные центры в основном работают вне государственного контроля и поддержки. Так, на 1 января 2021 г. при наличии 212,4 тысячи больных, состоящих на официальном учете в лечебно-профилактических организациях страны, насчитывалось всего 119 государственных реабилитационных центров (на 2622 койко-места), находящихся в подчинении Минздрава России [2, с. 10].

Таким положением вещей в сфере реабилитации пользуются предприимчивые лица, открывая частные нелегализованные реабилитационные центры. По мнению экспертов, ежегодно в стране функционируют более тысячи нелегализованных реабилитационных центров. Самый прибыльный и широкий сегмент – это реабилитационные центры без медицинской лицензии, расположенные в коттедже (гораздо реже – в квартире). Это объясняется тем, что открыть их гораздо проще и дешевле, чем лицензированные медицинские центры<sup>1</sup>. Так, на аренду помещения и содержание медицинского центра нужно тратить 10-20 миллионов рублей ежемесячно, предварительно вложив немалые средства в оборудование, а чтобы арендовать и содержать коттедж, нужно тратить в среднем до 150 тысяч рублей в месяц.

Средняя стоимость реабилитации для наркозависимых лиц в центрах без медицинской лицензии – от 30 до 100 тысяч рублей в месяц, в зависимости от региона и места расположения «объекта». Как правило, такие центры работают «в серую»: деньги за реабилитацию родственники переводят на карты сотрудников или передают наличными, при этом стоимость прямо зависит от материальных возможностей родственников пациента.

В ходе проверок, осуществленных государственными контролирующими структурами (Росздравнадзор, Минтруд, Роспотребнадзор) и правоохранительными органами (МВД, прокуратура), в деятельности ряда

негосударственных нелегализованных центров, занимающихся реабилитацией наркозависимых лиц, регулярно выявляются нарушения. Так, в области нормативно-правовых основ деятельности были выявлены следующие нарушения [4, с. 30]: отсутствие правоустанавливающих документов на занимаемые (арендуемые) помещения; отсутствие договорных отношений с наркозависимыми лицами, проходящими реабилитацию; ведение финансово-экономической деятельности с нарушением российского законодательства, без ведения системы бухгалтерского учета.

В ряде негосударственных реабилитационных центров санитарно-гигиенические условия проживания и осуществления реабилитации не соответствуют минимальным требованиям, необходимым для обеспечения полноценных условий жизнедеятельности.

Процесс детоксикации, осуществляемый в некоторых реабилитационных центрах, протекает без медицинского сопровождения, что может привести к обострению у пациентов ряда хронических заболеваний.

Отсутствие в штате негосударственных центров медицинского работника или договора с медицинской организацией не позволяет им вести систематический медицинский контроль за состоянием здоровья реабилитируемых лиц.

В большинстве негосударственных реабилитационных центров не проводится медицинское обследование перед поступлением в реабилитационный центр.

В числе нарушений работы негосударственных реабилитационных центров – отсутствие научно и методически обоснованных программ реабилитации, слабое методическое обеспечение социально-психологических технологий, а в некоторых случаях невыполнение заявленных в программе мероприятий и направлений деятельности.

В большинстве негосударственных реабилитационных центров отсутствуют разработанная система по оценке качества реабилитации и ресоциализации пациентов, а также сведения, подтверждающие отказ от нарко-

<sup>1</sup> Офицерова Ж. Кто зарабатывает на наркозависимых. URL: <https://narcologos.ru/154810> (дата обращения: 23.09.2022).



тиков и свидетельствующие о качестве жизни у выпускников реабилитационного центра в последующие годы.

В ряде реабилитационных центров отсутствуют предусмотренные планом эвакуации запасные выходы, а также пожарная сигнализация и средства пожаротушения.

Отдельные негосударственные реабилитационные центры не имеют официальной регистрации и предпочитают быть некоммерческой организацией (НКО), прикрываясь благотворительностью<sup>1</sup>.

Негосударственные нелицензионные реабилитационные центры, дабы избежать проверок, скрывают данные о расположении центров, часто меняют адреса своих сайтов, а также, как правило, долго на одном месте не задерживаются.

Нередки случаи, когда руководство реабилитационного центра как можно дольше содержит (нередко насильно) и не выписывает из учреждения зависимых лиц до тех пор, пока у их родственников не закончатся денежные средства<sup>2</sup>. Многие реабилитационные центры попросту игнорируют рекомендации Минздрава, сильно завышая расценки за свои услуги.

Так, в Екатеринбурге и Свердловской области на протяжении нескольких лет функционировала сеть частных наркологических реабилитационных центров «Город без наркотиков». В данных центрах практиковали метод лечения «сухой ломкой»: пациента изолировали (нередко насильно, без соответствующего согласия зависимого лица) от внешнего мира, зачастую пристегивая наручниками к кровати, кормили черным хлебом с луком и водой, лекарств не давали. Зависимых лиц, прошедших «сухую ломку», отправляли на трудотерапию – тяжелые физические работы по погрузке-разгрузке, строительству. Пациентам ограничивали свободу передвижения

и общения с родственниками, а за малейшее ослушание связывали скотчем и закрывали на длительный срок в подвальное помещение, избивали. «Лечением» зависимых лиц занимались люди без медицинского образования<sup>3</sup>.

Пострадавшие от рук персонала платных реабилитационных центров, как правило, боятся жаловаться – одни считают, что заслужили такое отношение, другие опасаются мести, третьи – из-за недоверия к правоохранительным органам. По фактам насильственной реабилитации наркозависимых лиц в ряде регионов станы регулярно возбуждаются уголовные дела по п. «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ («Незаконное лишение двух и более лиц свободы»), а также по ст. 238 УК РФ («Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»). Виновные лица привлекаются к уголовной ответственности<sup>4</sup>.

В числе мер, направленных на повышение эффективности деятельности государства в сфере создания и функционирования центров, осуществляющих реабилитацию наркозависимых лиц, следует выделить [1, с. 40; 5; 9, с. 135]:

– совершенствование законодательства в сфере реабилитации наркозависимых, в том числе в части создания условий, способствующих прохождению лечения от наркомании в качестве альтернативы лишению свободы наркозависимых лиц, совершивших преступления;

– увеличение количества государственных медицинских реабилитационных учреждений, оказывающих помощь наркозависимым лицам, с соответствующим финансированием указанных мер;

– усиление контроля со стороны государственных структур и правоохранительных органов, общественных формирований за деятельностью негосударственных нелицензированных учреждений, оказывающих ме-

1 Граф Н. В Омске закрыли центр, где насильно удерживали наркоманов. URL: <https://rg.ru/2020/07/02/reg-sibfo/v-omske-zakryli-centr-gde-nasilno-uderzhivali-narkomanov.html> (дата обращения: 13.10.2022).

2 Нижельская О. Выбить дурь. Наркоманов по всей России лечат насилием под видом реабилитации. URL: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/omsk-rehab/> (дата обращения: 28.10.2022).

3 Ашуров А. СКР занялся реабцентрами – «концлагерями» для алкоголиков и наркоманов. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/16/skr-zanyalsya-rebcentrami-konclageriyami-dlya-alkogolikov-i-narkomanov> (дата обращения: 23.10.2022).

4 Граф Н. Указ. соч.



дикореконструкционные услуги наркозависимым лицам;

– рассмотрение на законодательном уровне вопроса об обязательном лицензировании деятельности реабилитационных центров (вне зависимости от формы функционирования) по оказанию лечебной и психотерапевтической помощи наркозависимым гражданам;

– выработку и реализацию на регулярной основе комплекса мер культурно-идеологической направленности на принятие и одобрение обществом необходимости официальной реабилитации наркозависимых лиц, формирование в общественном сознании терпимого (поддерживающего) отношения к тем, кто желает и прилагает усилия к преодолению недуга;

– использование зарубежного опыта в деятельности государственных структур и общественных формирований в ходе выработки и реализации мер, связанных с реабилитацией наркозависимых граждан [10, с. 174].

Комплекс мероприятий, осуществляемых в реабилитационных центрах в отношении наркозависимых лиц, должен быть направлен в первую очередь на социально-бытовую и трудовую реабилитацию пациентов, а имен-

но на освоение или восстановление утраченных профессиональных и трудовых навыков и в дальнейшем на трудоустройство.

Органы власти всех уровней, выстраивая региональные компоненты национальной системы профилактики наркотизма, должны осознавать, что правопослушные и добросовестные негосударственные реабилитационные учреждения, опирающиеся на творческую инициативу, личностный потенциал, уникальный опыт служения и милосердия, играют существенную роль в социальной реабилитации наркозависимых граждан и предупреждении распространения наркомании в обществе.

По нашему мнению, в настоящее время перед государством стоит задача не запрещать частные реабилитационные центры, а сделать так, чтобы они функционировали в правовом поле, в условиях понятного и прозрачного налогообложения, при наличии в организации специалистов соответствующего профиля, информационно открыто и без нарушений действующего законодательства в указанной сфере.

### Библиографический список

1. Богомолова, Е.Н. Реабилитация наркозависимых: опыт работы белорусского благотворительного фонда «Центр здоровой молодежи» / Е.Н. Богомолова, Ф.Б. Плоткин // *Здравоохранение (Минск)*. – 2021. – N 4 (889). – С. 39-46.
2. Деятельность наркологической службы в Российской Федерации в 2019-2020 годах : аналитический обзор / В.В. Киржанова, Н.И. Григорова, Е.Н. Бобков [и др.]. – М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2021. – 192 с.
3. Козыренко, С.М. Особенности организации среды коммерческих реабилитационных центров / С.М. Козыренко // *Урбанистика*. – 2020. – N 3. – С. 44-60.
4. Куляс, Т. Споры в России о направлении наркоманов и алкоголиков на принудительное лечение / Т. Куляс // *Административное право*. – 2018. – N 4. – С. 29-37.
5. Мнение населения о развитии наркоситуации в субъектах Российской Федерации, расположенных в пределах Сибирского федерального округа (по результатам социологического исследования за 2013 год) : отчет о научно-исследовательской работе (заключ.) / науч. рук. Д.Д. Невишко. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. – 371 с. – N ГР 01201453213.
6. Невишко, Д.Д. Особенности наркоситуации в субъектах Сибирского федерального округа и основные направления антинаркотической профилактической деятельности в современных ус-



ловиях (по результатам социологических исследований) / Д.Д. Невирко, П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2014. – N 4. – С. 96-105.

7. Теркулов, Р.И., О социальной реабилитации наркологических больных / Р.И. Теркулов, О.М. Кормилина, О.Н. Патрикеева // Наркология. – 2018. – Т. 17. – N 6. – С. 94-98.

8. Шайдукова, Л.К. Современные подходы к реабилитации наркозависимых / Л.К. Шайдукова // Казанский медицинский журнал. – 2013. – Т. 94. – N3. – С. 402-405.

9. Шинкевич, В.Е. Эффективность деятельности негосударственных организаций по реабилитации наркозависимых / В.Е. Шинкевич, Е.А. Димитрова // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – N 1. – С. 135-147.

10. Шинкевич, В.Е., Организация реабилитации и ресоциализации наркозависимых в контексте обеспечения наркобезопасности современного общества: отечественный и зарубежный опыт / В.Е. Шинкевич, Т.В. Куприянчик // SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS. – 2018. – Т. 1. – N 3. – С. 172-185.



## ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.2/.7 : 341.4

DOI 10.51980/2542-1735\_2023\_1\_67



**Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,**

профессор кафедры уголовного права  
и криминологии Сибирского юридического  
института МВД России (г. Красноярск),  
доктор юридических наук, доцент

*pavlushat@mail.ru*

### УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

#### CRIMINAL LAW OF THE MEMBER STATES OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

В статье изложены факторы, обуславливающие целесообразность проведения компаративистского исследования уголовных законов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Проведен контрастирующий анализ основных юридических положений Общих и Особенных частей Уголовных кодексов республик Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Российской Федерации. Отдельные уголовно-правовые институты подвергнуты критическому рассмотрению. Сформулированы аргументы в пользу законодательного закрепления соответствующих категорий в уголовном законодательстве отдельных стран.

The article outlines the factors determining the expediency of conducting a comparative study of criminal laws of the member states of the Collective Security Treaty Organization (CSTO). A contrasting analysis of the main legal provisions of the general and special parts of the Criminal Codes of the Republics of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and the Russian Federation is carried out. Certain criminal-legal institutions are subjected to critical examination. Arguments in favor of the legislative consolidation of the relevant categories in the criminal legislation of individual countries are formulated by the author.

**Ключевые слова:** гармонизация уголовного законодательства, Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности, принцип уголовного права, противодействие наркопреступлениям, уголовно-правовой запрет.

**Keywords:** *harmonization of criminal legislation, CSTO Parliamentary Assembly, principle of criminal law, counteraction to drug-related crimes, criminal prohibition.*



**Ц**елесообразность обращения к сравнительно-правовому анализу уголовного законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ, Организация) обусловлена рядом следующих основных факторов.

Фактор 1: гносеологический. Данный анализ представляет познавательный интерес для науки уголовного права. Так, все государства – члены ОДКБ являются бывшими союзными республиками СССР, после прекращения существования которого правовые системы данных стран приобрели собственные суверенные векторы развития. Не случайно В.В. Хилюта достаточно точно отмечает, что «современное состояние отечественного уголовного права характеризуется несколькими концептуальными противоречиями, которые пересекаются еще со времен советской школы уголовного права, но полностью не совпадают с глубинными процессами модернизации существующих общественных отношений» [7, с. 157].

Следовательно, видится теоретически востребованным рассмотрение амплитуды развития уголовного законодательства государств – членов Организации, направлений трансформации основных уголовно-правовых институтов в современных условиях.

Фактор 2: практический. Государства – члены ОДКБ находятся в состоянии международной коллаборации, их объединяют в основном общие интересы и решение взаимовыгодных задач. Соответственно, система антинаркотической и антитеррористической безопасности на межгосударственном уровне в регионе стратегических интересов нескольких государств, объединенных существующими правоохранительными традициями и историческим прошлым, в определенной степени должна опираться на единообразные законодательные подходы, в том числе в уголовном законодательстве. Согласно ст. 10 Устава Организации Договора о коллективной безопасности, подписанного 7 октября 2002 г., «государства-члены принимают меры по ... гармонизации национального законодательства по вопросам обороны, военного

строительства и безопасности». Думается, что данные меры могут касаться и уголовного законодательства, которое ориентировано на защиту национальных интересов, в том числе на укрепление обороны и безопасности государств – членов Организации. В этом направлении делаются определенные практические шаги. Так, согласно пп. 20-21 Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021-2025 годы Парламентская Ассамблея ОДКБ выступает ответственным субъектом за разработку рекомендаций по гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ, устанавливающего ответственность за преступления против военной службы, а также за преступления против мира и безопасности человечества. Причем попытки подобной гармонизации имели место уже достаточно давно. Например, можно привести постановление Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ – членов Организации Договора о коллективной безопасности и Комитета секретарей Советов безопасности государств – членов ОДКБ от 16 апреля 2004 г. N 2 «О проекте Рекомендаций по унификации и гармонизации законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере борьбы с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ», в котором справедливо отмечается, что ключевой проблемой в области законодательного контроля над наркотиками в государствах – членах ОДКБ оказывается путаница в терминах и основных моментах нормативно-правового регулирования оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. При этом согласимся со справедливым высказыванием Е.С. Пустовойт о том, что «наркопреступность представляет собой совершенно особый объект криминологического исследования, так как имеет особого субъекта и носит транснациональный характер» [4, с. 125]. Такая ситу-



ация создает противоречия в правовых системах наших стран, мешающие эффективно бороться с наркопреступностью.

Однако приходится быть реалистом и не идеализировать относительно наличия общих пассивных уголовно-правовых подходов и солидаризма в моделях уголовно-правового воздействия на общественные отношения соответствующих государств. Данный тезис может быть подкреплен компаративистским анализом уголовного законодательства государств – членов ОДКБ.

В первую очередь необходимо обратиться к задачам уголовного законодательства. Так, защита либо охрана предусмотренных законом интересов, предупреждение преступных посягательств являются одними из задач уголовного законодательства всех государств – членов ОДКБ. Причем даже при дальнейшей разработке национального уголовного законодательства разработчики не отказываются от его предупредительной направленности. Например, при разработке нового Уголовного кодекса Республики Таджикистан исследователями отмечается, что «ожидаемыми результатами внедрения проекта Уголовного кодекса могут стать: улучшение направленности и ориентированности предупреждения преступности» [3, с. 44].

Однако в уголовных законах республик Армения и Киргизия дополнительно можно обнаружить такую задачу, как восстановление справедливости, нарушенной преступлениями. Более того, в ст. 2 Уголовного кодекса Республики Армения закрепляется задача обеспечения реинтеграции в общество и ресоциализации лица, совершившего преступление, что свидетельствует о высокой исправительно-профилактической направленности соответствующего законодательства. В свою очередь, в уголовных кодексах республик Беларусь и Таджикистан закреплена задача воспитания граждан в духе соблюдения законодательства, что логично вторит существованию воспитательной функции права.

Нельзя обойти вниманием сравнительно-правовой анализ принципов уголовного законодательства, которые не предусмотрены только уголовным законом Республики

Казахстан. Как представляется, такое исключение из общего правила вызвано законодательным подходом, согласно которому основополагающие идеи предусмотрены конкретными уголовно-правовыми институтами, закрепленными в Общей части уголовного закона. Например, ч. 2 ст. 39 Уголовного кодекса Республики Казахстан закрепляет идею о том, что «наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства», фактически отражающую принцип гуманизма. Главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан С.М. Рахметов отмечает, что в Уголовном кодексе Республики Казахстан «отсутствуют специальные нормы, посвященные принципам уголовного права, хотя в некоторых статьях Общей части УК сформулированы отдельные принципы уголовного права. При этом они не указываются как принципы», поэтому он считает «необходимым дополнить УК нормами, регулирующими принципы уголовного права» [5].

Законность как важнейший принцип, а также идеи справедливости и вины (виновной ответственности) предусмотрены уголовным законодательством всех остальных государств – членов ОДКБ. При этом предусмотренный отдельной статьей Уголовного кодекса Кыргызской Республики принцип юридической определенности (ст. 3), по сути, выступает содержательным развитием принципа законности, сформулированного в ст. 2. Следует приветствовать такой прием юридической техники, направленный на правовую детализацию основополагающих уголовно-правовых идей. Ведь, как верно отмечает Н.Г. Иванов, руководящая идея «правовой определенности является общепризнанной правовой концепцией как в романо-германской правовой системе, так и в общем праве» [2, с. 161].

Принципы равенства граждан перед законом и гуманизма не закрепляются в Уголовном кодексе Армении, в котором можно встретить такую основополагающую идею, как индивидуализация ответственности. В свою очередь, принцип неотвратимости от-



ветственности содержится в уголовных законах республик Беларусь, Киргизия и Таджикистан, а принцип личной ответственности – в уголовных законах республик Армения, Киргизия и Таджикистан. Обращает на себя внимание тот факт, что в Уголовном кодексе Республики Таджикистан закреплен принцип демократизма, который в ст. 10 сформулирован следующим образом: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом [уголовным – П.Т.], к исправлению лиц, совершивших преступления, привлекаются политические партии общественные объединения, органы самоуправления граждан или коллективы по их ходатайству и с их согласия». Как представляется, этот принцип необходимо относить к основополагающим идеям уголовно-исполнительного законодательства. Например, можно обнаружить его закрепление в ст. 8 УИК РФ.

Выявленный плюрализм принципиальных уголовно-правовых положений объясняется информативным отражением в принципах уголовного права особенностей социального и экономического развития, культурного и политического состояния общества. Государства – члены ОДКБ, безусловно, обладают такими особенностями. Более того, нельзя не согласиться с мнением В.Н. Воронина, который указывает, что «единого определения принципов на сегодняшний день в науке не выработано» [1, с. 70]. Это приводит к объективной допустимости законодателю того или иного государства формировать различные комбинации принципов и наполнять их несколько отличным содержанием.

Особый научный интерес вызывают подходы законодателя рассматриваемых государств к категории «преступление». Так называемый материальный признак преступления – общественная опасность – характеризует преступление в уголовных кодексах всех государств – членов ОДКБ, за исключением Республики Армения. Думается, что отсутствие данного признака свидетельствует о попытке армянского законодателя освободить правоприменителя от использования оценочных определений, к которым допустимо относить общественную опасность. Однако не совсем

ясно, почему при характеристике малозначительного деяния в ч. 2 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Армения («Преступлением не считается деяние, которое формально и содержит признаки, предусмотренные Особенной частью настоящего Кодекса, но вследствие своей малой опасности не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству») используется фактически оценочный признак «малая опасность».

Уголовное законодательство всех государств – членов ОДКБ при закреплении понятия «преступление» использует такие признаки, как «деяние», «наказуемость» («угроза наказания») и «виновность», что является логичным отражением того факта, что все кодексы фиксируют принцип вины. Также необходимо заметить, что в некоторых кодексах используется не только признак «деяние», но и уточняются его формы – действие или бездействие (уголовные законы республик Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). При этом ст. 18 «Деяние» Уголовного кодекса Республики Армения не только закрепляет формы деяния, но и дает характеристику бездействия.

Такой признак, как «запрещенность», отсутствует только в определении преступления, закрепленного в Уголовном кодексе Кыргызской Республики, что демонстрирует желание законодателя уйти от формальной избыточности соответствующих признаков, поскольку при раскрытии понятия преступления используется словосочетание «предусмотренное уголовным законом».

Следует учитывать, что в уголовном законодательстве Республики Казахстан преступление выступает одной из разновидностей уголовных правонарушений. Соответственно, другой разновидностью является уголовный проступок, под которым признается, согласно ч. 3 ст. 10 Уголовного кодекса Республики Казахстан, совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству,



за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.

В уголовном законодательстве всех государств – членов ОДКБ присутствует категоризация (или, иначе говоря, классификация) преступлений. В основном с некоторыми вариациями наименования закрепляются четыре разновидности преступлений – небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие. За преступления небольшой тяжести предусмотрено лишение свободы до двух лет (в России – до трех лет) либо более мягкое наказание. Однако преступления небольшой тяжести в Уголовном кодексе Кыргызской Республики не предполагают назначение наказаний, связанных с лишением свободы. Обращают на себя внимание особо тяжкие преступления, за которые в уголовном законодательстве республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком свыше 12 лет либо более строгое наказание, в уголовных кодексах остальных государств данная категория преступления предполагает уголовное наказание в виде лишения свободы сроком свыше 10 лет либо более строгое наказание.

Также необходимо отметить, что только в уголовном законодательстве России судам допускается при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменять категорию преступления на менее тяжкую.

Отдельной особенностью уголовной ответственности является, в частности, регламентированная Уголовным кодексом Республики Армения возможность не только физического, но и юридического лица выступать субъектом преступления. Данный факт уже был объектом подробного исследования [6], поскольку, действительно, привлечение юридического лица к уголовной ответственности является неким резервом уголовно-правового регулирования общественных отношений, способом повышения эффективности противодействия криминальным вы-

зовам и угрозам. Соответствующий научный интерес вызывают особенности реализации уголовной ответственности юридических лиц, закрепленные в седьмом разделе уголовного закона.

Согласно уголовно-правовым установлениям Республики Беларусь уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает только в случае, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение. В условиях повсеместной реализации административной преюдиции в уголовном праве такой опыт «завязывания» данного института на конкретной категории представляет значительную научную значимость. Более того, нельзя обойти вниманием и распространение данного института не только на административные правонарушения, но и на дисциплинарные проступки.

Одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния в Уголовном кодексе Республики Казахстан, является осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий. Реализация данных мероприятий, безусловно, исключает наступление уголовной ответственности лиц, их осуществляющих, в каждом из государств – членов ОДКБ, но непосредственное закрепление данного обстоятельства в уголовном законе, как представляется, повышает степень законности проводимых мероприятий, а также упрочивает защищенность сотрудника уполномоченного государственного органа либо иного лица, сотрудничающего с этим органом, что может являться объектом более развернутого научного анализа.

В уголовных законах республик Армения и Киргизия самостоятельные статьи посвящены конкуренции уголовно-правовых норм. Данная официальная конкретизация, бесспорно, положительно сказывается на правильной квалификации преступлений, поскольку у правоприменителя имеется четкий ориентир для уголовно-правовой оценки ситуаций с множественностью преступлений –



а преодоление конкуренции и разграничение смежных составов преступлений относится к наиболее сложным вопросам квалификации.

Приступая к характеристике системы уголовных наказаний, целесообразно отметить некоторые их отличия. Так, среди наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специальных званий и различных квалификаций, а также общественных или обязательных работ предусмотрены уголовными законами всех государств – членов ОДКБ. Однако исправительные работы отсутствуют в Уголовном кодексе Республики Армения, тогда как принудительные работы закреплены только в Уголовном кодексе Российской Федерации, а лишение гражданства – в Уголовном кодексе Республики Казахстан. Конфискация имущества фактически предусмотрена нормами всех рассматриваемых уголовных законов, но в ряде государств она закрепляется именно как уголовное наказание, в остальных – как иная мера уголовно-правового характера. Также обращается внимание на то, что ограничение по военной службе включено в систему уголовных наказаний только четырех стран.

В группе наказаний, связанных с изоляцией либо ограничением осужденного от общества, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок предусмотрены уголовными законами всех государств – членов ОДКБ. Посредством различных сочетаний данных уголовных наказаний их количество в каждой из стран примерно одинаковое. Например, отсутствие такого наказания, как арест, в Уголовном кодексе Республики Армения компенсируется за счет наказания в виде краткосрочного лишения свободы, назначаемого на срок от 15 дней до 2 месяцев. В связи с этим важно заметить, что в Российской Федерации и Республике Казахстан арест хоть и закреплен в уголовном законодательстве, но относится к так называемым «отложенным» уголовным наказаниям, то есть не применяющимся на практике. Некоторым исключением выступает назначение ареста в отношении очень немногочисленного числа

российских военнослужащих, которые отбывают данное наказание на гауптвахте.

В Республике Беларусь реализуется уголовное наказание в виде ареста. Так, в соответствии с белорусским уголовным законодательством в 2021 г. это наказание было назначено 6663 осужденным. Данный правоприменительный опыт является образцом правильного законодательного и исполнительного тандема, при котором реализуется как закрепление соответствующей формы уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, так и фактическое применение такого воздействия.

Предметный научный интерес вызывают масштабы реализации такого наказания, как лишение свободы на определенный срок. Ведь именно практическое воплощение данного наказания, являющегося мерилom совершенного преступления и современным талионом тяжести общественно опасного деяния, демонстрирует реагирование государства на факты криминальных проявлений. Так, в настоящее время в Республике Беларусь коэффициент приговоренных к лишению свободы, то есть количество осужденных на 100 тысяч населения, составляет 345 лиц, в Российской Федерации – 304, в Республике Казахстан – 184, в Кыргызской Республике – 161, в Республике Таджикистан – 141, в Республике Армения – 71. Указанные показатели отражают очевидные закономерности значительного снижения коэффициента осужденных к лишению свободы за последние двадцать лет. Например, если в 2000 г. в исправительных учреждениях Республики Казахстан коэффициент лиц, изолированных от общества по приговору суда, составлял 520 человек, то по состоянию на 2021 г. – только 184. И такое снижение повсеместно (в 2000 г. данный показатель составлял: в России – 729, в Белоруссии – 566, в Казахстане – 520, в Киргизии – 402, в Таджикистане – 175, в Армении – 236), что показывает возрастание гуманизма при назначении пенальных уголовных наказаний во всех государствах – членах ОДКБ и реальную эффективность уголовно-правовой профилактики преступного поведения граждан.



Обращаясь к Особенной части уголовных законов, можно отметить несколько общих и частных отличительных моментов. Так, в уголовных законах республик Армения и Беларусь Особенную часть открывают разделы, посвященные преступлениям против мира и безопасности человечества, тогда как в остальных уголовных кодексах на первом месте закрепляются преступления против личности. Также обращает на себя внимание различное количество разделов и глав, наполняющих Особенную часть уголовных кодексов рассматриваемых государств. Искать причины отличий в структуре особенных частей практически не имеет смысла, поскольку каждая из них обладает, безусловно, уникальным построением, информативно отражающим социально-экономические, культурно-духовные, политические и иные условия развития каждого из государств – членов ОДКБ.

В частности, даже такое достаточно очевидное и обладающее высокой общественной опасностью преступление, как убийство, формулируется по-разному, и, обратим внимание, нет ни одной полностью совпадающей диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм. В данной ситуации целесообразно выяснить, насколько эффективно реализуется уголовно-правовая профилактика убийств именно с такими формулировками, насколько удобно работать с данной формулировкой убийства правоприменителю. Представляется, что именно таким образом необходимо подходить к любому другому общественно опасному деянию.

Также необходимо обратить внимание на подходы законодателя к уголовно-правовому противодействию наркопреступлениям. Здесь опять по понятным причинам отсутствует полное единообразие, но, по крайней мере, прослеживается унификация в том, что соответствующие уголовно-правовые запреты сконцентрированы в основном в самостоятельных главах Особенной части.

Отмечая отдельные уголовно-правовые запреты, необходимо остановиться на закреплении в Уголовном кодексе Республики Таджикистан самостоятельного уголовно-правового запрета на хищение прекурсоров с

целью производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Как представляется, это правильное решение, поскольку прекурсоры стоят обособленной группой от наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов, имеют различное назначение, поэтому и общественная опасность хищения прекурсоров либо хищения наркотиков в собственном смысле этого слова различная! Поэтому есть основания присмотреться к данному законодательному опыту. Применительно к уголовному законодательству Российской Федерации В.А. Шеслер справедливо отмечает, что «более приемлемо предложение об установлении уголовной ответственности за хищение прекурсоров в отдельной статье УК РФ» [8, с. 31].

Также вызывает исследовательский интерес закрепление в Уголовном кодексе Республики Казахстан нормы, предусматривающей ответственность за пропаганду или незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров. Подобные запреты можно обнаружить в других государствах, но предусматривающих административную ответственность за такую пропаганду. Поэтому внимание необходимо обратить на вероятность именно общественной опасности, а не просто вредности таких действий.

В уголовном законодательстве республик Казахстан и Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, но при определенных обстоятельствах, например, если такое потребление совершалось в общественном месте. Данный законодательный опыт также представляет научный интерес, но требует дополнительного анализа на предмет возможно существующих проблем правоприменительного характера, социальных последствий, влияния на оздоровление населения.

Таким образом, вышеизложенный материал отражает в известной степени обобщенный анализ уголовного законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Следующим



шагом может выступать более детальное и конкретизированное сравнительно-правовое исследование отдельных уголовно-правовых

институтов, групп преступлений либо единичных юридических положений.

### Библиографический список

1. Воронин, В.Н. Характеристика традиционной системы принципов уголовного права: теоретический анализ / В.Н. Воронин // Юридическая мысль. – 2014. – N 2. – С. 68-76.
2. Иванов, Н.Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве / Н.Г. Иванов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – N 4. – С. 161-166.
3. Искандари, С. К вопросу о разработке Уголовного кодекса Республики Таджикистан в новой редакции / С. Искандари // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2021. – N 3. – С. 40-45.
4. Пустовойт, Е.С. Методологические основы криминологического изучения наркопреступности в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности / Е.С. Пустовойт // Научный компонент. – 2022. – N 2. – С. 124-130.
5. Рахметов, С.М. Вопросы регулирования принципов уголовного права Республики Казахстан / С.М. Рахметов. – URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=3ф5012948&pos=6;-109#pos=6;-109](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=3ф5012948&pos=6;-109#pos=6;-109).
6. Федоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Армении / А.В. Федоров // Российский следователь. – 2022. – N 2. – С. 74-80.
7. Хилюта, В.В. Уголовное право в эпоху перемен / В.В. Хилюта // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – N 4. – С. 152-159.
8. Шеслер, А.В. Уголовно-правовой анализ состава хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ : учебное пособие / В.А. Шеслер. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 64 с.



**Айбек Насырович АДИЛОВ,**  
начальник факультета подготовки научных  
и научно-педагогических кадров  
Академии МВД Кыргызской Республики  
имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек),  
доктор юридических наук, профессор  
[ibek2000@mail.ru](mailto:ibek2000@mail.ru)



**Бакыт Дайрабаевич КАКЕШОВ,**  
доцент кафедры уголовного права и криминологии  
Юридического факультета Кыргызского  
национального университета имени Ж. Баласагына,  
сертифицированный эксперт по лицензированию  
и аккредитации образовательной деятельности Мини-  
стерства образования и науки Кыргызской Республ-  
ики, сотрудник Государственного комитета националь-  
ной безопасности Кыргызской Республики (г. Бишкек),  
кандидат юридических наук  
[kakeshov777@gmail.com](mailto:kakeshov777@gmail.com)



**Эльнура Ниязалиева ОМАРКУЛОВА,**  
адъюнкт факультета подготовки научных  
и научно-педагогических кадров  
Академии МВД Кыргызской Республики  
имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек)  
[seka80@mail.ru](mailto:seka80@mail.ru)



**Эрмек Базарбекович БАЗАРБЕКОВ,**  
адъюнкт факультета подготовки научных  
и научно-педагогических кадров  
Академии МВД Кыргызской Республики  
имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек)  
[seka80@mail.ru](mailto:seka80@mail.ru)

## СТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НЕЗАВИСИМОГО КЫРГЫЗСТАНА

## FORMATION OF SOVEREIGN CRIMINAL LEGISLATION OF INDEPENDENT KYRGYZSTAN

Принятие Уголовного кодекса Кыргызской Республики 1997 года стало прогрессивным шагом в ходе реформирования политики государства в сфере уголовного права, поскольку он был ориентирован на максимальное обеспечение безопасности личности, общества и государства, призван содейство-



вать становлению нового общества, утверждению в нем законности, правопорядка, основополагающих принципов международного права.

УК КР 1997 года имеет весьма существенные отличия от прежнего, принятого в 1960 году, поскольку в законодательном формате отражает новую ситуацию, возникшую в большинстве сфер жизнедеятельности общества, связанную с обретением Кыргызстаном независимости. Особенность кодекса заключается в его деидеологизации. Приоритетной задачей УК КР ставил защиту интересов личности, прав и свобод человека, тем самым была определена в уголовном законе новая иерархия социальных ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране.

The adoption of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic in 1997 was a progressive step in the course of reforming the State's policy in the field of criminal law, since this Code was focused on maximizing the security of the individual, society and the State, designed to promote the formation of a new society, the establishment of legality, the rule of law, and the fundamental principles of international law in it.

The Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 1997 has very significant differences from the previous one adopted in 1960, since in the legislative format it reflects the new situation that has arisen in most spheres of society related to the independence of Kyrgyzstan. The peculiarity of the code is its deideologization. The priority task of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic was to protect the interests of the individual, human rights and freedoms; thereby a new hierarchy of social values subject to criminal protection was defined in the criminal law.

**Ключевые слова:** Конституция, Уголовный кодекс, уголовная политика, права человека, правопорядок, судебно-правовая реформа, право.

**Keywords:** Constitution, Criminal Code, criminal policy, human rights, law and order, judicial and legal reform, law.

**Т**енденция развития законодательства 60-80-х годов прошлого столетия свидетельствует о стремлении к улучшению благосостояния народа, облегчению условий труда и быта, упрочению законности и правопорядка. Бесспорным положительным моментом в дальнейшем развитии отраслей права явилась повсеместная кодификация законодательства, которая началась еще в предыдущий период и достигла кульминации в 1960-х годах. Объективной базой кодификации стала стабильность общества и системы права [4, с. 410].

Как подчеркивает Д.Ш. Нуриев: «К началу 1960-х годов отечественное уголовное право в своем развитии за менее чем столетний отрезок времени преодолело полный противоречий и коллизий путь, отправной точкой которого стало обычное право кыргызов, а итогом – кодифицированное законодательство» [2, с. 102].

1 октября 1997 г. бывшим Президентом Кыргызской Республики А. Акаевым был принят Закон КР «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики», который вступил в действие с 1 января 1998 г.<sup>1</sup> Отдельные статьи Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК КР) подверглись реконструкции, но сохранили прежний основополагающий смысл, в то же время в нем появились и новые нормы. Как реконструированные, так и новые статьи отражали современные тенденции развития преступности и в связи с этим потребности совершенствования системы уголовно-правовой защиты личности, государства и общества.

В общей части редакционные изменения коснулись более 20 статей. Особенная часть была дополнена 15 новыми статьями, более 20 статей изложены в новой редакции, полностью была исключена вторая глава, предус-

<sup>1</sup> Уголовный кодекс Кыргызской Республики : введен в действие Законом КР от 01.10.1997 N 69 (утратил силу с 01.01.2019 в соответствии с Законом КР от 24.01.2017 N 10).



матривающая ответственность за преступления против социалистической собственности.

Была полностью пересмотрена структура содержания УК КР, а именно Особенная часть начиналась с 7 раздела – «Преступления против личности», что было определено приоритетами Конституции, принятой 5 мая 1993 г., предусматривающей нормы защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Принятие Законодательным собранием Жогорку Кенеш (далее – ЖК, Парламент) Кыргызской Республики УК КР в 1997 г. явилось реализацией части общей программы по созданию новой кыргызской уголовно-правовой системы и на тот период соответствовало единой линии обновления действующей правовой системы, постепенно переходящей эволюционным путем от наследия прежней правовой системы СССР.

Отметим, что в Российской Федерации с 1992 г. активно разрабатывался Уголовный кодекс, который после продолжительных дебатов в Государственной думе (далее – ГД) был принят в июне 1996 г. и вступил в законную силу 1 января 1997 г. «Среди его наиболее важнейших трансформаций можно сказать о довольно полном отражении действующих политических и экономических реалий, имеющих место быть в нашем обществе, определении приоритета защиты прав и свобод человека и гражданина, увеличении ответственности за особо тяжкие преступления и тяжкие и уменьшении ответственности за преступления совершенные впервые, небольшой тяжести, новых причинах освобождения от уголовной ответственности и других новшествах, призванных увеличить профилактические возможности уголовного права» [1, с. 111].

Нужно отметить, что УК РФ существенно расширил сферу использования уголовно-правового поощрения по сравнению с УК РСФСР 1960 г. Им были включены такие институты, как освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, деятельным раскаянием и т.д.,

имеющие целью стимулирование лиц, совершивших преступные деяния, к возвращению к законопослушной жизни<sup>1</sup>.

В этой связи уместной представляется ссылка на К.М. Осмоналиева, утверждающего о почти полной идентичности УК КР, принятого в 1997 г., с УК РФ. Исключение составили лишь отдельные новеллы, среди которых введение «Тройного айыпа» (ст. 45 УК КР), выделение скотокрадства (ст. 165 УК КР) в качестве самостоятельного преступления, а также разработанный запрет уголовно-правового характера коррупции (ст. 303 УК КР). «В остальном же УК КР содержал точные копии статей УК РФ, включая в себя и "размеры санкций за идентичные составы преступлений"» [3, с. 69].

Правовой основой обновления уголовного законодательства стало принятие Конституции КР 5 мая 1993 г. К основополагающим конституционным положениям, на которых построены уголовно-правовые новеллы, следует отнести, в частности: провозглашение в Кыргызской Республике человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности, плюрализм и равенство форм собственности, включение норм международного права и международных договоров в правовую систему Кыргызской Республики в качестве ее составной части, обязанность каждого гражданина заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, уголовно-правовые гарантии.

Внесенные в УК КР даже частичные, изменения в большинстве своем отражают новые идеи в уголовной политике, в связи с чем требуют переосмысления всего правового института, охватывающего измененную либо новую норму. Поэтому возникает потребность в уяснении не только самих нововведений, но и отдельных законоположений, внешне не претерпевших преобразований, но тем не менее требующих иного прочтения.

Рассматривая и анализируя суверенное уголовное законодательство на заре становления независимого Кыргызстана, мы использовали в первую очередь исторический и

<sup>1</sup> История уголовного права России // Материал из свободной энциклопедии – Википедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/История\\_уголовного\\_права\\_В\\_России](https://ru.wikipedia.org/wiki/История_уголовного_права_В_России).



сравнительно-правовой методы, а также ряд эмпирических (описание, сравнение, эксперимент) и теоретических методов (формализация, идеализация, аксиоматизация и гипотетико-дедуктивный метод).

Рассматривая наиболее характерные изменения в Общей части УК КР 1997 г., выделим три группы изменений уголовного права, регулирующих наиболее сложные вопросы уголовного законодательства.

Первая группа изменений в Общей части уголовного права отражает переосмысление содержания и приоритетов отдельных социальных ценностей, выступающих в качестве объектов преступного посягательства. Они внесены в пп. 1, 2 ст. 2, определяющей цели и задачи уголовного закона.

Основной задачей является охрана указанных в статье ценностей от преступных посягательств, но из нее вытекает ряд уголовно-правовых функций: предупредительная, регулятивная, информационная и воспитательная.

Функция предупреждения преступлений осуществляется установлением угрозы наказания за конкретные преступления и реальным привлечением виновных к уголовной ответственности. Уголовное право регулирует уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с совершением преступления, путем привлечения виновного к уголовной ответственности, а также участвует в регулировании позитивных правоотношений, устанавливая санкции за их нарушение. Информационная функция выражается в информировании граждан о деяниях, образующих преступления, и наказаниях за их совершение. Воспитательная роль осуществляется как через демонстрацию общественной опасности предусмотренных законом преступлений, так и путем исправительного воздействия с применением наказания осужденных.

Однако содержание уголовного закона не исчерпывается названными задачами и функциями. Уголовный закон имеет еще два предназначения: определить объекты, представляющие для общества особую ценность и потому нуждающиеся в уголовно-правовой защите, и установить приоритетность этих

объектов. До 1997 г. УК КР рассматривал в качестве таких объектов общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, социалистическую собственность, личность, права и свободы граждан и весь социалистический правопорядок с учетом сложившейся политической и общественно-экономической формации.

После распада СССР и преобразования Киргизской ССР (далее – Кирг. ССР) в суверенную и независимую Республику Кыргызстан с учетом сложившихся реалий следует считать, что УК Кирг. ССР вплоть до принятия новой редакции в 1997 г. продолжал охранять общественный строй, его политическую и экономическую системы, собственность, личность, права и свободы граждан и весь правопорядок от преступных посягательств.

Новый УК КР от 1997 года внес существенные изменения в перечень объектов, представляющих социальную ценность (ст. 2 УК КР 1997 г.). Новые акценты в ценностных приоритетах стали находиться в полном соответствии с принятой в 1993 г. Конституцией КР. В частности, вопрос о приоритетах был определен в п. 1 ст. 15 Конституции, согласно которой «человеческое достоинство в Кыргызской Республике абсолютно и неприкосновенно». В ней закреплена и обязанность государства защищать права и свободы человека. «Основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения. Они признаются в качестве абсолютных, неотчуждаемых и защищаемых законом и судом от посягательств со стороны кого бы то ни было» (п. 2 ст. 15). Последняя формулировка указывает на равную защиту уголовным законом всех людей – граждан Кыргызской Республики и иных государств, а также лиц, не имеющих гражданства.

В процессе дальнейшего развития уголовного законодательства нормы, регламентирующие ценностную ориентацию, были усовершенствованы.

Закрепленное в ст. 23 Конституции КР 2021 г. положение «Права и свободы человека относятся к высшим ценностям Кыргызской Республики. Они действуют непосредственно, определяют смысл и содержание



деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц» нашло логическое отражение в новой редакции УК КР от 28 октября 2021 г.

Так, целями УК КР являются охрана прав и свобод личности, собственности, общественного порядка, общества, государства, окружающей среды, конституционного строя КР от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, предупреждение преступлений и восстановление справедливости, нарушенной преступлениями (п. 3 ст. 1 УК КР), то есть в содержании данной нормы, на наш взгляд, полностью реализована иерархия ценностей общества, где личность человека поставлена в приоритете правовой системы. Логика законотворчества, основанная на непротиворечивости правовой иерархии, полностью воспроизводит постулат конституционного положения и ставит интересы человека в начало перечня объектов уголовно-правовой охраны.

Как мы видим, эта идея прошла долгий путь. В первых проектах УК КР появляются и новые виды объектов: мир и безопасность человечества, природная (окружающая) среда, общественный порядок, охрана собственности, конституционный строй, общественные и государственные интересы.

Вторая группа изменений носит в основном технический характер и связана с приведением норм Общей части в соответствие с Особенной частью УК КР. В Общей части имеются статьи, определяющие особые основания ответственности за отдельные преступления, и отдельные категории преступников. Эти основания определяются через перечень отдельных составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК КР. Таким образом, изменение системы составов органически должно вызывать изменение норм Общей части УК КР.

Например, к числу таких составов преступлений можно отнести ст. 9 «Классификация преступлений». В соответствии с п. 1 данной статьи преступления, в зависимости от характера и степени общественной опасности, стали подразделяться на небольшой тяжести, менее тяжкие, тяжкие и особо тяж-

кие. Тяжесть преступления определялась в зависимости от максимального срока более строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи (п. 2, ст. 9 УК КР 1997 г.). Такая же классификация осталась и в последующих редакциях УК КР, например ст. 19 УК КР от 2021 г.; ч. 2 ст. 18, содержащая перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста; чч. 4, 5 ст. 49, дифференцирующие виды мест отбывания лишения свободы в зависимости от характера совершенных преступлений.

Особого внимания заслуживает ч. 2 ст. 18 УК КР, в которой проявилась тенденция к расширению перечня преступлений, ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста. Наряду с ранее существовавшими составами были включены дополнительно: похищение человека (ст. 123 УК КР), торговля людьми (ст. 124 УК КР), насильственные действия сексуального характера (ст. 130 УК КР), терроризм (ст. 226 УК КР), захват заложника (ст. 227 УК КР).

Законодатель на тот период в связи с появлением новых составов преступлений и некоторых изменений в редакции статей ужесточил ответственность несовершеннолетних за совершение общественно опасных деяний. Такая тенденция была не лишена оснований, поскольку криминальная обстановка в СССР и Кирг. ССР на начало 1990-х гг. оставалась сложной как в политическом, так и в социально-экономическом плане. Такая тенденция ужесточения несовершеннолетней преступности не могла не настораживать, ибо создавалась опасность полного игнорирования возрастных особенностей человека и их влияния на отношение к содеянному.

Представляется, что аксиомой должно являться непротиворечие уголовного законодательства теории права, основанной на правоприменительной практике, и развитию самого государства.

На наш взгляд, недопустимо волевое смещение одной правовой системы другой вопреки эволюционному развитию права и государства страны, как это произошло с уголовным законодательством Кыргызской Республики в 2017 г.



Третья группа изменений направлена на стимулирование социальной активности граждан в борьбе с преступными посягательствами. В уголовном кодексе выделяется целая система норм, назначение которых в том, чтобы побудить человека к активным действиям, направленным на пресечение преступлений, предотвращение вреда, устранение вредных последствий совершенного деяния. К ним относятся институты обстоятельств, исключающих общественную опасность и преступность деяния, добровольного отказа от совершения преступления, деятельного раскаяния, примирения сторон и т.д.

Развитие уголовного законодательства шло в направлении расширения правового стимулирования антикриминальной активности граждан.

Например, УК КР 1997 г. сделал шаг в указанном направлении, изменив условия необходимой обороны и назначения более мягкого наказания, чем предусматривалось.

Части 1, 7 ст. 36 в новой редакции гласили: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности, имущества и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни и здоровья обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти» (в редакции Закона КР от 27 февраля 2015 г. N 41).

Новая норма четко и однозначно ориентирует граждан на возможность их личного участия в пресечении преступлений, независимо от того, против кого они направлены. Прежнее понимание необходимой обороны также предполагало такое право, но оно не раскрывалось столь детально в законе.

Назначение более мягкого, чем предусмотрено законом (ст. 56 УК КР), наказания является способом дифференциации наказания лицам, признанным виновными в совершении преступлений. Общие начала назначения наказания (ч. 1 ст. 53 УК КР) содержат основы такой дифференциации, они требуют от суда руководствоваться при назначении наказания санкцией статьи Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное лицом преступление, а также положениями Общей части УК КР. Тем самым достигается законность судебных решений и равенство всех граждан перед законом.

Уголовный кодекс КР – документ уникальный. Он является единственным законом, представляющим все уголовное право. Этот кодекс дополняется и развивается только в комментариях и решениях Верховного Суда КР.

Несмотря на то, что УК КР вступил в законную силу с 1 января 1998 г. (введен в действие Законом КР от 1 октября 1997 г. N 69), работа над ним была начата в 1992 г., то есть сразу после распада СССР. В течение пяти лет в кыргызском обществе уголовное правосудие отправлялось по советским законам.

В 1993-1996 гг. межведомственной рабочей группой, куда также входили преподаватели Бишкекской высшей школы МВД КР (ныне – Академия МВД КР), был разработан проект новой редакции УК КР.

Формирование нового закона длилось три года. За это время были высказаны более тысячи замечаний. В конечном итоге получился документ, имеющий существенные отличия от советского кодекса 1960-х гг.

УК КР 1997 г. начинал действовать постепенно. Эта последовательность определялась законом, изданным специально для обеспечения введения Кодекса в действие. Как следовало из этого закона, УК КР вступал в законную силу:

– 1 января 1998 г. – весь документ, кроме некоторых его положений;

– не позднее 1 января 2002 г. – положения УК КР о наказаниях в виде лишения свободы с отбыванием в колониях общего режима, колониях особого режима, в женской колонии строгого режима, воспитательных колониях усиленного режима для лиц мужского пола,



## Зарубежный опыт

воспитательных колониях общего режима для лиц женского пола, общественных работ вводились в действие законом после вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики (далее – УИК КР) по мере создания необходимых условий для исполнения этих видов наказаний;

– в соответствии с п. 2 ст. 4 Закона КР «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики» от 1 октября 1997 г. № 69 Перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда (приложение к Уголовному кодексу Киргизской ССР), применялся до утверждения нового Перечня в Уголовно-исполнительном кодексе в соответствии с ч. 4 ст. 52 УК КР 1997 г. Необходимо отметить, что УИК КР был принят 13 декабря 1999 г. и вступил в действие с 1 января 2000 г.;

– лица, признанные особо опасными рецидивистами в соответствии со ст. 23-1 Уголовного кодекса Киргизской ССР, отбывали наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях строгого режима до организации колоний особого режима.

Главной функцией данного документа является минимизация количества и тяжести совершения преступлений с помощью наказаний за совершенные правонарушения. Термин «преступление» используется только в уголовном праве. Он обозначает совершение особо опасных для общества и каждого человека правонарушений.

По сравнению с предыдущим кодексом вариант 1997 г. имел отличия, проявляющиеся в:

- приоритете защиты прав граждан;
- расширении оснований для освобождения от уголовной ответственности;
- ослаблении ответственности за впервые совершаемые малозначительные преступления;
- усилении ответственности за преступления тяжкого характера.

Специфика уголовного права заключается не только в том, что оно представлено одним кодексом.

Кроме того, п. 2 ст. 1 УК КР запрещает существование законов, в которых содержатся нормы наказания за преступления. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в кодекс.

Люди, не занимающиеся юриспруденцией, рассматривают Уголовный кодекс как сборник статей, где прописано наказание за то или иное деяние. Это полезная, а главное, практичная информация. Однако не стоит игнорировать и Общую часть кодекса. Из нее человек может узнать о:

- лицах, в отношении которых наступает уголовная ответственность;
- случаях освобождения от ответственности;
- понятии соучастия в преступлении;
- неоконченных преступлениях;
- видах наказания;
- наказаниях для отдельных категорий граждан;
- мерах принудительного характера.

Общая часть, действительно, носит характер преамбулы к части Особенной, поскольку она содержит разъяснения по поводу трактовки тех или иных явлений, процессов и мер. Однако она выполняет функции и вполне самостоятельной структуры. Особенно это хорошо проявляется в главе 2, которая описывает действие Кодекса в пространстве и во времени, а также в главах 4 и 8, посвященных основаниям освобождения от уголовной ответственности.

УК КР, принятый 18 сентября 1997 г. и вступивший в силу 1 января 1998 г., несомненно, стал прогрессивным шагом в реформировании уголовно-правовой политики Кыргызстана.

1. Будучи социально обоснованным более своего предшественника, Кодекс стремился максимально обеспечить безопасность личности, общества и государства, с учетом интересов формирующейся верхушки власти и политической элиты был призван способствовать формированию нового капиталистического общества.

2. Однако чем дальше продвигалась политика государства и разработки различных проектов Конституции КР в 2007 г., тем чаще происходили (порой хаотично) внесения изменений и дополнений в уголовное законодательство, которые выдавались как прогрессивные. Например, была отменена смертная казнь, введено пожизненное заключение и существенно изменена система наказаний с



упором на применение принципов восстановительного и примирительного правосудия.

3. С момента принятия УК КР претерпел многочисленные изменения и дополнения, в него были внесены более 300 поправок. Законом КР от 25 июня 2007 г. N 91, получившим в среде юристов название «Закон о гуманизации», внесены соответствующие изменения в УК, УПК и ряд законов КР, где, по сути, декларативно провозглашались равенство перед законом и судом, принцип законности и неотвратимости наказания, обеспечения общественного порядка и безопасности и приверженности основополагающим принципам международного права.

4. Как показали дальнейшие события апреля 2010 г. и октября 2020 г., права и свободы человека попирались политической элитой, а лазейки в уголовном законе дали

возможность избежать заслуженного наказания коррупционерам и узурпаторам власти.

5. Следует учитывать, что уголовное законодательство не решает всех вопросов, связанных с борьбой с преступностью. Это лишь одно из средств борьбы с ней. В основе борьбы с преступностью лежат прежде всего социально-экономические и политические преобразования в стране, решения проблемных вопросов в сферах образования, воспитания и культуры.

6. Таким образом, УК является законом, сконцентрировавшим все нормативы, касающиеся преступлений. При этом он ориентирован только на физических лиц, потому что юридические лица не способны совершать преступления, это делают только люди.

#### Библиографический список

1. Белова, К.Л. История развития и становления современного уголовного права в России / К.Л. Белова // Наука через призму времени. – 2019. – N 12(33). – С. 110-113.
2. Нуриев, Д.Ш. Становление и развитие уголовного права Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.Ш. Нуриев. – Бишкек, 2015. – 165 с.
3. Осмоналиев, К.М. Уголовная политика Кыргызстана: вопросы теории и практики : монография / К.М. Осмоналиев. – М.: ИПСИ, 2005. – 237 с.
4. Яшин, Н.А. Характеристика советского уголовного права периода замедления развития общественных отношений / Н.А. Яшин // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – N 11 (ч. 3) – С. 410-413.



**Николай Владиславович ПОЛЯКОВ,**  
заместитель начальника кафедры криминалистики  
Сибирского юридического института МВД России  
(г. Красноярск),  
кандидат юридических наук  
*polyakov.nikolay.1987@mail.ru*



**Джувания Дель Сокорро Лопес  
ХАРКИН,**  
следователь следственного управления Национальной  
полиции Республики Никарагуа (г. Манагуа)  
*juvania92@gmail.com*

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-  
ТАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПЗНАНИЯ  
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ НИКАРАГУА**

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF ORGANIZATIONAL AND TACTICAL  
FEATURES OF PRESENTATION FOR IDENTIFICATION IN THE RUSSIAN  
FEDERATION AND THE REPUBLIC OF NICARAGUA**

В статье с использованием сравнительно-правового метода анализируется законодательство Российской Федерации и Республики Никарагуа относительно условий, порядка и юридических оснований производства такого следственного действия, как предъявление для опознания.

Based on the comparative legal method, the article analyzes the legislation of the Russian Federation and the Republic of Nicaragua regarding the conditions, procedure and legal grounds for the conducting such an investigative action as presentation for identification.

**Ключевые слова:** преступление, следственные действия, предъявление для опознания, незаконный оборот наркотиков, Национальная полиция Республики Никарагуа.

**Keywords:** *crime, investigative actions, presentation for identification, illicit drug trafficking, National Police of the Republic of Nicaragua.*

**П**роблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, приобретают все большую актуальность, поскольку распространение наркотиков создает реальную угрозу здоровью населения, подрывает экономический потенциал, негативно влияет на демографическую ситуацию в мире.

Человечество перешагнуло рубеж третьего тысячелетия, на которое возлагаются большие надежды, но в мире накопилось много проблем: не прекращаются локальные войны, военные конфликты, люди гибнут от стихийных бедствий и техногенных катастроф, голода и неизлечимых болезней, мировое сообщество



щество страдает от преступности, ставшей в большей степени организованной и транснациональной. Ее проявлениями являются терроризм, наркотизм, насилие, торговля живым товаром и другие преступления, которые ставят под угрозу жизнь и здоровье миллионов людей [7, с. 4]. К числу глобальных и социально опасных для всего мира проблем относятся наркомания, наркопреступность, размеры которых достигают угрожающих масштабов. По мнению ученых, наблюдается «международная экспансия наркотиков, так как практически не осталось ни одной страны, которая не столкнулась бы с этой бедой» [4, с. 12].

Одна из самых главных проблем современного общества состоит в транснациональной наркопреступности. Значительная часть наркотических средств производится в таких латиноамериканских странах, как Мексика, Колумбия, Боливия, Перу, Гондурас и др. В связи с этим особое значение приобретают меры по выявлению и пресечению каналов сбыта наркотических средств и психотропных веществ на территории сопредельных государств, к которым относится Республика Никарагуа. Об этом неоднократно упоминали в своих трудах ученые-криминалисты и сотрудники правоохранительных органов [1, с. 92; 2, с. 41; 3, с. 29; 5, с. 12].

Государства Центральной Америки и Карибского бассейна относятся к числу стран с в основном аграрной экономикой, в связи с чем им присущ низкий уровень ВВП на душу населения. Возможно, именно с этим связан тот факт, что преступность в указанном регионе заметно «молодеет». Как отмечает местное издание, дети бегут из семей в крупные преступные банды, чтобы «получить уважение». Однако преступные группировки используют их в большей степени как рабочую силу<sup>1</sup>.

Как показывают статистические данные Международного комитета по контролю над наркотиками, в 2021 г. в Республике Никарагуа изъято 6,5 тонны кокаина, а в 2020 г. – 5,3 тонны.

<sup>1</sup> Молодежь – ключевая роль в борьбе с транснациональной преступностью // DW Made for minds URL: <https://www.dw.com/es/los-jyvenes-pieza-clave-en-la-lucha-contr-el-crimen-transnacional/a-59381194> (дата обращения: 14.01.2023).

Кроме того, в последние годы международные преступные организации наращивают усилия по формированию условий доставки из стран Южной Америки и Карибского бассейна в Российскую Федерацию наркотиков, прежде всего кокаина и марихуаны, морским путем с использованием грузовых контейнеров.

Все вышеуказанное обусловило актуальность темы исследования, ее практическую и теоретическую значимость.

Как видится, предъявление для опознания является важнейшим тактическим средством проверки подозрения и доказывания виновности в ходе расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В связи с этим указанное следственное действие вызывает интерес со стороны не только ученых-криминалистов, но и практических сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников Национальной полиции Республики Никарагуа.

Представляется, что сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Никарагуа способствует развитию международного сотрудничества, в том числе в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

Обусловлено это в том числе соглашениями между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Никарагуа о сотрудничестве в сфере повышения квалификации кадров в области контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров от 7 июня 2013 г., в результате чего в октябре 2017 г. в Республике Никарагуа (г. Манагуа) открыт Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России.

Сравнительно-правовой метод является важнейшим способом применения общенаучных методов, так как позволяет выявить общее и особенное в отдельных явлениях.

Производство опознания в Российской Федерации регламентировано ст. 193 УПК



РФ. Порядок производства предъявления для опознания в Республике Никарагуа регламентируется Конституцией, Законом от 13 ноября 2001 г. N 406<sup>1</sup> (далее – УПК Республики Никарагуа).

Необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Республики Никарагуа не содержится понятие опознания. В ст. 233 УПК Республики Никарагуа указано, что Национальная полиция может проводить опознание лица, чтобы его идентифицировать.

Далее логичным видится сравнить виды предъявления для опознания, производимые следователями в Российской Федерации и Республике Никарагуа.

Так, в ст. 193 УПК РФ прописаны следующие виды опознания по объекту: 1) предъявление для опознания лица, 2) предъявление для опознания трупа, 3) предъявление для опознания предметов. Так, в частности, в ч. 1 ст. 193 УПК РФ отмечено, что следователь может предъявить для опознания лицо или предмет. Для опознания может быть предъявлен и труп.

В ст. 233-235 УПК Республики Никарагуа перечислены следующие виды опознания по объекту: 1) предъявление для опознания лица, 2) предъявление для опознания трупа (который, как и в России, предъявляется в единственном числе). Возможность предъявления для опознания предметов в уголовно-процессуальном законе Республики Никарагуа прямо не прописана, но анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что данный вид опознания проводится сотрудниками Национальной полиции.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Никарагуа, как и в российском законодательстве, упоминаются два вида предъявления для опознания по форме: в натуре и по фотографии.

Статья 235 УПК Республики Никарагуа, предусматривающая проведение опознания

по фотографии, гласит: «В случае необходимости опознать скрывшееся лицо, когда нет возможности обеспечить его присутствие, его фотография вместе с другими фотографиями статистов может быть предъявлена опознающему при соблюдении определенных правил»<sup>2</sup>. К данным правилам относятся следующие:

1) исключение любых подсказок в отношении лица, которое необходимо опознать;

2) исключение оказания какого-либо давления на опознающее лицо, чтобы оно опознало кого-то конкретно или поспешно;

3) исключение любой предварительной демонстрации каких-либо фотографий опознающему лицу. Полиция должна проявлять полную беспристрастность при проведении опознания по фотографии. В ином случае опознание, проведенное ненадлежащим образом, может негативно повлиять на последующее опознание в суде, что может повлечь вынесение оправдательного приговора, вследствие чего преступник может остаться безнаказанным.

Для признания данного следственного действия доказательством необходимо предоставить суду данные опознающего лица и сотрудников полиции, которые провели следственное действие. В суде свидетель (потерпевший), который опознал обвиняемого, будет допрошен. Стороны обвинения и защиты и другие участники процесса могут допросить свидетеля (потерпевшего) о том, каким образом было проведено опознание по фотографии.

Чем больше фотографий предъявляется опознающему, тем больше вероятность правильности его выбора, следовательно, следственное действие проводится с большей точностью. В протоколе данного следственного действия необходимо указать не только требуемые национальным законом обстоятельства, но и сомнения, возникающие у опознающего, для обеспечения наибольшей бес-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Никарагуа : Закон от 13 ноября 2001 г. N 406 (Cydigo procesal penal de la república de nicaragua) // Legislacion.asamblea URL: [http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/\(\\$All\)/5EB5F629016016CE062571A1004F7C62](http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/($All)/5EB5F629016016CE062571A1004F7C62) (дата обращения: 14.01.2023).

2 Здесь и далее перевод отдельных положений Уголовно-процессуального Кодекса Республики Никарагуа Р.Н. Гоуссмана, А.В. Гуралева, А.Е. Асатуровой. Манагуа, 2020. 14 с. URL: <http://lib.sibli.ru/elib/0060950.pdf>.



пристрастности и объективности. Полиция и прокуратура должны обеспечить истинное воссоздание событий, которые могут повлиять на обвиняемого отрицательным или положительным образом [подр.: 6].

В УПК РФ указано, что опознающим может являться потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый. В УПК Республики Никарагуа нет ссылок на то, кто может выступать в роли опознающего. Основываясь на законах логики, можем предположить, что в роли опознающего в ходе проведения опознания в Республике Никарагуа могут являться те же участники уголовного процесса, что и в России (потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый).

Далее рассмотрим процесс подготовки к данному следственному действию.

Традиционно подготовка к предъявлению для опознания в Российской Федерации складывается из шести основных элементов, выделяемых учеными-криминалистами:

- 1) подробный допрос опознающего;
- 2) анализ следственной ситуации и принятие решения следователем (дознавателем) о проведении предъявления для опознания;
- 3) подбор объектов, предъявляемых для опознания;
- 4) создание соответствующих условий;
- 5) определение круга участников следственного действия;
- 6) подготовка технических средств.

Предъявлению для опознания в Российской Федерации предшествует подробный допрос опознающего относительно примет преступника и его действий в момент совершения преступления. Согласно ч. 2. ст. 193 УПК РФ опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Статья 233 УПК Республики Никарагуа содержит похожую норму, гласящую, что предъявлению для опознания предшествует допрос опознающего: «Перед началом опознания опознающий должен описать преступника и сказать, знает ли он его или

видел его лично или на фотографиях ранее. Кроме того, опознающий должен указать, в каком месте и в связи с чем он видел данного человека».

Судебно-следственная практика в Российской Федерации и Республике Никарагуа свидетельствует о том, что в ходе допроса выясняются следующие обстоятельства:

- 1) обстановка, в которой допрашиваемый воспринимал искомый объект (длительность, условия и т.д.) и в связи с каким событием;
- 2) состояние, в котором находился допрашиваемый перед началом события, во время и после него;
- 3) физическое состояние допрашиваемого (нет ли дефектов зрения, уровень запоминания объектов и т.д.);
- 4) характерные приметы и особенности воспринимаемых объектов.

Часть 4 ст. 193 УПК РФ говорит о том, что лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех.

В ст. 233 УПК Республики Никарагуа также указаны требования, предъявляемые к статистам, которые должны быть внешне схожими с опознаваемым. Однако в УПК Республики Никарагуа не указано, в каком количестве лица должны предъявляться для опознания. Исходя из законов логики, предполагаем, что их также должно быть не менее трех. Опрошенные одним из авторов в ходе командировок в Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в 2019 г. и 2022 г. сотрудники Национальной полиции Республики Никарагуа отмечают, что число предъявляемых лиц должно быть не менее пяти.

В ходе опознания в Республике Никарагуа приглашается опознаваемое лицо и ему, как в Российской Федерации, предоставляется право выбора места между другими, схожими с ним по внешним признакам лицами. После разъяснения прав и обязанностей, опознающему предлагается указать, учитывая все меры предосторожности, находится ли



среди присутствующих то лицо, которое он упоминал.

Особенностью предъявления для опознания живых лиц в Республике Никарагуа в отличие от России является то, что опознание всегда проводится в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающего опознаваемым, то есть «за стеклом». В Российской Федерации такое опознание проводится в целях сокрытия данных свидетеля или потерпевшего, а также в целях исключения психологического давления на него со стороны подозреваемого или защитника.

Статья 234 УПК Республики Никарагуа указывает на множественность опознаний следующим образом: когда нескольким лицам предстоит опознать одно лицо, каждое опознание происходит по отдельности, исключая общение между опознающими. Если одному лицу предстоит опознать нескольких лиц, то такую процедуру можно провести одновременно. Для того чтобы не исказить предварительное или судебное следствие, таким же образом, как и при опознании по фотографии, полиция должна исключать какие-либо нарушения, которые, как правило, возникают не преднамеренно, а по неосторожности. Нарушения могут касаться подозреваемого или его характерной черты лица. Это имеет большое значение, поскольку признание опознания недействительным либо проведенным с нарушениями порядка влечет за собой невозможность использования данного доказательства в суде.

Как было упомянуто ранее, в протоколе следственного действия, который составляется полицией, уместно указать сомнения, выраженные опознающим. При этом необходимо проявлять максимальную беспристрастность и объективность. Подобные сомнения

позволят сторонам процесса в суде допросить свидетеля, который опознал обвиняемого, для того чтобы повысить степень достоверности данного следственного действия. Кроме того, в Республике Никарагуа часто проводится опознание во время судебного разбирательства. Если опознание в ходе следствия не проводилось, то опознание в суде может обладать большей ценностью, так как опознающий имел контакт с подозреваемым только при совершении преступления. В этом случае суд может воочию наблюдать сомнения опознающего [подр.: 6].

Таким образом на основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Никарагуа и Российской Федерации, регламентирующее производство такого следственного действия, как предъявление для опознания, имеет много схожих положений, регулируется на основе принципа законности.

Одновременно с этим имеются отдельные специальные правовые нормы отличные от российского законодательства. Например, национальное законодательство Республики Никарагуа не предусматривает участие понятых при производстве следственных действий и предъявлении для опознания в частности.

Представляется, что учет тактических особенностей производства отдельных следственных действий при расследовании незаконного оборота наркотиков и реализация их в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов позволит сформировать качественную доказательственную базу по уголовным делам анализируемого вида.



### Библиографический список

1. Демидов, Н.Н. Уголовно-процессуальные аспекты производства следственного действия обыска по законодательству Республики Никарагуа в сравнительно-правовом контексте / Н.Н. Демидов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – N 4 (37). – С. 92-95.
2. Земцова, С.И. Тенденции наркоконъюнктуры в странах Латинской Америки и Карибского бассейна в условиях covid-19: результаты международного онлайн-семинара / С.И. Земцова, О.А. Суров // Наркоконтроль. – 2021. – N 4. – С. 41-46.
3. Земцова, С.И. Транснациональная наркопреступность в Центральной Америке: теоретические аспекты / С.И. Земцова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2021. – N 3 (59). – С. 28-34.
4. Космодемьянская, Е.Е. Методика расследования контрабанды наркотических средств и психотропных веществ : отчет о научно-исследовательской работе / Е.Е. Космодемьянская, Н.В. Поляков ; Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск, 2018.
5. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков : сборник документов / сост.: В.С. Овчинский, А.В. Федоров. – М., 2005.
6. Поляков, Н.В. Сравнительно-правовой анализ нормативно-правовых актов Республики Никарагуа и Российской Федерации, регламентирующих порядок проведения отдельных следственных действий / Н.В. Поляков. – Манагуа: Учебный центр (филиал) СибЮИ МВД России, 2022.
7. Правовые основы регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : учебное пособие / З.З. Абубакиров, Т.Н. Нуркаева, М.К. Нуркаева [и др.]. – Уфа, 2007.



## ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343.23

DOI 10.51980/2542-1735\_2023\_1\_89



**Владимир Степанович ИШИГЕЕВ,**  
профессор кафедры уголовного права и криминологии  
Института юстиции Байкальского государственного  
университета (г. Иркутск),  
доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист Республики Бурятия,  
Почетный профессор БГУ  
*Vladimir.ishigeev@mail.ru*



**Вадим Леонидович ЛАПША,**  
соискатель кафедры уголовного права  
и криминологии Института юстиции  
Байкальского государственного университета  
(г. Иркутск)  
*ivan.2036.ivanov@yandex.ru*

### УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБОСНОВАННОГО РИСКА: DE LEGE LATA

### THE CRIMINAL-LEGAL NATURE OF THE REASONABLE RISK: DE LEGE LATA

В статье рассматривается юридическая природа обоснованного риска в уголовно-правовом аспекте через призму обстоятельств, исключающих преступность деяния. Отмечается, что исследование вопроса следует вести параллельно с изучением правовой природы гл. 8 УК РФ. Авторами указывается, что в уголовно-правовой доктрине существуют различные, основывающиеся на исключении одного из признаков преступного деяния мнения, свидетельствующие о неоднозначности социально полезных обстоятельств, регламентированных уголовным законом. На основе исследования указанных аспектов авторами сделан вывод о правовой природе обоснованного риска как социально положительного действия, не являющегося при определенных условиях преступным.

The article examines legal nature of the reasonable risk in the criminal aspect through the prism of circumstances that exclude the criminality of the act. It is noted that the study of the issue should be conducted together with the study of the legal nature of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors point out there are various opinions based on the exclusion of one of the signs for a criminal act, indicating the ambiguity of socially useful circumstances regulated by the criminal law in the criminal law doctrine. Based on the study of these aspects, the authors draw the conclusion about the legal nature of the reasonable risk as a socially positive action that is not criminal under certain conditions.



**Ключевые слова:** деяние, уголовный закон, обстоятельства, исключающие преступность деяния, обоснованный риск, уголовно-правовая доктрина.

**Keywords:** act, criminal law, circumstances excluding the criminality of the act, reasonable risk, criminal law doctrine.

Обоснованный риск как социально допустимое поведение в пределах, определенных УК РФ, является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния<sup>1</sup>. Однако неопределенность последствий действий, направленных именно на достижение социально полезной цели при обоснованном риске, является его отличительным признаком от иных обстоятельств, закрепленных в гл. 8 УК РФ.

Следует сказать, что содержанием юридической природы той или иной уголовно-правовой нормы или их совокупности являются определенные признаки, отличающие один уголовно-правовой институт от другого. В частности, анализ уголовно-правовой природы обоснованного риска следует начать с анализа главы 8 УК РФ, закрепляющей данное обстоятельство, допускаемое в определенных пределах уголовным законом.

Рассматривая обозначенную в названии статьи тему, считаем целесообразным проанализировать три аспекта, отражающие уголовно-правовую природу обоснованного риска.

В рамках первого аспекта укажем следующее. Согласно энциклопедическим сведениям для обстоятельств, исключающих преступность деяния, характерны следующие свойства (признаки):

«деяния формально подпадают под признаки преступления;

они совершаются при условиях, которые превращают их в полезные или нейтральные для интересов общества;

для каждого из обстоятельств характерны свои условия правомерности» [6, с. 352].

Буквальное толкование приведенных выше признаков позволяет сделать следующий вывод: согласно первому признаку причинение вреда является свойством, характе-

ризующим именно преступное деяние, но, как указано в уголовном законе, при соблюдении условий правомерности такой вред не признается преступным. Вторым признаком как условие их совершения характеризует субъективно-объективные предпосылки совершения социально полезных действий. Третий признак является не только своеобразным правовым «ограничителем», но и необходимым условием достижения общественно полезных результатов.

По второму аспекту полагаем, что отсутствие в уголовно-правовой доктрине единой позиции относительно того, исключение какого из признаков или группы признаков, включенных в понятие преступления (ст. 14 УК РФ), влечет признание уголовным законом причиненного вреда правомерным, породило ряд отличающихся друг от друга мнений ученых-правоведов.

Согласно мнению проф. В.А. Блинникова, «Корни юридической природы таких обстоятельств надо искать в исключении признаков преступления в содеянном – то есть наличие обстоятельства (разумеется, при соблюдении пределов его допустимости) исключает уголовно-правовой юридический факт – событие преступления» [5, с. 29].

В науке уголовного права существуют различные мнения ученых по поводу как количества признаков, необходимых для признания деяния как влекущим уголовно-правовые последствия, так и качества этих признаков, выражающихся в наличии связи между данными признаками и правовыми последствиями действий в условиях, дозволенных уголовным законом.

На основе признаков, характеризующих преступление, условно выделим три подхода к определению юридической природы обсто-

<sup>1</sup> Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. N 25, ст. 2954.



ятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ, в том числе и обоснованного риска.

По мнению одних ученых, данные обстоятельства исключают виновность субъекта. Представителем данного подхода, в частности, является П.С. Дагель [7]. Соответственно, исключение вины предполагает отсутствие ее как признака субъективной стороны преступного деяния, в целом свидетельствующее об отсутствии состава преступления.

Рассмотрение возможности исключения вины из деяния, связанного с риском, приводит к выводу о том, что такое вряд ли представляется возможным. Здесь рискованное действие охватывает и психологическое отношение лица к последствиям своего поведения, так как данная необходимость основывается на требовании уголовного закона о принятии необходимых мер предупреждения причинения вреда, что свидетельствует о правомерности риска.

В соответствии со вторым подходом обстоятельств, закрепленные в гл. 8 УК РФ, являются исключительными в силу того, что при их наличии отсутствует общественная опасность. Представителями данного подхода, в частности, являются А.А. Пионтковский [11], С.В. Максимов [10].

Признак общественной опасности имеет социально-правовое значение в аспекте правового анализа обоснованного риска. Данное обстоятельство выражается в том, что если социальную деятельность условно разделить на деятельность малой, средней и повышенной опасности, то следует вывод о том, что не во всех случаях обоснованный риск является обстоятельством, исключающим общественную опасность. В связи с этим определять правовую природу обоснованного риска в аспекте уголовного законодательства через исключение в деянии угрозы причинения вреда или же его причинения не приходится.

По мнению ученых-правоведов, придерживающихся третьего подхода, в рассматриваемом аспекте обстоятельства, закрепленные в гл. 8 УК РФ, в том числе и обоснованный риск, при их наличии исключают наказуемость деяния. Такого мнения,

в частности, придерживался И.И. Слуцкий [12].

Ранее Н.Д. Дурманов [8], а после В.В. Калугин [9] также отмечали, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, не приводят к уголовной ответственности при соблюдении предусмотренных условий правомерности.

Противоположную по вопросу исключения уголовной ответственности точку зрения занимает В.В. Бабурин. В частности, им указывается, что уголовная ответственность исключается не через соблюдение условий правомерности, а через «состав правомерного деяния» как «правовое основание непривлечения лица к уголовной ответственности» [4, с. 24].

Обозначим третий аспект.

Дальнейшее развитие научных взглядов в уголовно-правовой науке на правовую природу обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ, в том числе обоснованного риска, свидетельствует о следующем. Учеными-правоведами высказываются мнения о том, что действующим уголовным законом определена юридическая природа обстоятельств гл. 8 УК РФ, что находит подтверждение в названии указанной главы – исключение преступности деяния. В частности, на данное обстоятельство ссылается Н.А. Лопашенко [1].

Подобную точку зрения высказывает и В.В. Меркурьев [2], характеризуя рассматриваемые обстоятельства. В частности, ученый пишет о том, что правовая природа данных обстоятельств характеризуется отсутствием преступности в деянии при причинении вреда.

В науке уголовного права встречаются и иные суждения о правовой природе исследуемых обстоятельств. Так, деяния при данных обстоятельствах не является преступным, как указывает И.А. Фаргиев [3], на основе того, что устраняется противоправность деяния. Более того, в современных исследованиях указывается на некоторое целеполагание (через мотивацию соответствующего поведения участников уголовно-правовых отношений) данных обстоятельств. В частности, отмечается, что эти нормы «по своей природе являются стимулирующими, так как они побужда-



ют граждан к правомерному поведению» [13, с. 55].

Таким образом, из указанного выше следует ряд выводов.

Известно, что в понятие преступления входят несколько признаков, позволяющих на их основе отграничить его от тех деяний, о которых говорится в гл. 8 УК РФ. Посредством исследования каждого из признаков, составляющих преступное деяние, учеными в уголовно-правовой доктрине выделяются соответствующие определения юридической природы обстоятельств, закрепленных в гл. 8 УК РФ, определяемой на основе исключения того или иного признака деяния преступного. В этой связи, определяя уголовно-правовую природу рискованных действий, не имеющих преступных целей, отметим следующее.

Исключение при обоснованном риске вины рискующего, по нашему мнению, не представляется обоснованным, так как у данного лица отсутствует умысел, направленный на причинение вреда.

Признак общественной опасности, свидетельствующий о наличии угрозы причинения вреда или непосредственного его причинения, в силу требований положений ст. 41 УК РФ также не показывает уголовно-правовую природу рискованных действий. Однако квалификация причиненного вреда как последствия действий, связанных с риском, предполагает учет и анализ наличия соблюдения условий правомерности, в частности, включающих также и проверку соблюдения рискующим предписания о принятии достаточных мер предотвращения вреда. Хотя и название данных мер спорно, но необходимость в подобном рода мерах предосторожности однозначно указана в законе.

Уголовным законодательством запрещены действия, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда социальным благам, на что прямо указано в понятии преступления ст. 14 УК. Следовательно, исходя из запрещенности деяния или его незапрещенности уголовным законом определять уголовно-правовую природу рискованных действий также полагаем не представляется возмож-

ным, так как данные действия и определенного размера вред при соответствующих условиях допускается нормами уголовного законодательства.

В отношении указываемых учеными-правоведами признаков наказуемости и уголовной ответственности в рассматриваемом нами аспекте приведем следующий вывод. Из анализа признака наказуемости деяния в рамках исследуемой темы следует вывод, что наличие данного признака является, во-первых, следствием квалификации причиненного вреда, свидетельствующего о совершении лицом преступного деяния. Во-вторых, наказуемость деяния при указанных в гл. 8 УК РФ обстоятельствах исключена быть не может по той причине, что некоторые из регламентированных уголовным законом обстоятельств являются, согласно ст. 61 УК РФ, обстоятельствами, смягчающими наказание при условии нарушения условий, определяющих правомерность причинения вреда.

По нашему мнению, указание законодателем в названии главы 8 УК РФ на то, что данные обстоятельства исключают именно преступность деяния, представляется более приемлемым по следующим причинам. Во-первых, известно, что уголовным законом определяется преступность деяния и как следствие его наказуемость, т.е. дифференцирующее значение в определении деяния как преступления или не являющегося таковым отводится именно данному признаку как универсальному. Во-вторых, исключение в деянии именно признака преступности обусловлено рядом субъективных и объективных факторов, свидетельствующих о социально положительной направленности действий, в том числе и связанных с риском.

На основании указанного следует вывод о том, что уголовно-правовая природа обоснованного риска как одного из обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ, заключается в исключении преступности деяния, констатирующего таким образом наличие при определенных условиях правомерного действия, регламентированного уголовным законом.



---

---

### Библиографический список

1. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая : учебник / под ред. Л. В. Иногумовой-Хегай. – М., 2019. – 224 с.
2. Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций / под ред. О.С. Капинус ; рук. авт. кол. К. В. Ображиев. – М., 2016. – 484 с.
3. Актуальные проблемы Общей части уголовного права : учебник / отв. ред. И.А. Подройкина, И.А. Фаргиев. – М., 2019. – 544 с.
4. Бабурин, В.В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Бабурин. – Омск, 2009. – 39 с.
5. Блинников, В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Блинников. – Нижний Новгород, 2002. – 403 с.
6. Большая юридическая энциклопедия: самое полное современное издание : более 2000 юридических терминов и понятий / В.В. Аванесян [и др.]. – М., 2007. – 686 с.
7. Дагель, П.С. Обстоятельства, исключающие виновность субъекта и влияющие на форму вины / П.С. Дагель // Советская юстиция. – 1973. – № 3. – С. 14-16.
8. Дурманов, Н.Д. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность и противоправность деяния / Н.Д. Дурманов. – М., 1961. – 256 с.
9. Калугин, В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве / В.В. Калугин. – Ставрополь, 2001. – 80 с.
10. Максимов, С.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / С.В. Максимов // Уголовное право. Части Общая. Часть Особенная : учебник / под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. – М., 1999. – 784 с.
11. Пионтковский, А.А. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса / А.А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1972. – № 4. – С. 37-38.
12. Слуцкий, И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И.И. Слуцкий. – Л., 1956. – 118 с.
13. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин [и др.]. – Красноярск, 2020. – 72 с.



**Серимжан Тулеуович ДОСУМОВ,**

докторант Кыргызско-Российского Славянского  
университета имени первого Президента России  
Б.Н. Ельцина (г. Астана),  
кандидат юридических наук

[dosumov@bk.ru](mailto:dosumov@bk.ru)

**ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ВИДЫ НОРМ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА**

**THE CONCEPT, STRUCTURE AND TYPES OF ELECTORAL LAW NORMS**

В статье отмечается, что правовые нормы, с одной стороны, имеют единство в плане своего предназначения и места в системе регулирования общественных отношений, с другой стороны, регулируя различные отношения, они обладают отличительными признаками, свойствами, обеспечивающими выполнение их специфических функций. Такое сочетание общего и частного делает возможным объединение правовых норм в группы, в том числе конституционных и, в частности, избирательных.

The article notes that legal norms, on the one hand, have unity in terms of their purpose and place in the system of regulating social relations, and on the other hand, regulating a variety of relations, they also have distinctive features, properties that ensure the fulfillment of their specific functions. The combination of the general and the special makes it possible to combine legal norms into groups, including constitutional and electoral ones in particular.

**Ключевые слова:** избирательное право, избирательные нормы, классификация норм, выборы, избиратели, голосование.

**Keywords:** *electoral law, electoral norms, classification of norms, elections, voters, voting.*

**И**збирательные нормы могут быть дифференцированы на общие и конкретные нормы исходя из функции механизма правового регулирования.

Стандарты общего содержания устанавливают основные принципы, категории, которые применяются ко всем выборным учреждениям. Это, во-первых, общие положения главы I Конституционного закона Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. «О выборах в Республике Казахстан», а также Конституционного закона Республики Казахстан от 2 ноября 1995 г. «О республиканском референдуме».

Эти нормы устанавливают рамки нормативных актов: основные понятия, принципы осуществления субъективных и пассивных избирательных прав граждан Республики Казахстан, их избирательные свободы и правовые ограничения; законные права иностранных граждан и лиц без гражданства; полномочия международных организаций, участвующих в мониторинге выборов, а также в качестве наблюдателей; принципы назначения и проведения выборов; рассматривают мандат компетентных органов, определенные правила и положения, регулирующие как само избирательное законодательство, так и отсылочные



нормы отраслей права, взаимосвязанные с избирательным законодательством, порядок расчета сроков назначения выборов и правовую основу для использования автоматизированных информационных систем.

Изложение юридических материалов в этих нормах характеризуется определенными особенностями. Учитывая, что они носят преференциальный характер и что другие конкретные правила должны быть совместимы с ними, законодатель пытается закрепить основные принципы избирательной системы.

Например, основные принципы, закрепляющие право граждан избирать Президента, депутатов Меджлиса Парламента и маслихатов, изложены в общих нормах (статья 3) первой главы Конституции Республики Казахстан «О выборах Республики Казахстан», а акты предвыборной агитации и самой избирательной кампании, определяются специальными правилами 5 главы, закрепленными в статьях 27-32 данного закона.

Правовая база избирательной отрасли права основывается на правилах определенных норм и принципах, заложенных в общих правилах. В этом плане законодатель наделен компетенцией повышать правовой статус избирательных институтов, закреплять основные принципы общими нормами, обеспечивая тем самым гарантированную правовую защиту и стабильность механизма правовых институтов избирательной системы.

Рассматривая избирательные процессуальные нормы, можно определить, что они непосредственно устанавливают права и обязанности, условия их реализации, регулирование уставных и функциональных характеристик юридических лиц и т.д. Они определяют определенные права, обязанности или запреты на определенные действия.

Например, согласно статье 53 Конституции Республики Казахстан «О выборах Республики Казахстан» выборы Президента республики объявляются не позднее второго воскресенья сентября Мажилисом Парламента, поскольку определенные нормы могут включать не только запрет на проведение определенных действий, но также правила, основанные на диспозициях, а не на императиве.

Разнообразие правовых норм характеризуется принадлежностью отрасли, характеристиками пространства, времени, рамками поведения людей, а также характером нормативных актов, их назначением и их влиянием на поведение человека [1; 6].

Специфические особенности избирательных норм лежат в основе общетеоретического обсуждения классификации правовых норм и основы, на которой они регулируются. По словам А.Б. Венгерова, эта классификация основана на модульной и социологической структуре верховенства права [2, с. 34].

Основываясь на классификации правовых норм, А.В. Мицкевич предлагает, например, использовать группировку норм по их функциональной принадлежности в механизме правового регулирования [5, с. 85]. В другой работе он предлагает рассматривать таксономические критерии: 1) по типу общественных отношений; 2) по методу в механизме правового регулирования; 3) по степени иерархии предписаний; 4) другие критерии, определяющие группы типов норм: по форме представления позиции или степени определенности.

Другие исследователи [напр.: 7] придерживаются несколько иного подхода к этому вопросу, выделяя четыре основания для классификации правовых норм, при этом обращают внимание на следующие факторы:

- по расположению в иерархии, то есть по объекту норм в системе правовых норм;
- по предмету правового регулирования, где рассматривается специфика правовых отношений, направленных на регулирование определенных правовых норм;
- по методам правового регулирования, то есть методам, с помощью которых определенные нормы регулируют отношения;
- по характеру и степени воздействия.

Эта классификация общепризнана в теории права, в ней просматривается преемственность в развитии научных взглядов на классификацию правовых норм в целом и избирательных норм в частности.

Как уже упоминалось, для норм избирательного права, составляющих подотрасль конституционного права, с учетом приведенной выше классификации мы выделяем



первую группу норм по предмету правового регулирования, которая представляет собой совокупность основных избирательных норм, устанавливающих принципы, общие положения избирательного права, совокупность норм, обеспечивающих внедрение системы организационных, информационных и процедурных мер по реализации и защите субъективного права граждан на голосование.

В то же время, как описано в литературе, гарантийные нормы не могут быть идентифицированы в чистом виде как использующие регулирующие или охранительные правовые нормы. Они занимают самостоятельное место в механизме правового регулирования избирательных правоотношений. Значительное, на наш взгляд, исследование развития этих норм провели А.В. Зиновьев, И.С. Поляшова [3, с. 293].

Вторая группа состоит из норм, гарантирующих основные права граждан в отношении их регистрации на выборах, составления списков избирателей, формирования избирательных округов и избирательных территориальных участков.

Третья группа норм устанавливает основные принципы функционирования избирательного процесса, правовой статус и структуру избирательных комиссий, процедуры формирования, принципы организации комиссий, принципы прозрачности в ее деятельности, компетенцию членов комиссии и соответствующие меры юридической ответственности.

Четвертая группа норм касается применения гарантий граждан при выдвижении кандидатов на выборные должности и регулирует сбор избирательных подписей в поддержку выдвигаемого кандидата, а также механизм регистрации лиц, участвующих в выборном процессе, и установления их компетенции.

Правовые нормы, составляющие пятую группу избирательных норм, важны для обеспечения права на получение и распространение информации о выборах, установления принципов информирования избирателей, проведения избирательных кампаний, публикации опросов, участия СМИ в избирательных кампаниях, регулирования условий

выборов, общих положений и правовых ограничений на их реализацию.

Шестая группа состоит из норм, связанных с организацией и проведением голосования, подсчетом голосов, определением результатов выборов и обеспечением права граждан публично знакомиться с итогами голосования.

Седьмую группу составляют правила, регулирующие процедуру судебного обжалования нарушенных избирательных прав граждан. В них изложены принципы и основания отмены, аннулирования регистрации кандидатов, списка кандидатов, отмены решений избирательных комиссий и результатов голосования в целом, определяются процессуальные сроки рассмотрения поданных жалоб и заявлений кандидатов и избирателей, рассматривается юридическая ответственность за нарушения норм избирательного законодательства.

В восьмую группу норм включены заключительные и переходные положения, которые закреплены в различных нормативно-правовых документах. Эту группу норм не следует недооценивать, поскольку именно нормы этой группы устанавливают условия для вступления в силу нормативных актов, утраты юридической силы, определяют важные переходные положения о порядке применения определенных статей, координации выборов, правил, регулирующие применение нормативных актов, гарантии определенных категорий физических и юридических лиц, конкретные условия участия отдельных субъектов в выборах, избирательные правоотношения и т.д.

Например, в соответствии с пунктом 6 статьи 1 Указа Президента Республики Казахстан от 11 ноября 1996 г. № 3205 «Об утверждении Положения о Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан» Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан в пределах своей компетенции имеет право принимать решения по вопросам, касающимся единого конституционного закона Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан», являющиеся обязательными для исполнения всеми орга-



нами исполнительной власти. В соответствии с п. 16-1 Положения о Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан Комиссия обязана соблюдать избирательное законодательство Республики Казахстан и принимать меры по обеспечению соблюдения избирательного законодательства Республики Казахстан.

Конечно, эти нормы также определяют компетенцию органов государственной власти, участвующих в организации избирательного процесса.

Однако есть и негативные примеры реализации отдельных избирательных норм.

Проблема эксплуатации автоматизированной информационной системы «Сайлау» в Республике Казахстан оказалась прозаичной. Депутат Сената Парламента Республики Казахстан З. Батталова в обращении, адресованном Генеральному прокурору Республики Казахстан и Председателю Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, говорит: «В казахстанских СМИ появилось открытое письмо заместителя директора Федерального научно-производственного центра Московского радиотехнического института Российской академии наук Б.А. Макарова, адресованное Президенту Н.А. Назарбаеву, в котором автор указывает на незаконное использование интеллектуальной собственности, разработанной сотрудниками различных институтов Российской академии наук на территории нашей страны. В частности, на выборах в парламент Республики Казахстан в 2004 году в рамках внедрения автоматизированной информационной системы «Сайлау» был использован ряд социально безопасных, юридически значимых и прозрачных технологий гарантированного тайного голосования, авторское право и патенты которые принадлежат Б.А. Макарову...»<sup>1</sup>.

К сожалению, в большинстве учебников и учебных пособий по избирательному праву отсутствует раздел, посвященный анализу избирательных норм и особенностям их изложения, в том числе в основных публикациях Центризбиркома. На эти важнейшие

проблемы обращено внимание в первую очередь в работах казахских ученых А.Абдылайұлы, Ж.О. Кульжабаевой, Л.Х. Мотобаевой, А.С. Тукиева, К.Жандыбаева, Л.П. Волгиной, а также российских – Ю.А. Дмитриева, В.Б. Израеляна. Стоит отметить, что в материалах этих авторов, за исключением анализа Ю.А. Дмитриева, В.Б. Израеляна, избирательное законодательство рассматривается в информационном аспекте. На самом деле это гораздо более сложная проблема, чем может показаться на первый взгляд.

Мы согласны с мнением отдельных авторов, что более оправданно рассматривать правовые нормы через сочетание общего и специального или, как ранее предлагали Б.Н. Чичерин [8, с. 311] – путем выражения объективно обусловленных мер и форм свободы и Н.М. Коркунов [4] – посредством целеполагания, действующего правила достижения той или иной конкретной цели.

Изучение социальных норм связано с анализом социальных отношений, активности индивида как формы социального существования, личностного подхода к пониманию права как такового. Таким образом, принимая во внимание детали взаимоотношений субъекта в обществе, необходимо учитывать соответствующие социальные нормы: моральные, этические и эстетические нормы, религиозные, политические, обычаи, традиции, общественные институты и т.д. и отличать их от правовых норм.

Важнейшими чертами правовых норм являются общеобязательность (установление границ возможных и целесообразных действий субъектов правоотношений), формальная определенность, установление и одобрение самим государством, при этом они возникают в результате создания норм самим государством или непосредственного волея народа на референдуме. Правовые нормы тем самым и отличаются от других социальных норм тем, что правила общей (абстрактной) формы действуют не в отдельных случаях, а применимы к их специфическим характеристикам и не перестают действовать при исполнении в кон-

<sup>1</sup> Кто является разработчиком и изготовителем АИС «Сайлау»: депутатский запрос Зауреш Батталовой // Интернет-газета ZonaKZ. URL: <https://zonakz.net/2005/07/04/>.



кретном случае или одноразовом исполнении, если это не оговорено особо.

Выводы. Нормы избирательного права как правовые нормы закреплены в Конституции Республики Казахстан и в избирательном законодательстве. Правовые нормы, регулирующие различные отношения, возникающие в ходе избирательного процесса, закреплены также в Трудовом кодексе, Гражданском кодексе, Кодексе об административных правонарушениях, Уголовном кодексе, Уголовно-процессуальном кодексе, Гражданском процессуальном кодексе, Налоговом кодексе и др., в ряде законов: «О полиции», «О средствах массовой информации», «О прокуратуре», «О рекламе» и т. д.

Исполнение (реализация) правовых норм осуществляется органами, принимающими решения, устанавливаются общие правила, формализуются, посредством процесса официального опубликования, защита которого осуществляется компетентными госу-

дарственными органами. Они не регулируют индивидуальные отношения, а регулируют конкретные отношения. Как уже упоминалось, они основаны не только на соблюдении норм международного права, но и на принципах международных избирательных стандартов.

Принцип унификации избирательных норм заключается в специализации в рамках регулирования избирательного права, что требует интеграции отраслевых правовых норм различного характера с целью обеспечения надлежащих условий для реализации конституционного права граждан на голосование.

Общими характеристиками правил избирательного права являются нормативность, обобщенность, общеобязательность. Его нормы выражают государственную волю и имеют разрешительный характер государственной власти.

### Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995.
2. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – М.: Омега-Л., 2017.
3. Зиновьев, А.В. Основы конституционного права России : учебно-методическое пособие / А.В. Зиновьев, И.С. Поляшова. – СПб.: Герда, 2002.
4. Коркунов, Н.М. Пропорциональные выборы : монография / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896.
5. Мишкевич, А.В. Избранное / А.В. Мишкевич; сост. и авт. предисловия Е.А. Юртаева. – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010.
6. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022.
7. Павлова, Н.Г. Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур проблемы классификации национальных правовых систем / Н.Г. Павлова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.
8. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1900.



**Людмила Викторовна МАЙОРОВА,**

доцент кафедры уголовного процесса  
и криминалистики Юридического института  
Сибирского федерального университета  
(г. Красноярск),

доцент, кандидат юридических наук

*lvmaiorova@mail.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦА,  
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО  
В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ  
С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**FEATURES OF THE PERSON'S LEGAL STATUS AGAINST WHOM  
THE CRIMINAL CASE IS SEVERED INTO A SEPARATE PROCEEDING DUE  
TO A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT CONCLUSION**

В статье рассмотрены вопросы правового статуса такого участника уголовного процесса, как лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, особенности его участия в следственных действиях и оценки его показаний. Определение правового статуса данного участника уголовного процесса основано на анализе российской и зарубежной судебной практики, а также норм законодательства.

*The paper deals with the issues of the legal status of such a participant in the criminal procedure as a person against whom the criminal case is severed into a separate proceeding due to the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him, the peculiarities of his participation in investigative actions and the evaluation of his testimony. The determination of the legal status of this participant in the criminal procedure is based on an analysis of Russian and foreign judicial practice, as well as legislative norms.*

**Ключевые слова:** выделение уголовного дела, процессуальный статус, лицо, в отношении которого выделено уголовное дело, участник уголовного судопроизводства.

**Keywords:** severance of a criminal case, procedural status, a person against whom a criminal case is severed, a participant in criminal proceedings.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, к сожалению, не всегда имеет устойчивое и структурно-логическое развитие. Внесение изменений требует координации норм и их последовательного и поступательного совершенствования.

История появления такого участника уголовного процесса, как лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное

производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, связана с несколькими постановлениями Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ). Хотя Российская Федерация после 2022 г. не участвует в деятельности Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), но в доктринальном аспекте также представляет интерес анализ его постановлений по данной теме. Можно сказать, что история появле-



ния данного участника уголовного процесса связана с решениями двух судов (КС РФ и ЕСПЧ).

В постановлении N 17-П<sup>1</sup> по жалобе гражданина Д.В. Усенко Конституционный Суд РФ в 2016 г. сформулировал правовые позиции по проблеме использования в процессе доказывания по уголовному делу показаний соучастников подсудимых, заключивших соглашение о сотрудничестве.

Конституционный Суд РФ подошел к определению процессуального статуса соучастников подсудимых, дающих свидетельские показания в рамках параллельного судебного процесса, оценке правовых оснований предоставления данной категории участников судопроизводства иммунитета от уголовного преследования за лжесвидетельство, а также возможному эффекту для такой оценки досудебного соглашения о сотрудничестве.

Можно сказать, что определенным стимулом для развития практики по данному вопросу явилось постановление ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный и Офицеров против России», на которое имеется ссылка в анализируемом постановлении Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. N 17-П.

Нарочитая назидательность выводов ЕСПЧ в этом постановлении очевидным образом спрогнозировала развитие правовых позиций Конституционного Суда РФ, который признал оспоренные положения ст. 56, 278 и гл. 40.1 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, в то же время содержащими при этом неопределенность в определении статуса и процедурах получения показаний соучастников подсудимого по выделенным уголовным делам.

В доктринальном плане представляют интерес правовые стандарты ЕСПЧ. Применительно к рассматриваемой теме следует проанализировать автономную концепцию свидетеля, сформулированную в практике

ЕСПЧ по применению ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В качестве фундаментального положения данной концепции ЕСПЧ утверждает, что, исходя из справедливости судебного разбирательства, любое физическое лицо независимо от своего формального юридического статуса по уголовному делу применительно к необходимости обеспечения гарантий состязательного судопроизводства рассматривалось в качестве свидетеля.

В п. 41 постановления ЕСПЧ от 27 февраля 2001 г. по делу «Лука против Италии» (жалоба N 33354/96) указано: «в связи с этим тот факт, что показания были даны, как в данном случае, обвиняемым, а не свидетелем, не имеет значения. Таким образом, когда показания могут являться в значительной степени основанием для приговора, тогда, независимо от того, были эти показания даны свидетелем в строгом смысле этого слова или обвиняемым, они представляют собой доказательство обвинения».

Независимо от формально-юридических или терминологических особенностей, существующих в той или иной национальной системе правового регулирования, такое лицо должно быть подвергнуто перекрестному допросу или иным процедурам, позволяющим проверить достоверность его показаний. Базируясь на данных положениях, практика ЕСПЧ начала развиваться по пути расширения содержательных аспектов в конвенционном понятии «свидетель» за счет включения в него разнообразных субъектов уголовного процесса, порой не относящихся к этому участнику уголовного судопроизводства, в различных национальных правовых системах (понятой, заявитель, опознающий, эксперт, специалист, подсудимый и т.д.)<sup>2</sup>.

Обвинительные показания соучастников в рамках концепции ЕСПЧ могут существовать для установления только события вменяемого подсудимому состава преступления, а также

1 Постановление по делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 N 17-П. Здесь и далее материалы судебной практики использованы в редакциях, находящихся в СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановления ЕСПЧ от 26.04.2007 по делу «Вожигов против России», от 04.12.2008 по делу «Трофимов против России», от 27.03.2014 по делу «Матыцина против России».



обстоятельств участия самого лица, дающего данные показания в его совершении<sup>1</sup>.

При рассмотрении данной жалобы Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что лицо, являющееся обвиняемым по выделенному уголовному делу, не может при рассмотрении судом основного уголовного дела быть также обвиняемым по делу, по которому обвиняемым является другое лицо (его соучастник), а потому не может участвовать в нем в качестве обвиняемого и, следовательно, давать показания по этому делу по правилам допроса подсудимого.

В то же время обвиняемый, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, не являясь подсудимым по основному уголовному делу, привлекается к участию в судебном заседании по этому делу для дачи показаний именно как носитель сведений об обстоятельствах, имеющих значение для его расследования и разрешения. А принятые таким лицом обязательства, вытекающие из досудебного соглашения о сотрудничестве, влекут его готовность при судебном разбирательстве по основному уголовному делу сообщить сведения, изобличающие соучастников преступления.

Исходя из этого лицо, обвиняемое по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением им досудебного соглашения о сотрудничестве, может быть допрошено по основному уголовному делу в качестве участника уголовного процесса, располагающего сведениями об обстоятельствах совершения преступления подсудимыми по основному уголовному делу и вызванного по ходатайству стороны обвинения, то есть его допрос может производиться по аналогии с процедурой получения показаний свидетелей, но с учетом указанных особенностей правового положения лица, являющегося обвиняемым по выделенному уголовному делу [1, с.8].

Таким образом, данный вопрос разрешен Конституционным Судом РФ исходя из его представлений о процессуальной роли и функциях свидетелей и подсудимых в уголовном судопроизводстве с опорой на принципы

презумпции невиновности и права подсудимого на защиту, а также с использованием концепции «фактического положения лица, нуждающегося в обеспечении соответствующего права» [6, с.7-9].

Изучив фактическое положение лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование по совпадающим эпизодам преступной деятельности, их интересы и производные от них процессуальные функции, КС РФ в постановлении от 20 июля 2016 г. N 17-П пришел к выводу о невозможности надления этих лиц ни статусом свидетеля, ни статусом подсудимого в параллельном судебном процессе. Вместе с тем признано, что допрос таких лиц должен производиться по процедуре, аналогичной процедуре допроса свидетелей, за исключением применения правил о разъяснении данным лицам уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. При этом не подвергается сомнению необходимость непосредственного, в том числе перекрестного, допроса таких свидетелей в состязательной форме судопроизводства.

Конституционный Суд РФ, учитывая необходимость обеспечения права сторон на справедливое судебное разбирательство, указал, что принципиально важным при таком подходе является не наименование участника, а регламентация процедуры его допроса и правовое значение полученных показаний. Эти позиции КС РФ распространяются на любые случаи допросов соучастников подсудимого по выделенным уголовным делам. Безусловно, усматриваются различия в подходе КС РФ и ЕСПЧ в оценке особенностей влияния на достоверность показаний соучастников преступлений заключенных с ними досудебных соглашений о сотрудничестве.

С точки зрения Конституционного Суда РФ, наличие такого соглашения создает дополнительную гарантию достоверности показаний соучастников, поскольку существует угроза применения к нему мер процессуальной ответственности. Для соучастника, дающего показания, существует возможность расторже-

<sup>1</sup> Постановления ЕСПЧ от 04.12.2014 по делу «Александр Валерьевич Казаков против России», от 24.07.2008 по делу «Владимир Романов против России», от 18.12.2014 по делу «Шолер (Scholer) против ФРГ».



ния соглашения, если им будут даны заведомо ложные показания до вынесения приговора по выделенному делу, либо отмены состоявшегося приговора и назначения ему более строгого наказания. Соглашение о сотрудничестве, с точки зрения ЕСПЧ, рассматривается как фактор, который обеспечивает большую стабильность первоначальных показаний.

В резолютивной части анализируемого постановления Конституционный Суд РФ указал на необходимость внести в УПК РФ изменения, касающиеся участия обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбирательстве по основному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним.

После рекомендаций КС РФ в УПК РФ были внесены изменения<sup>1</sup>, в результате которых в уголовном судопроизводстве появился новый участник (ст. 56.1). Этот участник именуется лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Данный участник уголовного судопроизводства привлекается к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления.

Представляет интерес анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ по проблеме использования в процессе доказывания по уголовному делу показаний соучастников подсудимых.

На обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления не распространяются требования ст. 307, 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний.

Обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу предупреждается о предусмотренных гл. 40.1 УПК РФ последствиях нарушения при даче показаний обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от судебного следствия каких-либо существенных сведений.

Данное законодательное изменение породило множество дискуссий как со стороны ученых-процессуалистов, так и со стороны правоприменителей.

Процессуальное положение лица, привлекаемого к участию в производстве следственных действий по уголовному делу, в отношении соучастников преступления явно неоднозначно и проблематично.

Поскольку данный участник в нашем законодательстве появился сравнительно недавно, целесообразно сравнить нормативное регулирование этого института в других правовых системах.

Так, в Германии доктринально сформулировано, что сообвиняемый, так же как и сам обвиняемый, не может выступать в качестве свидетеля по делу, где он проходит в качестве обвиняемого.

Однако спорным является момент: может ли сообвиняемый по делу превратиться в свидетеля, если дело в отношении его было выделено в отдельное производство или изначально его дело рассматривалось в отдельном производстве.

В немецкой судебной практике и в научной литературе существует мнение о формальном определении сообвиняемого. Это зависит только от того, появляется ли сообвиняемый в том же самом процессе.

До тех пор, пока уголовные процессы находятся в связи друг с другом (§ 2, 3, 237 УПК ФРГ), допрос сообвиняемого в качестве свидетеля всегда будет недопустимым. Од-

<sup>1</sup> О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.10.2018 N 376-ФЗ.



нако это препятствие для появления нового свидетеля отпадает с разъединением дел в уголовном процессе.

Есть в Германии и другая дифференциация, которую предлагает судебная практика в случае временного выделения уголовных дел в суде, когда сообвиняемый на время превратился в свидетеля.

Поскольку сообвиняемый, которого обвинили раньше, и так называемый «временный свидетель» причастны к обстоятельствам, не находящимся в связи с инкриминируемым ему деянием, то в таком случае допрос будет допустимым.

В совместно совершенных преступлениях сообвиняемый может не допрашиваться, даже несмотря на выделение уголовных дел в разные производства, поскольку в данном случае он выступал бы в качестве свидетеля в своем же процессе.

Другая немецкая доктринальная позиция предусматривает материальный способ рассмотрения и предлагает обращаться с каждым подозреваемым в процессуальном смысле без ссылки на его формальное положение в процессе в качестве обвиняемого. Поэтому он не может выступать в качестве свидетеля.

Можно согласиться с теми авторами, которые считают, что позиция судебной практики не может быть убедительной, если на усмотрение органов уголовного преследования передано решение о том, какие права принадлежат заинтересованному лицу. Однако указывается, что материальное определение обвиняемого является несовместимым с § 55, 60 УПК ФРГ, исходящими из существования свидетеля, который подозревается в совершении или совместном совершении преступления, без того чтобы одновременно не превратиться в обвиняемого. Сообвиняемый может быть допрошен в качестве свидетеля, если в отношении его завершен процесс (особенно при вынесении приговора или окончательном прекращении процесса), поскольку он уже потерял статус субъекта, требующего повышенной защиты своих прав [3, с.118-119].

В российской доктрине и судебной практике сохраняются разные позиции о правовом статусе лица, обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением им досудебного соглашения о сотрудничестве [2, с. 11; 4, с. 11; 5, с. 21; 7, с. 4; 8, с. 15].

Но позиция Конституционного Суда РФ остается неизменной, и в своих решениях он формулирует, что лицо, указанное в ст. 56.1 УПК РФ, наделяется правами, предусмотренными ч. 4 ст. 56 УПК РФ, то есть правами свидетеля, с изъятиями, предусмотренными этой статьей (ч. 2). А вызов и допрос лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, осуществляются в порядке, установленном ст. 187-190 УПК РФ (ч. 4). Вместе с тем КС РФ всегда подчеркивает, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ (ч. 7).

В своих решениях, в том числе последних<sup>1</sup>, КС РФ указывает, что данная норма (ст. 56.1 УПК РФ) действует в системной взаимосвязи с другими положениями УПК РФ, в частности со ст. 87 и 88. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК РФ).

Несмотря на последовательную позицию КС РФ, появление в российском уголовном судопроизводстве столь неоднозначной фигуры продолжает вызывать вопросы, начиная с отсутствия надлежащего учета системности уголовно-процессуального права (помещение ст. 56.1 в гл. 8 УПК РФ) и проблем, возникающих с возможностью использования показа-

<sup>1</sup> Определения Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 N 1348-О, от 24.02.2022 N 270-О.



ний данного участника, полученных от него еще в статусе подозреваемого или обвиняемого, то есть до заключения соглашения.

Полагаем, что разнообразие судебной практики и доктринальных позиций вызывает необходимость принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда

РФ с последующей детализацией в уголовно-процессуальном законодательстве правового статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

### Библиографический список

1. Азаренок, Н.В. Эволюция уголовно-процессуального доказывания виновности лица по «основному» уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (к 10-летию введения в действие гл. 40.1 УПК РФ) / Н.В. Азаренок // Уголовное право. – 2019. – N 4.
2. Белоусова, И.В. Каков статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство? / И.В. Белоусова // Российский следователь. – 2022. – N 8
3. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ : учебник для студентов юридических факультетов / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной ; под ред. Л.В. Майоровой. – 6-е изд., с доп. и изм. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2004.
4. Бояринцев, А.А. «Заинтересованный» свидетель – особенности правового положения / А.А. Бояринцев // Законность. – 2022. – N 10.
5. Головкин, Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы / Л.В. Головкин // Закон. – 2019. – N 4.
6. Осипов, А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подследственных: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты / А.Л. Осипов // Адвокат. – 2016. – N 9.
7. Чурилов, С.Н. О некоторых вопросах института досудебного соглашения о сотрудничестве / С.Н. Чурилов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – N 6.
8. Шадрин, В.С. Особенности получения, оценки и использования показаний лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника преступления / В.С. Шадрин, Б.Б. Булатов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – N 2.



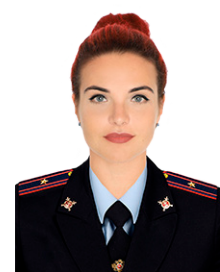
**Марина Александровна  
ГАЛИМОВА,**

начальник научно-исследовательского  
и редакционно-издательского отдела  
Сибирского юридического института  
МВД России (г. Красноярск),  
кандидат юридических наук, доцент  
[marina\\_bestujeva@mail.ru](mailto:marina_bestujeva@mail.ru)



**Олег Хамитович  
ГАЛИМОВ,**

заведующий кафедрой уголовного  
права и процесса Сибирского  
института бизнеса, управления  
и психологии; доцент кафедры уго-  
ловного процесса и криминалистики  
Юридического института Сибирского  
федерального университета; доцент  
кафедры судебных экспертиз  
Сибирской пожарно-спасательной  
академии ГПС МЧС России  
(г. Красноярск),  
судья Красноярского краевого суда в  
почетной отставке,  
кандидат юридических наук, доцент  
[galimov\\_oleg@mail.ru](mailto:galimov_oleg@mail.ru)



**Алина Олеговна  
ГАЛИМОВА,**

преподаватель кафедры уголовного  
права, криминологии и уголовно-ис-  
полнительного права Калининград-  
ского филиала Санкт-Петербург-  
ского университета МВД России,  
кандидат юридических наук  
[ao\\_astakhova@mail.ru](mailto:ao_astakhova@mail.ru)

## СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА РОССИИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

### FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA: THE HISTORY OF ESTABLISHMENT

Статья посвящена периоду создания Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направлениям реформирования уголовного судопроизводства, имевшим место в то время. Авторы обращают внимание, что первоначальная редакция УПК РФ практически не действовала, так как еще до вступления в действие в нее были внесены изменения; отмечают, что за двадцатилетний период действия УПК РФ содержание ряда его процессуальных институтов было кардинально изменено; выделяют три основных направления развития уголовно-процессуального законодательства России того периода. Авторы приходят к выводу, что современный уголовно-процессуальный закон нуждается в определенной корректировке; внесение концептуальных изменений в УПК РФ необходимо предварять широким обсуждением в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя разработанных предложений.

*The article is devoted to the period of creation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to the directions of reforming of criminal proceedings that took place at that time. The authors draw attention to the fact that the original version of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation practically did not work, since even before it came into effect, some changes have been made to it; authors note that during the twenty-year period of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the content of a number of its procedural institutions was radically changed; authors highlight three main directions of development of the criminal procedure legislation of Russia*



*of that period. The authors conclude that the modern criminal procedure law needs a certain adjustment; the introduction of conceptual changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation must be preceded by a broad discussion in the scientific community and among the law enforcement officers, followed by bringing the developed proposals to the legislator.*

**Ключевые слова:** уголовно-процессуальный закон, проект уголовно-процессуального кодекса, реформа уголовного судопроизводства, редакция УПК РФ, Межведомственная рабочая группа.

**Keywords:** criminal procedure law, draft of the Code of Criminal Procedure, reformation of criminal proceedings, revision of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Interdepartmental Working Group.

**В** декабре 2022 года российский уголовно-процессуальный закон достиг возраста «полного гражданского совершеннолетия» – именно 21 год назад был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ). За исключением отдельных положений он был введен в действие с 1 июля 2002 г.<sup>1</sup> Однако первоначальная редакция УПК РФ практически не действовала, так как еще до вступления в действие в нее были внесены изменения, вступающие в силу со дня их официального опубликования<sup>2</sup>.

В течение срока действия УПК РФ в него были внесены изменения и дополнения, которые порой кардинально меняли его содержание. Только федеральных законов, изменяющих текст кодекса (по состоянию на 31 декабря 2022 г., самые свежие новации – четыре федеральных закона от 29 декабря 2022 г.), было принято 309. Кроме того, решений (постановлений) Конституционного Суда РФ, корректирующих уголовно-процессуальный закон – 37. Иными словами, уголовно-процессуальное законодательство сегодня является одним из наиболее динамично меняющихся российских законов. Абсолютным лидером в этом направлении, конечно же, является Кодекс Российской Федерации об административных правона-

рушениях (Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ), который содержит нормы как материального, так и процессуального права, – более 800 федеральных законов было принято за тот же период действия. Но такая активность определяется спецификой регулируемых отношений.

Не слишком отстает в динамике от УПК РФ и уголовный закон – приняты 317 нормативных актов (306 федеральных законов и 11 постановлений Конституционного Суда РФ), актуализирующих его текст. Но мы помним, что УК РФ немного «старше» (Федеральный закон от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ). Кроме того, в определенных случаях изменения, вносимые в уголовный и уголовно-процессуальный законы, взаимосвязаны. Так, криминализация деяния (включение его в число уголовно наказуемых и установление соответствующей статьи в УК РФ) в обязательном порядке влечет корректировку статьи 151 и (или) статьи 150 УПК РФ. За рассматриваемый период были внесены около 100 таких изменений.

Среди процессуалистов поддерживается точка зрения о том, что изменения, вносимые в уголовно-процессуальный закон, часто носят фрагментарный и бессистемный характер, подчас лишены логичности и последовательности (А.М. Баранов, А.Р. Белкин, Б.Я. Гаврилов, Л.В. Головкин и др.). Бессистемное внесение поправок в УПК РФ

1 О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 N 177-ФЗ // Российская газета. 2001. N 249. 22 декабря.

2 О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.05.2002 N 58-ФЗ // Российская газета. 2002. N 98. 1 июня.



искажает его внутреннюю логику, смысл норм и институтов, иногда прямо отражает узковедомственные интересы, а в целом подрывает стабильность законодательства и уважительное отношение к закону; имеет место «гиперактивное законотворчество со всеми отсюда вытекающими отрицательными последствиями» [1, с. 67-71]. Вносимые изменения разбалансировали уголовно-процессуальное законодательство, создали острые проблемы в правоприменении (Л.Н. Масленникова) [5, с. 335]. С этим трудно не согласиться. За период действия УПК РФ ежегодно принимались от 5 (2005 г.) до 35 (2014 г.) нормативных актов, изменяющих его содержание. Федеральный закон от 29 мая 2002 г. N 58-ФЗ (содержит 76 пунктов) внес изменения в УПК РФ еще до вступления его в действие.

Интересно отметить, что за более чем 40-летний период действия УПК РСФСР были приняты 107 документов (81 законодательный акт и 26 решений Конституционного Суда РФ), корректирующих уголовно-процессуальный закон. При этом лишь треть изменяющих документов (32) были приняты в течение 30 лет его действия (до 1990 г.), остальные (75) – в период с 1990 по 2002 годы.

В связи с этим представляется интересным проследить генезис уголовно-процессуального закона, определить ключевые и поворотные моменты его становления. Безусловно, эта задача имеет долгосрочную перспективу. И начать, как представляется логичным, следует с исторического аспекта.

Изменения, произошедшие в государственной, общественной и экономической жизни в конце прошлого века в России, послужили толчком для кардинального реформирования уголовной и уголовно-процессуальной политики в целях обеспечения баланса законных интересов личности, общества и государства.

Стратегическое направление развития уголовного судопроизводства было определено Концепцией судебной реформы, принятой постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1. В числе основных задач Концепции определе-

ны в том числе осуществление правосудия и уголовного преследования в соответствии с собственным материальным и процессуальным правом, защита и неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроизводстве, закрепление в нормах уголовного процесса демократических принципов организации и деятельности правоохранительных органов, положений, отвечающих рекомендациям юридической науки.

Применительно к уголовному процессу можно выделить три основных вектора развития реформ закона.

Первый – «доконституционный». В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века под воздействием норм международного права и стремления законодателя приблизиться к демократическим стандартам уголовного судопроизводства были кардинально реформированы ключевые процессуальные институты, в частности институт защиты. По уголовно-процессуальному законодательству того периода вплоть до 1989 г. защитник допускался к участию в деле только с момента ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Закон РФ от 23 мая 1992 г. N 2825-1 допустил защитника к подозреваемому с момента задержания (либо применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу – с момента объявления соответствующего постановления), к обвиняемому – с момента предъявления обвинения. Более того, этим же законом были заложены основы судебного контроля досудебного производства: несмотря на то что заключение под стражу по-прежнему осуществлялось с согласия (санкции) прокурора, было установлено право лица, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, обжаловать в суд законность и обоснованность такого решения.

Законом РФ от 16 июля 1993 г. N 5451-1 в России был возрожден институт присяжных заседателей. Суд присяжных в качестве правового эксперимента действовал с 1 ноября 1993 г. в Ставропольском крае, Ивановской, Московской, Рязанской и Саратовской областях, с 1 января 1994 г. – в Алтайском



и Краснодарском краях, Ульяновской и Ростовской областях<sup>1</sup>.

После принятия Конституции РФ и существенного обновления законодательства (Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Уголовный кодекс РФ и др.) реформирование уголовно-процессуальных институтов продолжилось достаточно активно. Так, в связи с появлением в уголовном законе новых оснований освобождения от уголовной ответственности в УПК РСФСР были закреплены новые основания прекращения уголовного дела – в связи с изменением обстановки, в связи с примирением сторон и в связи с деятельным раскаянием.

Как указывалось выше, в УПК РСФСР в целом за 1990-е гг. (10 лет) было внесено в два раза больше изменений, чем за предшествующие 30 лет. Такая статистика позволяет утверждать, что к 2000 г. в России действовал не советский, а постсоветский вариант уголовно-процессуального закона.

Второй вектор – «конституционный». Принятие Конституции РФ 1993 г. обусловило активную деятельность Конституционного Суда РФ относительно детальной ревизии действующего уголовно-процессуального закона на предмет конституционности его положений. За период с 1995 г. по 2000 г. были приняты свыше 20 постановлений, признавших его нормы неконституционными. Так, были реализованы конституционные основы принципа свободы обжалования – заинтересованные участники уголовного процесса получили право судебного обжалования не только решения о заключении под стражу, но также ряд других решений по досудебному производству – об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, о продлении срока предварительного расследования, о производстве обыска, о наложении ареста на имущество (постановле-

ния Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. N13-П, от 29 апреля 1998 г. N13-П, от 23 марта 1999 г. N 5-П).

Постановлением Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. N 19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» была признана неконституционной ст. 418 УПК РСФСР, наделяющая судью полномочиями возбуждать уголовное дело; излагать в постановлении о возбуждении уголовного дела формулировку обвинения. Указанная статья и глава 34 УПК РСФСР в целом являлись правовой основой института досудебной подготовки материалов по уголовному делу, представляющей собой упрощенную форму производства в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности и совершенных, как правило, в условиях очевидности, которая достаточно эффективно применялась на практике. Несмотря на разъяснения Конституционного Суда РФ о том, что признание ст. 418 УПК РСФСР неконституционной не должно препятствовать применению такого института в целом исходя из того, что решение о возбуждении уголовного дела и формулировка выдвигаемого против лица обвинения содержится в утвержденном начальником органа дознания и санкционированном прокурором протоколе (определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 1997 г. N 88-О), рассматриваемый институт по мотивам его реакционности не нашел применения в УПК РФ. Законодатель вернулся к аналогичному институту (в видоизмененной форме) спустя почти полтора десятка лет<sup>2</sup>.

Было ограничено действие института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование – постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. N 4-П определен запрет судам в ак-

1 О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судебной системе РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РФ и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» постановление Верховного Совета РФ от 16.07.1993 N 5451/1-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 33, ст. 1314.

2 О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. N 9, ст. 875.



тивной форме (по собственной инициативе) возвращать уголовные дела на дополнительное расследование на основании неполноты дознания и предварительного следствия или в связи с необходимостью предъявления более тяжкого обвинения (либо существенно отличающегося от первоначального).

В научной литературе, по меткому выражению В.П. Божьева, произведенные решениями Конституционного Суда РФ преобразования отечественного уголовного процесса того времени назывались «тихой революцией» [2, с. 10].

Здесь интересно отметить, что принятая в 1993 г. Конституция РФ является одной из самых процессуальных конституций в мире. По мнению Н.Г. Стойко, «наше уголовно-процессуальное право может быть названо прикладным конституционным с неменьшим основанием, нежели, например, германское» [12, с. 415-417]. С момента принятия Конституции РФ напрямую регулировала (и регулирует) уголовно-процессуальные отношения. Такой отраслевой характер ее норм в определенной мере обусловлен особенностями переходного периода нашего государства в момент принятия Конституции РФ: «конституционный уровень регулирования требует большей степени обобщенности, приближенности к общеправовым идеям, конкретный механизм воплощения в жизнь которых должен находиться на уровне уголовно-процессуального закона» [12, с. 415-420].

Вопросы непосредственного применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия были разъяснены на уровне Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 31 октября 1995 г. N 8). В частности, внимание судов обращено на то, что при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия. К ним, в частности, Пленум отнес случаи:

– когда закрепленные нормой Конституции РФ положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не

содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина;

– когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции РФ, противоречит ей;

– когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с ее соответствующими положениями.

По истечении времени отдельные разъяснения указанного постановления Пленума ВС РФ утратили актуальность и были отменены (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. N 9). Но и с принятием УПК РФ Конституция РФ не утратила процессуального значения, отдельные ее нормы по-прежнему непосредственно регламентируют уголовно-процессуальные отношения – например, статьи 19, 49, 51 и другие Конституции РФ.

Третий вектор реформирования уголовно-процессуального законодательства – «кодификационный». Активно велась работа по подготовке нового уголовно-процессуального закона. На правотворческой «арене» обозначились две основные силы, которые предлагали, соответственно, два варианта развития российского уголовного процесса.

Сторонники первого варианта (условно назовем их «западниками») предлагали практически полную замену традиционной отечественной модели на состязательное уголовное судопроизводство в формате англо-американских образцов.

Сторонники второго варианта (условно назовем их «отечественниками») рассматривали в качестве пути реформирования модернизацию советского уголовного процесса для приведения его в соответствие с современными требованиями, но с сохранением всей континентальной «смешанной» инфраструктуры [8].

Сторонники второго направления, в свою очередь, разделялись на тех, кто считал, что для модернизации требуется новый УПК, и тех, кто полагал допустимым совершенствование УПК 1960 г., который адекватен с тех



нической точки зрения и в случае внесения в него изменений, соответствующих новым постсоветским реалиям, будет способен регулировать обновленные правоотношения. В качестве примера, в частности, приводился УПК Германии 1877 г., действующий, невзирая на все произошедшие в этой стране смены политических режимов<sup>1</sup>.

Исходя из дуализма подходов к реформированию были созданы две рабочие группы по разработке проекта УПК РФ. Первая (в составе преимущественно «западников») действовала при Государственно-правовом управлении Администрации Президента РФ, вторая (состоящая в основном из «отечественников») – при Министерстве юстиции РФ. Результатом их правотворческой деятельности стали два альтернативных проекта УПК РФ: проект УПК (только общей части) ГПУ Президента РФ выражал более радикальные идеи перехода к почти «чистой» состязательности<sup>2</sup>, проект УПК Минюста России (полный) являлся более умеренным и в значительной степени отражал историческое наследие отечественного уголовного судопроизводства<sup>3</sup>.

Наибольшую поддержку и одобрение получил проект УПК Минюста, который в 1995 г. принят к рассмотрению Государственной Думой, после чего работу над ним продолжила уже единая рабочая группа при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ.

Подготовленный проект УПК, выдержанный в духе преемственности и умеренной модернизации УПК РСФСР, был принят Государственной Думой в первом чтении 6 июня 1997 г. К 1 июля 1999 г. «его подготовка к рассмотрению во втором чтении была завершена, и только принципиальные разногласия между ведомствами по вопросу подследственности уголовных дел помешали его принятию» [10, с. 5].

На дальнейшую судьбу уголовно-процессуального закона оказало влияние изменение

политической расстановки сил в России. В 1999 г. главой рабочей группы по подготовке проекта УПК РФ становится Е.Б. Мизулина. При подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению, учитывая, что в рабочую группу входили и «отечественники», и «западники», среди авторов обозначились принципиальные идеологические расхождения по вопросу развития российского уголовного процесса. В связи с этим по инициативе Е.Б. Мизулиной в ноябре 2000 г. была создана «малая рабочая группа», куда вошли только «западники» – сторонники перехода к полностью состязательному процессу. Одновременно Указом Президента РФ от 28 ноября 2000 г. была создана рабочая группа по вопросам совершенствования законодательства о судебной системе во главе с Д.Н. Козаком. Обе рабочие группы (парламентская и президентская) работали в тесной координации и не имели между собой принципиальных разногласий [4, с. 3-5].

Следует акцентировать внимание, что резкое изменение курса подготовки проекта УПК РФ совпало с возрастанием интереса к проекту со стороны американских дипломатических и экспертных кругов, работавших в непосредственном контакте с малой группой Е.Б. Мизулиной. Так, по итогам проведенного при поддержке Американской ассоциации юристов круглого стола в сентябре 2000 г. был «выработан ряд рекомендаций, адресованных Комитету по законодательству, значительно облегчивших впоследствии организацию работы над новым УПК» [10, с. 7]. В качестве примера реализации таких рекомендаций можно привести норму, явно заимствованную из процессуального законодательства США (ч. 6 ст. 234 УПК РФ в редакции 2001 г.), о невозможности удовлетворения заявленного стороной защиты в ходе судебного разбирательства ходатайства о вызове следователя для установления алиби подсудимого, если данное ходатайство заяв-

1 Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ по своей сути является имперским процессуальным кодексом, принятым 1 февраля 1877 г. и вступившим в силу 1 октября 1879 г. Он действовал во времена различных политических режимов: Германской империи, Веймарской республики, Третьего Рейха, а также разделения Германии на ФРГ и ГДР (на территории ФРГ) вплоть до настоящего времени.

2 Российская юстиция. 1994. N 9.

3 Российская юстиция. 1994. N 11.



лялось на предварительном следствии и было отклонено. Однако эта норма была исключена из уголовно-процессуального закона еще до его вступления в действие (Федеральный закон от 29 мая 2002 N58-ФЗ).

Как отмечает Л.В. Головкин, окончательный вариант проекта УПК являлся проводником уже совершенно иной уголовно-процессуальной идеологии, ориентированной не столько на континентальные, сколько на англосаксонские ценности. Он отражал очевидные попытки впервые в истории создать в России полностью состязательный уголовный процесс, что, в частности, выразилось в отказе от принципа материальной истины, провозглашении состязательным не только судебного разбирательства, но и предварительного расследования, причислении дознавателя, следователя, прокурора к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения и многих других положениях [4, с. 7].

С учетом всех отмеченных факторов после создания рабочих групп Е.Б. Мизулиной и Д.Н. Козака дальнейшее продвижение кардинально измененного проекта УПК прошло практически молниеносно. Уже 22 ноября 2001 г. он был принят Государственной Думой в третьем чтении, 5 декабря 2001 г. одобрен Советом Федерации, а 18 декабря 2001 г. подписан Президентом РФ; 1 июля 2002 г. УПК РФ вступил в силу.

По мнению исследователей, «Уголовно-процессуальный кодекс в основном соответствует европейским стандартам. Вместе с тем ни одно государство в Европе не имеет уголовно-процессуального законодательства, абсолютно отвечающего европейским стандартам. Возьмите любую страну: Францию, Германию, Италию и т.д.» [9, с. 58].

Как точно отметил В.В. Николюк, хвалить новый Уголовно-процессуальный кодекс не за что, а ругать бессмысленно!

По справедливому утверждению ученых, с принятием УПК РФ реформа уголовного судопроизводства не была завершена, она перешла на стадию реализации предписаний уголовно-процессуального закона. При этом очевидно, что «если сам процесс принятия

нового УПК растянулся на целое десятилетие, то еще более длительным будет процесс переосмысления правовых ценностей, изменение отношения к суду, к иным участникам уголовного процесса, по которому предстоит пройти гражданскому обществу» [11, с. 16].

После принятия УПК РФ и введения его в действие в рамках проекта «Мониторинг введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была создана Межведомственная группа. Организаторами проекта являлись Комитет по законодательству Государственной Думы Федерального собрания РФ и Администрация Президента РФ. Руководителем проекта и Межведомственной группы вновь стала Е.Б. Мизулина. Целью проекта являлось обеспечение исполнения Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ»; основными задачами: создание оптимальных условий для введения в действие УПК РФ, своевременное выявление и предотвращение нарушений федерального закона о введении в действие УПК РФ, выработка практических рекомендаций для последующего применения УПК РФ, разъяснение положений нового УПК РФ.

Не обошла вниманием Межведомственная группа по мониторингу УПК РФ и Сибирский регион – осенью 2002 г. на базе Сибирского юридического института МВД России в рамках научно-практической конференции состоялась встреча членов Межведомственной группы с представителями следственных и судебных органов со всего региона (Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва). Структурно конференция проходила в два этапа – первый, где члены Межведомственной группы разъясняли правоприменителю основные достоинства нового УПК РФ, второй – вопросы Межведомственной группе со стороны представителей следственных и судебных органов.

В рамках первого этапа Е.Б. Мизулиной были отмечены достоинства УПК РФ, в том числе:

– из задач уголовного судопроизводства исключена борьба с преступностью, теперь к задачам отнесена только защита прав;



- с принятием УПК РФ должно вырасти число оправдательных приговоров;
- суд перестал играть активную роль, судья осваивает роль посредника между сторонами;
- в России повсеместно будут действовать суды с участием присяжных заседателей;
- возбуждение уголовного дела с санкции прокурора уменьшит число «заказных дел»;
- наличие установленных бланков процессуальных документов и др.

В рамках этапа «вопрос – ответ» наибольший интерес вызвала проблема фактической реализации на практике введенного института возбуждения уголовного дела (с согласия прокурора), особенно в труднодоступных местах региона, где не всегда (на тот момент) сотрудникам следствия и дознания не только лично к прокурору прийти нет возможности, но даже отсутствует телефонная связь. Как говорится: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Реалии российской действительности, в том числе географические, не были учтены при введении новых демократических институтов. Ответ на этот самый животрепещущий вопрос поступил в интересной форме: «Пройдет полгода и правоприменитель найдет пути решения этой проблемы».

Не давая критической оценки вышеперечисленным «достоинствам» УПК РФ, авторы настоящей статьи обращают внимание на два момента.

Во-первых, исключение из числа задач уголовного судопроизводства борьбы с преступностью. Следует согласиться с Н.А. Колоколовым, считающим такое достижение весьма сомнительным: «Как, например, из числа задач уголовного судопроизводства можно исключить борьбу с преступностью, свести деятельность системы правоохраны только к защите неких прав. Преступность – негативное социальное явление, которому противостоят все силы общества, государство, в том числе его правоохранительные и судебные органы, которые в процессе функционирования как раз и призваны защитить интересы общества в целом, конкретных участников процесса в частности» [6, с. 1-5; 7, с. 27-38].

Второй касается возбуждения уголовного дела с санкции прокурора. Действие в течение пяти лет данного положения оказало негативное влияние на деятельность следователя, дознавателя по своевременному возбуждению уголовного дела и ограничивало возможности по собиранию доказательств в целях раскрытия преступления по горячим следам [3]. Федеральным закон от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ в числе других изменений были исключены полномочия прокурора по согласованию постановления должностного лица органа предварительного расследования или органа дознания о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, изложенное позволяет сделать следующие выводы: стратегическое направление развития российского уголовного судопроизводства было определено Концепцией судебной реформы. Применительно к уголовному процессу реформы осуществлялись в трех плоскостях: доконституционной, конституционной и кодификационной. При подготовке проекта УПК РФ определились два варианта развития отечественного уголовного судопроизводства со своими сторонниками и противниками. Первый вариант предусматривал кардинальное изменение российской модели уголовного процесса и переход к модели состязательной. Второй вариант основывался на историческом процессуальном наследии, предусматривал сохранение традиционной для России смешанной формы процесса и характерной для нее инфраструктуры. В силу причин как объективного, так и субъективного характера законодательное закрепление получил проект УПК РФ, предусматривающий кардинальную смену идеологии уголовного судопроизводства. Однако многие рецептированные институты нового уголовно-процессуального закона оказались нежизнеспособны в условиях и реалиях России; отдельные действующие положения УПК РФ до настоящего времени остаются дискуссионными, вызывают проблемы в ходе их применения и нуждаются в доработке.

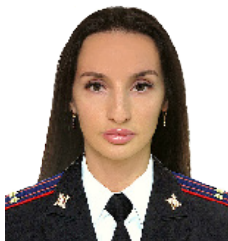


---

---

### Библиографический список

1. Белоносов, В.О. Об уголовно-процессуальном законодательстве в современных условиях / В.О. Белоносов // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – N 4. – С. 67-71.
2. Божьев, В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – N 10. – С. 9-11.
3. Гаврилов, Б.Я. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка эффективности и меры по его совершенствованию / Б.Я. Гаврилов // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – N 4(56). – С. 753-765.
4. Головкин, Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания» / Л.В. Головкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – N 6. – С. 3-5.
5. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2022.
6. Колоколов, Н.А. Уголовно-процессуальный закон: феномен, который каждый толкует по-своему / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2021. – N 3. – С. 27-38.
7. Колоколов, Н.А. УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2007. – N 1. – С. 1-5.
8. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. – 2-е изд., испр. – М., 2017.
9. Лаптев, П.А. УПК РФ с точки зрения европейских стандартов. Из выступления на парламентских слушаниях 5 декабря 2006 г. / П.А. Лаптев // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / отв. ред. А.Е. Лебедев, Е.Б. Мизулина. – М., 2007. – С. 58-61.
10. Мизулина, Е.Б. Как создавался УПК / Е.Б. Мизулина // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская, Г.В. Дашков. – М., 2002. – С. 4-8.
11. Плигин, В.Н. Вступительная статья / В.Н. Плигин // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / отв. ред. Е.Б. Мизулина, В.Н. Плигин. – М., 2006.
12. Стойко, Н.Г. Конституции и Европейская конвенция по правам человека как источники национального уголовно-процессуального права стран Европейского союза и России / Н.Г. Стойко // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – Т. 12. – N 3. – С. 410-437.



**Елена Валерьевна КИРИЛЮК,**

старший преподаватель кафедры  
криминалистики  
Учебно-научного комплекса  
по предварительному следствию в ОВД  
Волгоградской академии МВД России  
*adioop-vamvd@mail.ru*

## ИДЕОЛОГИЯ НЕОНАЦИСТСКОЙ ГРУППИРОВКИ «МАНЬЯКИ: КУЛЬТ УБИЙСТВА» В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

### IDEOLOGY OF THE NEO-NAZI GROUP «MANIACS: CULT OF MURDER» IN TEENS ENVIRONMENT: TOPICAL REAL FACTS AND WAYS OF COUNTERACTION

В рамках статьи автор анализирует практику распространения идеологии неонацистской группировки «Маньяки: культ убийства» в современном российском обществе. Выделен ряд особенностей, оказывающих влияние на распространение идеологии экстремистской группировки «Маньяки: культ убийства» в подростковой среде. На основе проведенного анализа предложены направления противодействия идеологии экстремистским проявлениям среди несовершеннолетних и молодежи.

In the frame of the article the author analyses the practice related to spreading ideology of the neo-Nazi group «Maniacs: cult of murder» in the modern Russian society. The author also identifies a number of features which influence spreading the ideology of the extremist group «Maniacs: the cult of murder» in the teens environment. Based on the conducted analysis the author proposes the ways to counteract the ideology of the extremist trends both among minors and youth.

**Ключевые слова:** экстремизм, терроризм, террористическая угроза, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму, профилактика экстремизма, экстремистская группировка, преступность несовершеннолетних, неонацизм, неонацистская террористическая организация, неонацистская группировка «Маньяки: культ убийства», сторонники украинского неонацистского сообщества «Маньяки: культ убийства», радикальное сообщество, молодежный неонацизм, национальная безопасность.

**Keywords:** *extremism, terrorism, terrorist threat, extremist activity, counteracting extremism, prevention of extremism, extremist group, juvenile delinquency, neo-Nazism, neo-Nazi terrorist organization, neo-Nazi group «Maniacs: cult of murder», supporters of the Ukrainian neo-Nazi community «Maniacs: cult of murder», radical community, youth neo-Nazism, national security.*

**В** Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400, отмечено, что усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений приводят к разрушению традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод чело-

века, дестабилизируют внутривнутриполитическую и социальную обстановку в стране. Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и вербовку российских граждан, создание собственных тайных ячеек на территории России, вовлечение российской молодежи в незаконную деятельность



[1, с. 157].

Весомый вклад в разработку отдельных вопросов, связанных с противодействием экстремизму и терроризму, внесли такие видные специалисты, как П.В. Агапов, Н.Н. Афанасьев, И.И. Бикеев, С.И. Бушмин, С.У. Дикаев, С.В. Дьяков, А.Г. Никитин, В.В. Устинов и многие другие.

Теоретические исследования и анализ практической деятельности органов государственной власти довольно убедительно доказывают, что в нынешних условиях преступления экстремистской направленности являются одними из наиболее сложных проблем современного российского общества.

Сегодня в России уровень преступности экстремистской направленности является довольно высоким. Так, по статистике Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2019 г. на территории нашего государства были зарегистрированы 585 преступлений экстремистской направленности<sup>1</sup>, в 2020 г. – 833, в 2021 г. – 1057, в 2022 г. – 1566<sup>2</sup>. Приведенные статистические данные указывают на то, что меры, принимаемые правоохранительными органами и иными заинтересованными субъектами по данному направлению, очевидно, недостаточно эффективны.

«Нестандартность» современного российского экстремизма и терроризма, его криминальная природа находят выражение и в особенности контингента лиц, совершающих данные преступления. Массовая экстремизация лиц, не достигших совершеннолетия, на современном этапе способствует неукоснительному развитию экстремизма в России. Повышенную опасность в современном обществе представляет собой процесс вовлечения подростков в противоправные деяния – преступления и антиобщественные действия экстремистской направленности. Президент

В.В. Путин на расширенном заседании коллегии подчеркнул, что «серьезный сигнал, требующий всестороннего анализа, – это рост преступлений, связанных с экстремизмом. В 2021 году их число увеличилось более чем на четверть. Вооруженные нападения в учебных заведениях, вовлечение несовершеннолетних в экстремистские акции – все эти факты (а они, к сожалению, не единичны) говорят о том, что работа органов внутренних дел, в том числе в сфере профилактики, должна строиться эффективнее».

В числе стратегических национальных интересов страны, а также стратегических национальных приоритетов названо обеспечение государственной и общественной безопасности путем активизации работы правоохранительных органов по разработке и выполнению широкого спектра мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи [2, с. 220].

За годы противодействия экстремистским и террористическим угрозам в нашей стране сформировалась достаточно обширная нормативно-правовая база, которая так или иначе позволяет бороться с этими явлениями как внутри государства, так и на международном уровне.

Следует отметить, что документы стратегического характера ориентированы на широкий круг задач: от необходимости интенсивного развития системы противодействия экстремизму до совершенствования законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в области противодействия экстремизму. В число нормативных правовых актов входят Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противо-

1 При этом, как совершенно справедливо указывают Ю.В. Леонтьева и О.А. Овчинко, «необходимо иметь в виду, что снижение показателей преступлений экстремистской направленности в 2019 г. обусловлено не массовым перевоспитанием экстремистов, приведшим к сокращению преступной деятельности, а внесением изменений в основную «экстремистскую» ст. 282 УК РФ – введением в нее административной преюдиции и, соответственно, «переходом» части деяний, фиксируемых ранее как преступление, в разряд административных правонарушений – ст. 20.3.1 КоАП РФ» [4, с. 134].

2 Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019-2022 гг. / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». М., 2019. С. 7; М., 2020. С. 7; М., 2021. С. 6; М., 2022. С. 6.



действии терроризму», приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 12 июля 2011 г. N 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности» и др. Перечень и содержание этих документов свидетельствуют о формировании и реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Распространение современной идеологии экстремистских проявлений в подростковой среде на сегодняшний день становится все более опасным социальным явлением в обществе. В выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России, состоявшемся 17 февраля 2022 года, Президент В.В. Путин отметил: «Важнейшим приоритетом в деятельности органов внутренних дел является консолидация усилий органов власти, всех субъектов системы профилактики по созданию единой государственной системы непрерывного социального сопровождения подростков, склонных к правонарушениям, своевременная оценка рисков возможных экстремистских проявлений и выработка на этой основе эффективных превентивных мер».

Нельзя не отметить, что нынешние несовершеннолетние довольно быстро осваивают новые для их возраста преступления, в том числе и экстремистской направленности. В сегодняшних условиях угроза экстремизма и терроризма не только не теряет актуальности, но и приобретает новые черты. На современном этапе в России на националистической и религиозной почве, а также на основе фэндом<sup>1</sup> сформировались и активно действуют многочисленные молодежные социальные группы. Одной из характерных отличительных черт молодежной субкультуры является проявление ее участниками крайности самоопределения либо ярко выраженный протест.

Одной из крайних форм проявления деструктивного поведения, наносящих серьезный урон российскому обществу, является

распространение среди лиц, не достигших совершеннолетия, радикальных идей украинской неонацистской группировки «Маньяки: культ убийства» (далее – «МКУ»). Адептами украинского молодежного радикального сообщества «МКУ» на территории Российской Федерации совершено значительное количество тяжких и особо тяжких преступлений<sup>2</sup>.

Радикальная группировка «МКУ» строит свою деятельность на пропаганде идеологии неонацизма и массовых убийств. Изначально ее участники были сосредоточены на призывах ненависти к людям других национальностей, к лицам, ведущим антисоциальный образ жизни (бездомные, алкозависимые, лица, употребляющие наркотические вещества), но позже стали призывать сторонников к массовым беспорядкам и нападению на представителей правоохранительных органов. Сегодняшней целью неонацистской группировки «МКУ» являются вовлечение российской молодежи в экстремистскую деятельность, распространение неонацистской идеологии и дестабилизация деятельности органов государственной власти Российской Федерации.

Впервые на территории нашего государства было заявлено о наличии этой организации после задержания группы сторонников украинского молодежного радикального сообщества «МКУ» представителями органов государственной власти в феврале 2021 г.

Деятельность экстремистских организаций и группировок, в том числе деятельность группировки «МКУ», продолжает оставаться серьезным фактором дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Расширяется география и наблюдается стабильный рост преступлений, совершенных неонацистской группировкой «МКУ». Так, с февраля 2021 г. по май 2022 г. представителями органов государственной власти в ходе масштабных спецопераций были проведены неоднократные задержания членов группировки «МКУ» в разных регионах на-

1 Фэндом (от англ. fandom – фанатство) – это сообщество поклонников. Ярким примером могут служить фанаты панк-рока, готы и футбольные фанаты.

2 Достоверно известно об 11 убийствах, совершенных участниками группировки «МКУ» в период с августа 2019 г. по настоящее время на территории Московской и Ленинградской областей. В производстве СУ СК России находятся около 10 дел по статье «Убийство». URL: [https://zavtra.ru/events/v\\_rossii\\_nakrili\\_gruppi\\_islamistskih\\_boevikov\\_i\\_proukrainskih\\_natcistov\\_\(kuriruemih\\_sbu\)\(дата обращения 30.05.2022\)](https://zavtra.ru/events/v_rossii_nakrili_gruppi_islamistskih_boevikov_i_proukrainskih_natcistov_(kuriruemih_sbu)(дата обращения 30.05.2022)).



шей страны. Ранее сообщалось о фактах задержания сторонников «МКУ» в Воронеже, Геленджике, Ярославле, Иркутске, Краснодаре, Саратове, Тамбове, Москве и в ряде других регионов Российской Федерации. В качестве примера может служить уголовное дело, возбужденное следственным комитетом по Краснодарскому краю по ч. 1 ст. 282.1 УК РФ (организация экстремистского сообщества) и ч. 2 ст. 282.1 УК РФ (участие в экстремистском сообществе) в отношении ее участников в возрасте от 16 до 30 лет.

Группировка «МКУ» была организована в 2019 г., лидером и идеологом этого экстремистского движения является ранее судимый за совершение тяжких и особо тяжких преступлений житель Украины<sup>1</sup>.

Хотелось бы подчеркнуть, что лица, призывающие к экстремистской деятельности, часто неуравновешенны, легко впадают в острые нервные состояния, у них зачастую возникают дефекты психического развития [7, с. 21]. По данным правоохранительных органов, в связанных с деятельностью «МКУ» telegram-каналах лидер группировки объяснял своим подписчикам, что к насилию его подтолкнули детские травмы, в содеянном не раскаивался, а наоборот, говорил, что нападения кажутся ему веселыми. Результаты соответствующих исследований подтверждают факты осуществления через telegram-каналы участниками неонацистской группировки «МКУ», по указаниям лидера, пропаганды идеологии массовых убийств, подготовки терактов на объектах транспортной инфраструктуры, вовлечения в радикальное сообщество «МКУ» новых членов на территории Российской Федерации.

Развитие современных технологий дало возможность экстремистским организациям, в том числе и группировке «МКУ», более эффективно координировать свою преступную деятельность на территории сразу нескольких государств. Автор разделяет точку зрения профессора А.Л. Осипенко, который

полагает, что экстремистские организации активно используют ресурсы сети Интернет для совершения преступлений, а также удаленной, обезличенной и трансграничной координации своих действий [5, с. 15].

Анализ материалов уголовных дел, возбужденных в отношении представителей группировки «МКУ», показывает, что в качестве идеологической основы неонацисты используют как печатные материалы, так и магнитные и иные носители информации националистического толка. Так, в качестве положительного примера можно привести успешные действия российских правоохранительных органов по пресечению деятельности группы «МКУ», сотрудники которых при обысках задержанных лиц, принадлежащих к неонацистской группировке, обнаружили и изъяли: экстремистские материалы, инструкции по изготовлению взрывных устройств, огнестрельное оружие и боеприпасы, нож, топор, средства маскировки и другие предметы, имеющие отношение к уголовному делу.

Часто члены экстремистских групп записывают видеобращения и фотографии своих противоправных действий в виртуальном пространстве, впоследствии размещая их на своих сайтах, каналах, личных страницах и сообществах в Интернете [3, с. 189]. Автор статьи на просторах сети Интернет подобные записи были обнаружены в свободном доступе и у участников группировки «МКУ».

Анализ показывает, что интернет-сайты активно используются экстремистскими группировками для пропаганды своей деятельности, ее оправдания, вербовки новых членов и сбора пожертвований в свою пользу.

Сегодня проблема противодействия молодежному экстремизму становится общенациональной задачей, включая различные аспекты ее реализации. Один из них – противодействие экстремистским преступлениям среди несовершеннолетних. Важность проблемы противодействия экстремизму сегодня отмечают все государственные чиновники,

<sup>1</sup> В статье умышленно не упоминается имени лидера группировки «МКУ» во избежание популяризации данного идеолога. Автор придерживается такого подхода, поскольку считает, что, говоря о конкретных личностях – создателях радикального сообщества, даже в научных целях, мы формируем и романтизируем их образ и культ, что является недопустимым.



в том числе и Президент Российской Федерации. Противодействие экстремистским проявлениям именно в подростковой и молодежной среде, в том числе в радикально настроенных молодежных объединениях, – важная задача органов внутренних дел. Существующая в России общегосударственная система противодействия террористическим и экстремистским проявлениям, ядром которой являются органы внутренних дел, основана на осуществлении комплекса мер по противодействию рассматриваемым негативным явлениям в обществе [6, с. 21].

Как представляется автору, для повышения эффективности противодействия экстремистским преступлениям среди несовершеннолетних на современном этапе следует:

– активизировать силами представителей структурных подразделений органов внутренних дел инициативный информационный поиск лиц и преступных молодежных организаций, причастных к экстремистской деятельности;

– более квалифицированно и точно осуществлять анализ деятельности преступных молодежных формирований экстремистской направленности, их учет, выявлять их местонахождение и потенциальные возможности;

– сформировать профессиональное кадровое ядро в сфере противодействия экстремистским проявлениям и совершенствовать их мастерство путем получения новых знаний о национальных, религиозных и идеологических особенностях противоборствующей стороны;

– осуществлять мероприятия по сбору и анализу информации о лидерах радикальных националистических движений, в отношении которых имеются любые материалы, свидетельствующие (косвенно или прямо) об их участии в преступных молодежных формированиях экстремистской деятельности;

– изучить и обобщить практику подразделений внутренних дел, опыт служб и подразделений других федеральных органов исполнительной власти и зарубежных стран в области противодействия экстремизму и организации профессиональной подготовки;

– выявлять причины и условия, способствующие возникновению терроризма, путем устранения и нейтрализации выявленных факторов;

– выявлять организации, общественные объединения, группы лиц и отдельных граждан, вынашивающих идеи терроризма;

– уделять внимание изучению таких аспектов, как активность и качество региональных СМИ, размещающих новостной контент в сети Интернет, объективность представляемой информации;

– отслеживать сетевую активность несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних за совершение групповых хулиганских действий, актов вандализма, за нанесение побоев и иного вреда лицам по мотиву расовой, религиозной, национальной или иной вражды или ненависти;

– проводить совместно с теологами (священнослужителями) занятия по воспитанию толерантности среди несовершеннолетних в образовательных организациях (школах, колледжах, техникумах, училищах);

– информировать несовершеннолетних о современных фабулах преступлений экстремистской направленности, целями проведения таких занятий должны быть формирование внутренней позиции убеждения в бесчеловечности, аморальности действий экстремистской направленности, приобретение знаний о противоправности определенных действий и мерах наказания за их совершение. Ярким примером проведения подобных занятий является инициативная работа сотрудников ОУУП и ПДН Управления МВД России по г. Волгограду в марте-апреле 2022 г. Они осуществляли беседы по профилактике экстремизма и терроризма, а также по разъяснению уголовной ответственности за совершение групповых преступлений с учащимися учебных заведений г. Волгограда;

– планировать и осуществлять при участии иных субъектов системы профилактики рейды в целях установления экстремистских групп, их лидеров и участников, а также готовящихся правонарушений. Важность



проведения данной работы подтверждается следующим примером: 28 марта 2022 г. инспекторами ОП N 4 Управления МВД России по г. Волгограду выявлена несовершеннолетняя М., учащаяся 11 класса, которая совершила административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 20.3.3 КоАП РФ, – публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, сопровождающиеся призывами к проведению несанкционированных публичных мероприятий. По данному факту в отношении несовершеннолетней М. составлен административный протокол, впоследствии она поставлена на профилактический учет в ОДН ОУУП и ПДН ОП N 4 Управления МВД России по г. Волгограду<sup>1</sup>;

– проверять места продажи печатной продукции для выявления продукции экстремистской направленности.

С точки зрения автора, изложенные задачи не являются исчерпывающими, могут быть дополнены иными общими и частными задачами и, естественно, не могут и не должны заменять уже традиционные задачи, они лишь удачно дополняют имеющиеся в арсенале.

Следует отметить, что профилактика преступности несовершеннолетних всегда ставилась в нашей стране на первое место в системе всей правоохранительной деятельности, направленной на обеспечение контроля над преступностью. В современных условиях важнейшими условиями эффективного противодействия этой угрозе становятся современное оснащение и слаженная работа всех служб и подразделений органов внутренних дел и других федеральных органов исполнительной власти.

<sup>1</sup> Комплексный анализ преступности и основных результатов оперативно-служебной деятельности органов и подразделений ГУ МВД России по Волгоградской области за январь-апрель 2022 года. С. 40.

### Библиографический список

1. Власов, А.В. К вопросу о запрещенных в России современных террористических организациях / А.В. Власов // Вестник Международного юридического института. – 2017. – N 1(60). – С. 157-162.
2. Ермакова, Е.С. Понятие и причины экстремизма среди молодежи / Е.С. Ермакова // Молодой ученый. – 2017. – N 51(185). – С. 220-222.
3. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества как угроза социализации современной молодежи / Ю.Р. Тагильцева, И.В. Воробьева, О.В. Кружкова [и др.] // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, N 1. – С. 189-218.
4. Леонтьева, Ю.В. Экстремизм в России: цифры и размышления / Ю.В. Леонтьева, О.А. Овчинко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 3(40). – С. 133-140.
5. Осипенко, А.Л. Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения / А.Л. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – N 2. – С. 13-19.
6. Савченко, И.А. Молодежный экстремизм в г. Москве: Опыт социологического исследования / И.А. Савченко // Социодинамика. – 2018. – N 4. – С. 21-28.
7. Сюткин, О.В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности / О.В. Сюткин // Новый юридический вестник. – 2020. – N 3 (17). – С. 21-23.



**Владимир Александрович КЛОЧКОВ,**

старший следователь отдела следственной части  
Главного следственного управления Главного  
управления МВД России по Красноярскому краю  
(г. Красноярск)

*vklochkov1@mail.ru*

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА  
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ  
С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД**

**ENSURING COMPENSATION FOR DAMAGE AS THE MAIN CHALLENGE IN  
THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE ACTIVITIES  
OF FINANCIAL PYRAMIDS**

В статье анализируются последствия преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, в части причинения ущерба потерпевшим. Рассматриваются меры, которые необходимо принять следователям в целях возмещения ущерба, а также проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел данной категории. Автором предлагается использование принципа компромисса как одного из основных способов, направленных на возмещение ущерба.

The consequences of crimes related to the activities of financial pyramids, in terms of causing damage to victims are analyzed in the article. The measures that investigators are to take in order to compensate for the damage, as well as challenges encountered in investigating criminal cases of this category, are considered. The author proposes to use the principle of compromise as one of the main ways of damage compensation.

**Ключевые слова:** финансовая пирамида, расследование преступлений, возмещение ущерба, компромиссные процедуры, криминалистическая методика, наложение ареста на имущество, тактические решения.

**Keywords:** *pyramid scheme, investigation of crimes, compensation for damage, compromise procedures, forensic methodology, seizure of assets, tactical decisions.*

**П**ри формировании и совершенствовании методики расследования отдельных видов преступлений, безусловно, должен рассматриваться аспект деятельности органов предварительного расследования, направленный на обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступными действиями. Особенно актуален этот вопрос при расследовании преступлений, связанных

с деятельностью финансовых пирамид. Обусловлено это в первую очередь размером причиненного ущерба, во-вторых, значительным числом потерпевших по данной категории уголовных дел.

А.В. Пахаев и М.С. Гордиенко справедливо отмечают, что после ликвидации пирамиды потерпевшим удастся вернуть всего около 10-15% от собранной к моменту кра-



ха финансовой пирамиды суммы денежных средств [4, с. 151].

Следует отметить, что финансовая пирамида осуществляет свою деятельность в несколько этапов. Уголовные дела по данной категории преступлений возбуждаются, как правило, на заключительном этапе деятельности финансовой пирамиды. Вызвано это тем, что потерпевшие крайне редко обращаются в полицию с заявлением о преступлении на начальном этапе деятельности финансовой пирамиды, так как преступники злоупотребляют их доверием.

При расследовании преступлений анализируемой категории вопрос о возмещении причиненного ущерба стоит остро. Большинство граждан обращаются в правоохранительные органы в надежде, что похищенные денежные средства будут возвращены. Это, в свою очередь, побуждает следователей на производство следственных и процессуальных действий, направленных на обеспечение причиненного ущерба (обыск, выемка, наложение ареста на имущество и т.д.).

Рассматривая данную тему, согласимся с мнением С.А. Шутько, акцентирующей внимание на следующей проблеме: «В момент возбуждения уголовного дела лицо, совершившее преступление, уже заранее знает, что его могут привлечь к уголовной ответственности. Поэтому, не желая расставаться с нажитым имуществом, а также возмещать причиненный материальный ущерб, подозреваемый за время проведения проверки сообщения о преступлении принимает все меры к сокрытию имущества, за счет которого может быть возмещен материальный ущерб» [6, с. 270].

Это обстоятельство особенно характерно для преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид. Обусловлено это тем, что данные преступления совершаются лицами, имеющими знания и опыт в области финансового права и юридической отрасли.

Проведенный анализ судебно-следственной практики позволяет сделать вывод о том,

что в ходе предварительного следствия в целях возмещения ущерба следователями часто налагается арест на имущество обвиняемых (организаторов и участников финансовых пирамид).

Так, Автозаводским районным судом г. Тольятти вынесен приговор в отношении Т. по ч. 2 ст. 172.2 УК РФ с взысканием с последнего и еще пяти лиц денежных средств на сумму более 150 млн рублей, арестованных в ходе предварительного следствия, в целях возмещения ущерба 1093 потерпевшим<sup>1</sup>. Приведем еще наглядный пример: Набережночелнинским городским судом вынесен приговор в отношении А. по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Ущерб от преступления составил 19 млн рублей. В ходе расследования был наложен арест на имущество обвиняемой, а именно автомобиль марки «Ford», 1/3 долю квартиры, 1/3 доли комнаты<sup>2</sup>.

Однако следует констатировать, что наложение ареста на большинство имущества обвиняемых, как правило, является недостаточным для возмещения ущерба даже наполовину.

В ходе исследования судебно-следственной практики по данной категории уголовных дел установлено, что по значительной части преступлений не накладывался арест на банковские счета обвиняемых, не производился обыск в жилище в целях изъятия наличных денежных средств, ценных бумаг, драгоценностей и иного имущества обвиняемых.

Возможно, причины, по которым не проводились данные мероприятия, являются вполне объективными. Так, довольно распространена практика вывода обвиняемыми похищенных денежных средств в оффшоры.

Следует отметить, что преступления, совершенные по принципу финансовых пирамид, отличаются от иных имущественных преступлений тем, что похищенные на первоначальном этапе денежные средства могут передаваться первым участникам финансовой

1 Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 04.12.2019 N 1-1. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/14a15cM1Ywmu> (дата обращения: 17.01.2023).

2 Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 09.08.2017 N 1-117/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T6AVn2W5RHVs> (дата обращения: 17.01.2023).



пирамиды. Исходя из этого, объектом внимания следственных органов должны становиться в том числе участники финансовых пирамид, получившие имущественную выгоду.

Так, в ходе следственных действий по уголовному делу, возбужденному следственной частью ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю в отношении организаторов финансовой пирамиды «Finiko», установлены 11 лиц, проживающих на территории Красноярского края. Они занимались привлечением новых участников и получали прибыль от преступной деятельности<sup>1</sup>. С целью установления имущества, принадлежащего данным лицам, и дальнейшего наложения ареста следователями направлялись запросы в Федеральную налоговую службу Российской Федерации, ГИБДД МВД России, Кадастровую палату. Безусловно, данные действия являются необходимыми для обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением, но, думается, не являются исчерпывающими, так как участников финансовых пирамид значительно больше, в том числе получивших значительную прибыль.

В ходе предварительного расследования потерпевшие должны оказывать помощь в изблечении лиц, которые привлекали их для участия. Анализ практики совершенных преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, позволяет сделать вывод, что чаще всего лицами, привлекающими новых инвесторов, являются близкие родственники или друзья. В ходе расследования потерпевшими могут создаваться конфликтные ситуации с целью сокрытия фактов получения прибыли от участия в финансовых пирамидах их родственниками и друзьями. Такие ситуации должны учитываться и пресекаться следователями в ходе допроса с помощью применения тактических приемов, например эмоционального воздействия.

Как видится, дальнейшее установление данных лиц позволит воссоздать механизм преступной деятельности и выстроить логическую цепочку, которая может привести к

первым инвесторам, получившим значительную прибыль.

Тем не менее представляется, что такие тактические решения не всегда эффективны ввиду того, что определенная часть участников финансовых пирамид вступили в нее, например, после просмотра «агрессивной» рекламы и, соответственно, не привлечены третьими лицами.

Помимо вышеуказанного способа установления первоначальных инвесторов возможно по электронным документам, изъятым у организаторов, определить движение денежных средств по счетам финансовой пирамиды. Документы, позволяющие установить лиц, получивших прибыль от преступной деятельности, могут быть получены при проведении тактической операции, направленной на одновременные обыски в помещениях финансовой пирамиды или ее участников.

Однако дивиденды могут выплачиваться участникам пирамиды с использованием криптовалют, что влечет значительные сложности по установлению следователями получателей и сумм перечисленных средств. Расследование деятельности финансовых пирамид, привлекающих клиентов через сеть Интернет, весьма осложняется. Для того чтобы установить организаторов и их местонахождение, необходимо проводить оперативно-розыскные и оперативно-технические мероприятия [7]. При установлении данных лиц необходимо установить их имущество, преступный доход для последующего наложения ареста.

Следует согласиться с мнением Т.Р. Калимуллина, который классифицирует участников финансовых пирамид на три группы. В одну из них входят лица, которые понимают, что вкладываются в пирамиду, и надеются получить прибыль [3, с. 430]. Эти люди в большинстве случаев обладают знаниями в области финансов и юриспруденции и осознают, что их имущество может быть изъято по решению суда. Поэтому некоторые из них наравне с преступниками могут пытаться

<sup>1</sup> Уголовное дело N 12101040048440535, находящееся в производстве СЧ ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю.



ся скрыть принадлежащее им имущество, что также приводит к необходимости использования тех или иных тактических решений с целью установления данного имущества и наложения на него ареста.

Ошибочно полагать, что следователь в своей деятельности по обеспечению возмещения причиненного преступлением ущерба ограничен только возможностями, предоставляемыми ст. 115 УПК РФ.

Следует рассмотреть способ добровольного возмещения ущерба обвиняемыми, основанный на принципе компромисса. В работах Ю.П. Гармаева, Е.Е. Поповой, Н.В. Полякова [1; 2; 5] говорится о возможности использования следователями принципа компромисса, который предполагает возможность взаимных уступок со стороны защиты и обвинения. Полагаем, что компромисс может обеспечить достижение цели по возмещению ущерба. Возможность использования данного принципа обусловлена рядом факторов, например желанием самого обвиняемого возместить ущерб потерпевшим.

Ряд ученых-криминалистов указывают на достаточно большое число норм, предусматривающих возможность достижения компромисса сторон обвинения и защиты, в том числе освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба [2, с. 17-18]. Представляется, что данные нормы не всегда применимы к преступлениям, связанным с деятельностью финансовых пирамид, так как рассматриваемые деяния квалифицируются преимущественно по ч. 2 ст. 172.2 и чч. 3, 4 ст. 159 УК РФ, то есть являются тяжкими преступлениями. Из этого следует, что компромиссы, влияющие на уголовно-правовые последствия, за исключением смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ, не в полной мере эффективны для достижения данной цели.

Возвращаясь к исследованию Ю.П. Гармаева, следует рассмотреть уступки процес-

суального характера [1]. Например, изменение обвиняемому меры пресечения на более мягкую. Учитывая тяжесть преступного деяния, в отношении обвиняемого чаще всего избирается самая строгая мера пресечения в виде заключения под стражу. Это обстоятельство может мотивировать преступника на положительное посткриминальное поведение, а данный компромисс может обеспечить частичное возмещение ущерба по уголовному делу. Утверждать, что данный компромисс является максимально эффективным, все же не следует. Крупные финансовые пирамиды наносят значительный ущерб потерпевшим, поэтому его возмещение хотя бы на 50% является, как правило, недостижимой целью. Так, участники финансовой пирамиды «Кеш-бери» похитили более 1 млрд рублей у нескольких тысяч потерпевших.

Тем не менее с целью обеспечения возмещения ущерба достижение компромисса между следователем и стороной защиты может иметь положительный результат, а в совокупности с наложением ареста на имущество быть достаточно эффективной мерой. Следует подчеркнуть, что необходим комплекс мер, направленных на установление участников финансовых пирамид, находящихся в профиците от такой деятельности.

В заключение отметим, что трудность в достижении цели по возмещению ущерба обусловлена не только сложностью уголовных дел, но и количеством участников финансовых пирамид, несовершенством законодательства, а также недостаточностью криминалистических рекомендаций для следователей по данной категории уголовных дел. Использование компромиссных процедур при расследовании преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, выступает одним из ключевых способов по обеспечению возмещения ущерба.



### Библиографический список

1. Гармаев, Ю.П. Компромисс как общая задача сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве // СПС «Консультант Плюс», 2003.
2. Дарханова, А.Б. Правовое просвещение участников уголовного судопроизводства по вопросам достижения компромисса сторон обвинения и защиты / А.Б. Дарханова, И.С. Краснопеев, Е.И. Попова // Уголовная юстиция. – 2019. – N 13. – С. 17-18.
3. Калимуллин, Т.Р. Финансовая пирамида: психология преступления / Т.Р. Калимуллин // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под научн. ред. В.А. Авдеева, С.В. Розенко. – Ханты-Мансийск, 2020. – С. 427-434.
4. Пахаев, А.В. Финансовые пирамиды / А.В. Пахаев, М.С. Гордиенко // Северный регион: наука, образование, культура. – 2015. – N 1. – С. 150-153.
5. Поляков, Н.В. Особенности методики расследования незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств : дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Поляков. – Красноярск, 2021. – 241 с.
6. Шутько, С.А. Наложение ареста на имущество как одна из мер обеспечения права потерпевшего на возмещение ущерба, причиненного преступлением / С.А. Шутько // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования : сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола / редкол. А.В. Булыжкин [и др.]. – Орел, 2017. – С. 268-270.
7. Яковлева, Л.В. Способы совершения и особенности расследования мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид / Л.В. Яковлева, В.В. Яковлев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – N 4(46). – С. 54-59.



УДК 343.851

DOI 10.51980/2542-1735\_2023\_1\_125



**Никита Викторович ЧЕРЁМИН,**  
преподаватель кафедры организации охраны  
и конвоирования в уголовно-исполнительной  
системе Кузбасского института ФСИН России  
(г. Новокузнецк)

*ncheremin@gmail.com*

**ПРОФИЛАКТИКА, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, ПРЕСЕЧЕНИЕ:  
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-  
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ**

**PROPHYLAXIS, PREVENTION, SUPPRESSION: GENERAL THEORETICAL,  
CRIMINOLOGICAL AND PENAL ASPECTS OF THE CORRELATION  
OF CATEGORIES**

В статье проведен анализ основных позиций ученых по толкованию и разграничению понятий «профилактика», «предупреждение», «пресечение» правонарушений. Раскрыты особенности применения терминологического ряда в различных отраслях российского законодательства. Проведено компаративистское рассмотрение соответствующих категорий. Синтезируя полученные данные, автор сформулировал собственную оригинальную позицию «пластов» противодействия правонарушениям с выделением их специфических особенностей: профилактика, предупреждение, пресечения.

The article analyzes the main positions of scientists on the interpretation and differentiation of the concepts of «prophylaxis», «prevention», «suppression» of offenses. The features of the application of the terminological series in various branches of Russian legislation are revealed. Comparative consideration of the corresponding categories has been carried out. Synthesizing the obtained data, the author formulated his own original position of the «layers» of counteraction to offenses with the allocation of their specific features: prophylaxis, prevention, suppression.

**Ключевые слова:** система противодействия правонарушениям, превенция, криминология, исправление, меры предупредительного воздействия, система профилактических мер, криминологическая безопасность.

**Keywords:** *crime counteraction system, prevention, criminology, correction, preventive measures, system of preventive measures, criminological security.*

**П**редупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами является приоритетной целью не только государства, но и уголовно-исполнительной системы – данное положение находит отражение в ч. 1. ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в которой ос-

новными целями обозначаются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года также устанавливает одной из приоритетных целей профилактику совершения преступлений.



Как можно заметить, в Уголовно-исполнительном кодексе РФ термин «профилактика» подменен понятием «предупреждение» преступлений. Скрупулезный анализ данного нормативно-правового акта показал, что термин «профилактика» употребляется в нем исключительно в медицинском аспекте (ч. 3 ст. 12, ст. 60.6 и в наименовании лечебно-профилактических учреждений). Напротив, такая дефиниция, как «предупреждение», встречается именно в смысле воспрепятствованию делинквентному поведению со стороны осужденных (ст. 83-84).

Интерпретацию термина профилактика исключительно в медицинском аспекте в Уголовно-исполнительном кодексе РФ можно связать с этимологическим происхождением рассматриваемого понятия. Так, во многих словарях можно встретить такие толкования данного определения, как оздоровление, предупреждение и устранение причин заболеваний<sup>1</sup>.

Но при этом стоит заметить, что имеются и иные толкования данного термина. Так, С.И. Ожегов под профилактикой понимает совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка<sup>2</sup>. Аналогичное понятие приводится в толковом словаре С.А. Кузнецова<sup>3</sup>.

Термин «пресечение» чаще всего используется в Уголовно-процессуальном кодексе РФ – 203 раза. В настоящее время предусмотрены семь различных мер пресечения, основной задачей которых является ограничение прав и свобод подозреваемого, обвиняемого в той мере, которая будет достаточна для прекращения с его стороны преступного поведения, и обеспечение производства следственных действий. Соответственно, можно выделить ключевое отличие пресечения от предупреждения или профилактики: пресечение правонарушения – это принятие определенных мер

к тому, чтобы начавшееся правонарушение не было доведено до конца [11].

Единого мнения по вопросу разграничения понятий «профилактика», «предупреждение», «пресечение» нет и в научных кругах (в частности, среди криминологов, которые в большей степени исследуют данный вопрос и разрабатывают меры противодействия преступности) [17; 21].

С помощью компаративистского метода можно выделить две основные позиции авторов. Сторонники первой позиции склонны не разводить между собой такие термины, как «профилактика», «предупреждение» и «пресечение» правонарушений (преступлений), и призывают использовать их как синонимичные понятия [8; 10; 14]. Одним из главных аргументов данной позиции является то, что цель данной деятельности едина – борьба с преступлениями (правонарушениями).

В курсе советской криминологии указывается на то, что в широком смысле слова все эти термины включают в себя комплекс взаимосвязанных мер, которые направлены на предупреждение правонарушений и устранение причины и условий, их порождающих [19]. Г.А. Аванесов предлагает рассматривать профилактику в широком и узком значении. В узком смысле это деятельность по недопущению конкретных правонарушений, а в широком – по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, проведению необходимых профилактических мероприятий. Совокупность этих значений и образует единое понятие «профилактика правонарушений» [1].

Некоторые авторы приходят к выводу, что профилактика (устранение причин и условий преступлений на всех уровнях) и предупреждение (преступности и преступлений) – идентичные понятия и действуют на одних и тех же уровнях – общесоциальном и лично-микросредовом, а предотвра-

1 Толковый словарь Ефремовой; Большой словарь иностранных слов; Малый академический словарь; Толковый словарь психиатрических терминов и другие. URL: <https://gufo.me/search?term=профилактика> (дата обращения: 23.11.2022).

2 Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=25059> (дата обращения: 23.11.2022).

3 Толковый словарь Кузнецова онлайн. URL: <https://slovariki.org/search?did=tolkovyj-slovar-kuznecova&word=профилактика> (дата обращения: 23.11.2022).



шение (стадия обнаружения умысла) и пресечение (стадия приготовления, покушения) действуют исключительно на личностно-микросредовом уровне [20]. Стоит согласиться, что пресечение правонарушения возможно только на личностно-микросредовом уровне.

Сторонники второй позиции предлагают разграничивать между собой рассматриваемые понятия. Так, Ю.М. Антонян в лекции о предупреждении преступности [4] разделяет данное направление деятельности государства на четыре самостоятельных вида, добавляя к ранее указанным исправление преступника, где, по его мнению, профилактика должна оказывать воздействие на причины и условия преступности, при этом отмечая, что это наиболее важный вид борьбы с преступностью и необходимо разделять профилактику в зависимости от времени ее реализации на сверхранныю, раннюю и непосредственную. Предупреждение направлено на недопущение совершения преступлений на стадии их планирования и подготовки. Под пресечением он понимает недопущение дальнейшего преступного поведения со стороны преступника. И четвертый вид – исправление преступников, как видит автору, по большей части относится к осужденным, которые уже отбывают наказание в исправительных учреждениях различного типа, и находит отражение в применении основных средств исправления, установленных уголовно-исполнительным законодательством, и организации индивидуальных профилактических мер, в том числе специально-криминологических.

Рассматривая систему предупреждения преступности, К.Е. Игошев выделяет профилактику как важнейший компонент отдельной сферы предупреждения преступности. Он соотносит их взаимосвязь как часть и целое или особенное и общее, выделяя в системе профилактики два самостоятельных и взаимосвязанных блока: моральный и правовой. При этом он отмечает, что она имеет динамический характер и определяется в зависимости от конкретного исторического этапа [9]. Продолжая мысль данного ученого, можно в унисон ему сказать, что профилактика правонарушений должна строиться не только в

зависимости от конкретного исторического этапа, но и особенностей конкретного региона и даже конкретного исправительного учреждения.

На интересную закономерность «разграничения» или «слияния» рассматриваемых понятий указывает коллектив авторов монографии «Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы». В ходе проведения исследования они отметили, что за разграничение рассматриваемых понятий обычно выступают авторы, непосредственно работающие или работавшие в практических органах, а на «слиянии», напротив, настаивают ученые-теоретики, преподаватели университетов. Авторы приходят к выводу, что профилактика не тождественна предупреждению, а соотносится как вид с родом [3]. Также стоит согласиться с мнением авторов о том, что иногда понятийный аппарат (в юриспруденции в общем и криминологии в частности – прим. Н.Ч.) стоит дополнять специфическим содержанием, отличающимся от общепринятого.

Толерантна к данной позиции А.И. Долгова, она утверждает, что конкретность терминологии определяет четкость в постановке и решении проблемы борьбы с преступностью, именно поэтому стоит уделять данному вопросу внимание [12].

Авторский коллектив под руководством В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова [13] разграничивает предупреждение преступности в зависимости от решаемых задач (оговариваясь при этом, что они иерархически связаны между собой):

1) воздействие на динамику, структуру, причины преступности в целом (социальная профилактика);

2) предупреждение отдельных видов преступлений, предупреждение преступлений отдельными социальными группами (криминологическая профилактика);

3) предупреждение совершения преступлений отдельными лицами (индивидуальная криминологическая профилактика).

Уголовно-исполнительное нормотворчество в области профилактики правонарушений пошло иным путем. Так, согласно положениям приказа Минюста от 20 мая



2013 г. N 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» законодатель помимо самостоятельного направления «профилактика» правонарушений выделяет два других направления деятельности сотрудников УИС:

1) предотвращение (как видится, аналогично предупреждению – прим. Н.Ч.) правонарушений – деятельность, направленная на выявление лиц на стадии обнаружения умысла и применение к ним мер превентивного характера с целью недопущения реализации данного умысла;

2) пресечение правонарушений – деятельность сотрудников учреждений УИС по выявлению лиц на стадии подготовки правонарушения с принятием к ним превентивных мер.

Таким образом, можно констатировать, что в ведомственном понимании есть три самостоятельных направления: профилактика, предотвращение (предупреждение), пресечение. Основанием разграничения данных направлений является стадия правонарушения, на которой было выявлено лицо (потенциальный правонарушитель).

Используя метод ретроспективного анализа употребляемой терминологии в нормативно-правовых актах МВД России в области профилактики правонарушений, можно утверждать, что всю совокупность мероприятий по недопущению совершения правонарушений, воздействию на причины и условия законодатель относит к предупреждению. При анализе действующего законодательства прослеживается преобладание позиции по данному вопросу.

Репрезентативность полученных данных будет неполной без обращения к опыту западных коллег (Ганс Йоахим Шнайдер, Андрей Вилкс, Эмиль Дюркгейм и др.). В области профилактики (превенции) правонарушений их позицию можно наглядно представить в следующей таблице.

АНАЛОГИ ПРОФИЛАКТИКИ (ПРЕВЕНЦИИ) В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ [5; 16]

Направления (виды или уровни) профилактики	Закладываемый смысл
первичный уровень (primary prevention)	аналог общесоциальной профилактики
вторичный уровень (secondary prevention)	выявление и воздействие на условия и причины правонарушений
третичный уровень (tertiary prevention)	аналог индивидуальной профилактики (специальные меры воздействия на конкретное лицо)
социальное предупреждение	воздействие на негативные условия микросреды личности
ситуационное предупреждение	предупреждение возникновения криминальных ситуаций (аналог предупреждения и пресечения)
предупреждение преступности с опорой на население	Создание различных общественных объединений, отдельных граждан и с их помощью оказание воздействия на объекты профилактики
первичная превенция	направлена на формирование позитивного правосознания
вторичная превенция	осуществление правоохранительными органами с помощью правовых средств удержание преступности на определенном уровне
третичная превенция	психиатрическая профилактика (осуществление в процессе исполнения наказания и ресоциализации преступников)

Помимо рассмотренных различных подходов к пониманию предупреждения преступности в различных источниках можно встретить такие понятия, как «социальная профилактика», «криминологическая профилактика», «ситуационная профилактика» [3; 7, 24].

Таким образом, используя различные методы познания: анализа (в том числе ретроспективного) литературы, нормативно-правовых актов, компиляции мнений ведущих специалистов в этой области, используя формально-логические методы, автор приходит к умозаключению, что профилактику правонарушений необходимо считать самостоятельным «пластом»<sup>1</sup>, так же как предупреждение и пресечение правонарушений. Для наглядности представим «пласты» в той последовательности, в которой они должны применяться в практической деятельности, и объединим их под единым направлением – противодействие правонарушениям. Данное направление включает в себя профилактику, предупреждение и пресечение.

<sup>1</sup> В природе под пластом понимается масса горной породы, ограниченная с двух сторон от других слоев.



Как верно отмечают А.С. Дугенец, Д.Ф. Костырев [6]: анализ федерального законодательства в области противодействия преступности учитывает в данном направлении все три элемента – другими словами, обобщает их в единое направление.

Для обоснования разведения этих понятий между собой целесообразно привести особенности данных «пластов» и указать, что автор закладывает в понятие «пласт». Под «пластом» стоит понимать комплекс (определенный массив) мероприятий, которые взаимосвязаны между собой по вертикали и горизонтали, и каждый из них направлен на решение самостоятельных задач, но при этом «пласты» объединены между собой единой целью – сокращение правонарушений в местах лишения свободы в целом.

Как верно отмечает Л.Ф. Пертли: «Профилактическая деятельность направлена прежде всего на выявление и устранение возможностей совершения противоправного деяния еще на этапе зарождения, исключение предпосылок и мотивов совершения противоправного деяния» [18]. Мероприятия, включаемые в профилактику, как правило, не несут негативных правовых последствий для профилируемых объектов, в отличие от пресечения.

Профилактика в зависимости от уровня может быть: целенаправленной (детерминированной) – субъект точно знает объект предупредительного воздействия и точно направляет на него профилактические мероприятия, она отличается конкретностью проводимых мероприятий; опосредованной (вероятностной) – четко не определены конкретные цели, причины и условия правонарушений, но проводимый комплекс мероприятий косвенно направлен на улучшение криминогенной обстановки, по большому счету в этом заключается общесоциальный уровень профилактики [подр.: 23]. В рамках данной классификации предупреждение и пресечение находятся на целенаправленном (детерминированном) уровне, а профилактика может выступать как на вероятностном, так и на детерминированных уровнях.

Следующей особенностью будет выступать субъектный состав профилактики – помимо

субъектов, профессионально занимающихся данной деятельностью (например, сотрудники уголовно-исполнительной системы), привлекаются лица, участвующие в профилактической деятельности – семья осужденного, общественно-наблюдательные комиссии, религиозные объединения и иные организации. Как верно отмечает И.М. Мацкевич, реальная профилактика может быть реализована только с участием общественности [16].

Предупреждение и пресечение правонарушений, как видится, в отличие от профилактики могут носить только целенаправленный характер и осуществляться исключительно на индивидуальном уровне. Здесь стоит согласиться с мнением Г.А. Аванесова, который пишет о том, что на этапе зарождения мысли о возможности совершения правонарушения проводится профилактика, если она не оказала должного воздействия и у лица появился замысел совершить правонарушение – предупреждающие меры [2]. Соответственно, предупреждение возможно исключительно при наличии информации о лице, подготавливающим правонарушение, а пресечение – когда есть информация о начатом или длящемся правонарушении. Соответственно, как видится, данная деятельность может осуществляться исключительно на индивидуальном, лично-микросредовом уровне.

Меры, используемые при организации профилактики и предупреждения, в большинстве случаев основаны на методе убеждения и выражаются в следующих формах: профилактическая беседа, информирование, демонстрация личного примера и другие. Пресечение в большинстве случаев основано на методе принуждения, данный метод в уголовно-исполнительной системе в широком смысле можно понимать как применение мер безопасности, изменение условий отбывания наказания, применение мер взыскания к осужденным, предупредительный выстрел часового на наблюдательной вышке с целью пресечь попытку совершения побега и другие.

По мнению А.П. Фильченко, выбор мер, связанных с предупреждением или пресечением, напрямую связан с тяжестью приготовляемого преступления. Так, приготовление к



особо тяжкому преступлению уже является наказуемым, поэтому в данном случае необходимо принимать исключительные меры пресечения криминального поведения, так же как на стадии покушения на преступление [22]. Данная позиция является дискуссионной. Так, по мнению автора, меры пресечения необходимо применять вне зависимости от тяжести готовящегося преступления.

В некоторых случаях пресечение может выступать своеобразной платформой для профилактики совершения возможных правонарушений в будущем. Так, обнаружение и пресечение поступления запрещенных предметов через определенный канал в перспективе профилирует совершение новых правонарушений.

Таким образом, разграничение между направлениями противодействия правонарушениям обусловлено:

- 1) особенностью реализуемых мер по каждому направлению и различием в субъектном составе;
- 2) направленностью реализуемых мер (детерминированных и опосредованных);
- 3) разношироким объектом воздействия (от причин, условий, факторов правонарушений до конкретной личности правонарушителя и конкретного правонарушения);
- 4) при единстве цели в каждом направлении решаются свои задачи;
- 5) профилактика проводится как на общем, так и на индивидуальном уровне;
- 6) предупреждение и пресечение осуществляются исключительно на индивидуальном уровне.

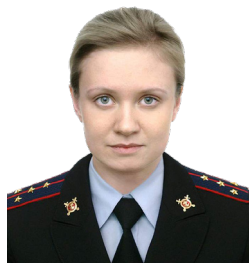
Подводя итог, стоит отметить большой плюрализм в вопросе соотношения таких понятий, как «профилактика», «предупреждение», «пресечение». Отсутствие единого подхода при нормотворческой деятельности играет важное практическое значение. При анализе изучаемых дефиниций в отраслях права был установлен различный смысловой спектр при толковании данных понятий, что нарушает принцип единства подходов при осуществлении профилактики. Несмотря на то, что автор сам придерживается мнения о необходимости разграничения данных понятий, правильным и верным решением видится обращение к Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», который устанавливает основные принципы осуществления профилактики в Российской Федерации и обозначает ее направления. Из анализа его положений можно констатировать, что самым широким из всех представленных понятий является «профилактика», которая в качестве направлений включает в себя предупреждение и противодействие правонарушениям. Именно данный закон должен выступать ведущей теоретической силой для преобразования всех нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы профилактики, что, в свою очередь, позволит привести их к единому стандарту и будет способствовать реализации основных принципов профилактики.

#### Библиографический список

1. Аванесов, Г.А. Криминология : учебник / Г.А. Аванесов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. – 500 с.
2. Аванесов, Г.А. Криминология и социальная профилактика / Г.А. Аванесов. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 526 с.
3. Алексеев, А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 481 с.
4. Антонян, Ю.М. Криминология. Избранные лекции / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2004. – 448 с.
5. Гишинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс / Я.И. Гишинский. – 4-е изд., перераб и доп. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. – 517 с.



6. Дугенец, А.С. Противодействие незаконному обороту запрещенных предметов в исправительных учреждениях УИС / А.С. Дугенец, Д.Ф. Костарев // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2021. – N 4(43). – С. 36-43.
7. Зудин, В.Ф. Социальная профилактика преступлений. Криминологические и криминалистические проблемы / В.Ф. Зудин ; под ред. В.И. Федулова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 188 с.
8. Зыков, Д.А. Профилактика неосторожной преступности / Д.А. Зыков, А.В. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – N 4(25). – С. 76-77.
9. Игошев, К.Е. Социальный контроль и профилактика преступлений : учебное пособие / К.Е. Игошев. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1976. – 92 с.
10. Клейменов, М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. – 432 с.
11. Кобец, Н.Г. Предупреждение правонарушений в производственном коллективе. Вопросы теории и практики / Н.Г. Кобец. – М.: Юрид. лит., 1982. – 206 с.
12. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 1007 с.
13. Криминология : учебник / под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М.: Юристь, 1997. – 512 с.
14. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристь, 2006. – 734 с.
15. Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 528 с.
16. Мацкевич, И.М. Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений / И.М. Мацкевич // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – N 3(55). – С. 481-490.
17. Милюков, С.Ф. Неочевидные решения проблемы противодействия преступности / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – N 1. – С. 36-45.
18. Пертли, Л.Ф. Современное состояние и профилактика преступлений: уголовно-исполнительный аспект / Л.Ф. Пертли // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России (Мурманск, 2-3 июля 2015 г.). – Мурманск: «Российская криминологическая ассоциация», 2015. – С. 207-213.
19. Советская криминология : учебник / отв. ред.: А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит, 1966. – 319 с.
20. Старков, О.В. Криминопенология : учебное пособие / О.В. Старков. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 480 с.
21. Тепляшин, П.В. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия / П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – N 3(46). – С.68-74.
22. Фильченко, А.П. Предупреждение или пресечение? (Об альтернативности оперативно-розыскных решений в свете действующего уголовного законодательства) / А.П. Фильченко // Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования : материалы IV Межведомственной научно-практической конференции (Рязань, 30 ноября 2018 г.). / отв. ред. В.П. Кувалдин. – Рязань: ООО «Издательский дом «Юриспруденция», 2019. – С. 89-93.
23. Черненко, А.П. Планирование профилактики правонарушений в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.П. Черненко. – М., 2002. – 165 с.
24. Чуклина, Э.Ю. Ситуационные превентивные меры в российской теории предупреждения преступности / Э.Ю. Чуклина // Национальная безопасность. – 2016. – N 3(44). – С. 338-346.



**Ксения Юрьевна ФИЛИПСОН,**  
старший преподаватель кафедры гражданского права  
и процесса Сибирского юридического института  
МВД России (г. Красноярск)  
*geyzer007@mail.ru*



**Николай Александрович РЯБИНИН,**  
доцент кафедр гражданского права и процесса  
Сибирского юридического института  
МВД России (г. Красноярск),  
кандидат юридических наук, доцент  
*rna0303@yandex.ru*

## ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

### PECULIARITIES OF REGULATION OF LEGAL RELATIONS IN THE SPHERE OF SURROGACY

В статье аргументируется необходимость совершенствования правового регулирования правоотношений в сфере суррогатного материнства. Авторы делают вывод о том, что законодательное закрепление процедуры суррогатного материнства спровоцировало рост преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними детьми под прикрытием заключения договоров суррогатного материнства. В статье приводятся критерии разграничения уголовно наказуемого деяния, направленного на продажу несовершеннолетнего лица, и правомерными действиями по реализации репродуктивных прав человека с помощью процедуры суррогатного материнства. Авторами сформулированы возможные предложения по изменению законодательства, регулирующего правоотношения в сфере суррогатного материнства.

The need for improving the legal regulation of legal relations in the sphere of surrogacy is given reasoning in the article. The authors come to the conclusion that the legislative consolidation of the surrogacy process has resulted in an increase in crimes related to the sale of children under the guise of making surrogacy agreements. The criteria for distinguishing between a punishable act aimed at the sale of a child and lawful actions for the implementation of human reproductive rights through the of surrogacy procedure are determined in article. In conclusion, the authors formulate some proposals for changing the legislation regulating legal relations in the sphere of surrogacy.

**Ключевые слова:** суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, торговля людьми.  
**Keywords:** *surrogacy, surrogacy contract, human trafficking.*

9 октября 2007 г. Указом Президента РФ была утверждена Концепция демографической политики Российской Фе-

дерации на период до 2025 года. Согласно Концепции основными целями демографической политики в Российской Федерации



являются стабилизация численности населения и создание условий для ее роста. Для достижения поставленных целей в Концепции закреплена задача повышения уровня рождаемости. Эффективное решение указанной задачи предопределило принятие государством мер, направленных на обеспечение репродуктивных прав человека.

На сегодняшний день в российском законодательстве нет легального определения репродуктивных прав человека, в юридической науке под репродуктивным правом понимается возможность каждого человека принимать свободные и самостоятельные решения о своем репродуктивном здоровье, в том числе рождении детей, времени их рождения и промежутках между рождением детей, а также пользоваться для этого необходимой информацией и средствами высоких репродуктивных технологий в случае, если беременность не может наступить естественным путем [7, с. 27].

Для реализации Концепции демографической политики и в целях обеспечения репродуктивных прав человека в России был издан Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором предусмотрено, что мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (ст. 55). Также ч. 8 ст. 55 предусматривает, что супруги, а также одинокая женщина, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям, имеют право заключить договор суррогатного материнства.

Следует отметить, что законодательное закрепление процедуры суррогатного материнства, с одной стороны, привело к возмож-

ности повышения рождаемости в стране, но в то же время спровоцировало рост преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними детьми под прикрытием заключения договоров суррогатного материнства.

Так, в 2021 г. первый заместитель председателя Комиссии общественной палаты РФ по демографии и защите семьи П.А. Пожигайло сообщил, что Россия занимает первое место среди стран Европы по вывозу детей, рожденных посредством процедуры суррогатного материнства, за пределы территории Российской Федерации.

В 2021 г. с помощью суррогатного материнства появились 22 тысячи детей, но дальнейшая судьба большей части малышей неизвестна. При этом отмечается, что основной маршрут вывоза младенцев – это страны Юго-Восточной Азии, в том числе Филиппины, имеющие репутацию рынка «черной» трансплантологии. Вызывает вопросы и возраст обнаруженных малышей. Некоторым из них было по 5-6 месяцев, при том, что наиболее благоприятное «время» встречи ребенка с генетическими родителями-заказчиками – сразу после родов. Причина «передержки» может быть связана с процессом «дозревания» внутренних органов ребенка до приемлемого состояния для их изъятия [10, с. 1].

Количество выявленных правонарушений в исследуемой сфере увеличилось в период международной пандемии COVID-19, что было обусловлено закрытием границ и невозможностью транспортировки детей, рожденных с помощью процедуры суррогатного материнства, к их предполагаемым генетическим родителям.

Например, в апреле 2020 г. была вскрыта преступная схема по торговле детьми. В начале 2020 г. в одну из квартир в Одинцовском районе Подмосковья был осуществлен вызов педиатра к новорожденному. Явившись на вызов, педиатр констатировал смерть ребенка, которая произошла еще до приезда врача. При этом в квартире педиатром были обнаружены еще три младенца<sup>1</sup>. В процессе расследования уголовного дела по ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному» было вы-

<sup>1</sup> Тело младенца нашли в квартире в Одинцовском округе. URL: <https://riamo.ru/article/405328/telo-mladentsa-nashli-v-kvartire-v-odintsovskom-okruge-xl>.



явлено, что погибший младенец, а также еще трое детей, которые находились в квартире, были рождены в соответствии с условиями договора о суррогатном материнстве. Однако в нарушение действующего законодательства – согласно ч. 10 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки – женщины, родившие детей по договору о суррогатном материнстве, являлись их биологическими матерями, а отцами – иностранные граждане, проживающие за границей. Также по итогам проведенного обыска в квартире было установлено, что восемь детей уже были вывезены за пределы Российской Федерации по поддельным документам и переданы неустановленным лицам [8, с. 4].

Похожее уголовное дело было возбуждено по п.п. «б» и «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ в отношении директора, двоих работников ООО «Дидилия», а также нескольких суррогатных матерей<sup>1</sup>. В 2019 г. 33-летняя женщина решила за денежное вознаграждение выносить и родить ребенка для третьих лиц. Женщина обратилась в ООО «Дидилия», которое предоставляло услуги по организации и сопровождению оплодотворения, беременности и родоразрешению с целью последующей передачи ребенка третьим лицам. Следствием было установлено, что суррогатная мать заключила с ООО «Дидилия» договор об услугах суррогатного материнства. В качестве заказчика выступал не состоявший в браке гражданин Китая. Искусственное оплодотворение было произведено в клинике Камбоджи. После проведения процедуры женщина вернулась в Россию и родила мальчика. В дальнейшем суррогатная мать получила в ЗАГСе свидетельство о рождении ребенка, указав себя в качестве матери, в связи с чем в соответствии с действующим законодательством как мать должна была выполнять родительские обязанности. Затем подсудимая оформила нотариальную доверенность на

директора ООО «Дидилия» в отношении ребенка, передала свидетельство о рождении и получила 850 000 руб.

В суде суррогатная мать, а также директор ООО «Дидилия» настаивали на том, что в их действиях нет состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. Как пояснил директор ООО «Дидилия», в связи с закрытием границ по причине пандемии COVID-19 не представлялось возможным передать ребенка заказчику сразу после его рождения. Следовательно, если бы суррогатная мать не оформила родительские права на ребенка, то новорожденный был бы помещен в детский дом. Однако суд, исследовав все обстоятельства по делу, признал суррогатную мать виновной в купле-продаже несовершеннолетнего и приговорил к 3 годам и 2 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года.

Вынесенный приговор вызвал дискуссии, обусловленные недостатками правового регулирования процедуры суррогатного материнства. Среди правоведов наибольшее распространение получила точка зрения, оправдывающая действия подсудимой по передаче ребенка директору ООО «Дидилия». Сторонники данной позиции указывали на то, что суррогатная мать не имела умысла на продажу ребенка, а значит, не может быть привлечена к ответственности в соответствии со ст. 127.1 УК РФ.

Наличие пробелов в правовом регулировании суррогатного материнства и увеличение общего количества случаев продажи несовершеннолетних обусловили необходимость правильной правовой квалификации совершаемых суррогатными матерями действий. Однако в судебной практике, а также в теории гражданского и уголовного права не сложилось единого мнения по указанному вопросу [1, с. 628; 4, с. 21; 5, с. 104; 6, с. 554; 10, с. 36; 11, с. 22].

Для разрешения рассматриваемой проблемы проведем общую характеристику

<sup>1</sup> Недетский бизнес. Почему суррогатное материнство в России превращается в торговлю детьми. URL: [https://trunov.com/press-centr/news\\_sni/nedetskij-biznes-pochemu-surrogatnoe-materinstvo-v-rossii-prevrashhaetsya-v-torgovlju-detmi/](https://trunov.com/press-centr/news_sni/nedetskij-biznes-pochemu-surrogatnoe-materinstvo-v-rossii-prevrashhaetsya-v-torgovlju-detmi/); Еще одну суррогатную мать осудили в Красноярске по скандальному делу «Дидилии». URL: <https://ngs24.ru/text/criminal/2022/10/17/71741567/>.



состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ.

Часть 1 ст. 127.1 УК РФ определяет, что под торговлей людьми следует понимать совершение возмездных либо безвозмездных сделок в отношении человека и его личной свободы независимо от целей их осуществления, а равно вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение человека в целях его эксплуатации.

Объективная сторона преступления выражается в действиях, направленных на заключение возмездных либо безвозмездных сделок (купля-продажа, мена, дарение, аренда, безвозмездное пользование и т.д.), которые противоречат основам правопорядка и нравственности, а также вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении человека.

Верховный Суд РФ в п. 13 постановления Пленума от 24 декабря 2019 г. N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» раскрывает содержание незаконных действий правонарушителя в случае заключения противоправной сделки, нарушающей личную свободу, жизнь и здоровье человека. Согласно данному пункту купля-продажа человека выражается в осуществлении действий, состоящих в передаче человека одним лицом другому лицу (лицам) за денежное вознаграждение, а под иными сделками в отношении человека – другие противоправные действия, приводящие к передаче потерпевшего от одного лица другому лицу (например, безвозмездная передача, обмен на какие-либо материальные ценности). Под получением человека по сделке следует понимать принятие потерпевшего от лица, его передающего, в частности для перевозки или укрывательства, а равно для его эксплуатации.

Непосредственный объект преступления – личная свобода потерпевшего. Дополнительным объектом может выступать безопасность жизни и здоровья потерпевшего [3, с. 9].

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона торговли людьми характеризуется прямым умыслом. Субъект, заключая противоправную сделку, направленную на передачу либо получение человека, всегда осознает общественную опасность своих деяний и возможные неблагоприятные последствия, а также желает их наступления. При этом мотивы и цели совершения указанных сделок не имеют значения.

Сделки, предметом которых выступают несовершеннолетний, его личная свобода, жизнь и здоровье, как правило, заключаются в целях дальнейшей эксплуатации ребенка.

Легальное определение эксплуатации при торговле людьми приведено в ст. 127.1 УК РФ. В статье перечисляются следующие формы эксплуатации: использование в занятии проституции, иные формы сексуальной эксплуатации (услуги порнографического характера, изготовление порнографической продукции, фильмов, фотографий, журналов), рабский труд, подневольное состояние.

Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» выделяет отдельный вид эксплуатации – детскую эксплуатацию. Детская эксплуатация включает в себя дополнительные формы эксплуатации помимо перечисленных в ст. 127.1 УК РФ, такие как незаконное изъятие у несовершеннолетних органов и (или) тканей, а также незаконное усыновление (удочерение) несовершеннолетнего из корыстных побуждений.

Приведем пример из судебной практики, когда под прикрытием суррогатного материнства состоялось незаконная процедура усыновления несовершеннолетнего.

В 2020 г. в Калининградской области было возбуждено уголовное дело о торговле людьми<sup>1</sup>. Как следует из материалов уголовного дела, мужчина-заказчик, проживающий за границей, обратился в международную организацию по оказанию услуг суррогатного материнства (г. Барселона) с целью подыскать

1 Недетский бизнес. Почему суррогатное материнство в России превращается в торговлю детьми; Продажа ребёнка в Испанию за 80 тыс. евро пересечена в Калининграде. URL: <https://russpain.com/news/kriminal/prodazha-rebjonka-v-ispaniyu-za-80-tys-evro-peresechena-v-kaliningrade/>.



суррогатную мать для возможного вынашивания его будущего ребенка. Представитель организации связался с В.П., проживающим в г. Калининграде. Как показало расследование, В.П. фактически выполнял функции руководителя филиала указанной международной организации, головной офис, которой находился в Испании. При этом, так как суррогатное материнство в Испании запрещено, основная деятельность организации осуществлялась на территории России, Украины и Казахстана.

В.П. по заказу международной организации нашел женщину (гражданку России), согласившуюся за вознаграждение предоставить услуги по суррогатному материнству. Договор суррогатного материнства был подписан дистанционно. Через четыре месяца после того как была произведена процедура экстракорпорального оплодотворения, заказчик отказался от будущего ребенка. Для разрешения возникшей проблемы В.П. совместно с представителями головного офиса в Испании решили найти другого родителя для ребенка, оформив фактическую куплю-продажу человека заключением нового договора суррогатного материнства с другим заказчиком, который уже не являлся генетическим родителем будущего ребенка. В.П. без ведома суррогатной матери заключил новый договор о суррогатном материнстве с гражданкой Испании М.М. По истечении четырех месяцев после заключения договора суррогатная мама родила здорового ребенка, подписала бумаги об отказе от ребенка и передала его В.П., который на основании договора о суррогатном материнстве и доверенности от М.М. оформил свидетельство о рождении ребенка, указав в качестве матери заказчицу. В суде В.П. свою вину не признал, ссылаясь на то, что действовал в соответствии с российским законодательством. Однако суд привлек его к уголовной ответственности согласно ст. 127.1 УК РФ. Суд в своем решении сделал правильный вывод, что фактически под видом суррогатного материнства была проведена незаконная процедура усыновления. В 2021 г. суд уже в порядке гражданского судопроизводства отменил запись в актах

гражданского состояния о рождении ребенка и признал матерью суррогатную мать.

На наш взгляд, суд вынес верное решение делу, так как действия подсудимого нарушили законодательно установленный порядок усыновления. В указанной ситуации суррогатная мать должна была либо оставить ребенка себе, либо оформить отказ от ребенка в роддоме для последующей передачи в детский дом. Однако В.П., действуя из корыстных побуждений, направленных на получение денежного вознаграждения за незаконное усыновление, умышленно заключил договор купли-продажи новорожденного ребенка без ведома суррогатной матери.

Полагаем, что в целях противодействия росту торговли детьми под прикрытием суррогатного материнства необходимо усовершенствовать правовое регулирование рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий.

В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указано, что суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

Как следует из приведенного определения, вынашивание и рождение ребенка может быть осуществлено только на основании договора, сторонами которого могут выступать любые субъекты правоотношений (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, лица с двойным гражданством). На наш взгляд, такой расширенный круг субъектов по договору суррогатного материнства является причиной высокой латентности преступлений, связанных с торговлей детьми в последние годы. В связи с этим 8 декабря 2022 г. был принят Федеральный закон N 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-



дерации (в части установления требования о наличии гражданства Российской Федерации при использовании суррогатного материнства на территории Российской Федерации)». Указанным законом запрещается иностранным гражданам и лицам без гражданства использовать институт суррогатного материнства на территории Российской Федерации. Таким образом, сторонами договора о суррогатном материнстве могут выступать только граждане Российской Федерации. При этом в законе установлено, что один из потенциальных родителей может иметь гражданство иностранного государства, но только при условии, что второй родитель является гражданином Российской Федерации.

Также в целях осуществления последующего контроля за судьбой детей, рожденных суррогатной матерью для иностранных граждан и лиц без гражданства, закреплено обязательное приобретение новорожденным гражданства Российской Федерации. Данное правило действует только если ребенок рожден либо вынашивался на день вступления в силу запрета на суррогатное материнство для иностранных граждан и лиц без гражданства.

Полагаем, что принятие данного закона, несомненно, повлечет за собой некоторое снижение роста преступлений, связанных с торговлей детей. Однако остается не разрешенным вопрос о порядке заключения договора суррогатного материнства, а также его предмете, содержании прав и обязанностей, порядке исполнения и мерах ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора.

Также анализ действующего законодательства, регулирующего процедуру суррогатного материнства, показал отсутствие четко установленной правовой конструкции договора суррогатного материнства. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лишь закрепляет круг субъектов, уполномоченных заключать указанный договор, и предъявляемые к ним требования.

Проведем общую характеристику договора суррогатного материнства. На наш взгляд, договор о суррогатном материнстве имеет се-

мейно-правовую природу, к которому согласно ст. 2 СК РФ должны применяться положения гражданского законодательства. Однако ГК РФ не предусматривает такого вида договоров, тем самым можно говорить о том, что договор суррогатного материнства относится к непоименованным договорам. В ст. 421 ГК РФ установлено, что стороны могут заключать договоры, не предусмотренные законом или иными правовыми актами. К договору, не предусмотренному законом или иными правовыми актами (непоименованный договор), при отсутствии признаков, указанных в п. 3 ст. 421 ГК РФ, правила об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, не применяются, что не исключает возможности применения правил об аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) к отдельным отношениям сторон по договору.

Считаем, что отношения, складывающиеся на основании договора о суррогатном материнстве, схожи по своей структуре с отношениями, возникающими из договора о возмездном оказании услуг (ст. 779 ГК РФ).

По аналогии со ст. 779 ГК РФ договор суррогатного материнства может быть определен как договор, по которому одна сторона (исполнитель – суррогатная мать) обязуется по заданию заказчика (генетических родителей, одинокой женщины, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям) оказать услуги по вынашиванию и рождению ребенка посредством процедуры экстракорпорального оплодотворения, а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Как следует из вышеприведенного определения целью договора суррогатного материнства является не продажа несовершеннолетнего, а оказание услуг по вынашиванию и рождению ребенка за вознаграждение с последующей передачей генетическим родителем в соответствии с условиями договора. Таким образом, цель заключения договора суррогатного материнства отличается от цели заключения договора купли-продажи несовершеннолетнего, направленного на незаконную передачу ребенка из корыстных побуждений для дальнейшей его эксплуатации.



Обязательным существенным условием договора суррогатного материнства является предмет договора, а именно конкретный перечень услуг, необходимых для вынашивания и рождения ребенка. Предметом договора купли-продажи несовершеннолетнего выступают личная свобода, жизнь и здоровье, что является недопустимым с точки зрения гражданского, семейного и уголовного права.

Анализ действующего законодательства показал отсутствие положений, закрепляющих требования к форме договора суррогатного материнства. В юридической литературе сформировалась точка зрения, что при заключении договора о суррогатном материнстве следует руководствоваться ст. 161 и 162 ГК РФ.

Мы не согласны с тем, что к договору о суррогатном материнстве должны применяться общие положения о форме сделок, которые позволяют заключить, рассматриваемый договор в устной форме. Возможность заключения договора о суррогатном материнстве в устной форме влечет за собой не только неопределенность в содержании и исполнении прав и обязанностей суррогатной матери и генетических родителей, но и является одним из факторов роста преступлений, связанных с продажей детей.

Полагаем, что необходимо законодательного закрепить нотариальную письменную форму договора суррогатного материнства, что позволит не только сократить число гражданско-правовых споров между суррогатными матерями и генетическими родителями, но и предотвратить нарушение прав детей. Так, нотариус в соответствии со ст. 16 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» будет обязан оказывать суррогатным матерям и генетическим родителям содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о правовых последствиях заключения договора суррогатного материнства.

Например, по приведенному выше спорному уголовному делу подсудимая в суде пояснила, что не осознавала негативных правовых последствий, связанных с указанием себя в качестве матери ребенка в свидетель-

стве о рождении и последующей передачей новорожденного генетическим родителям. Суррогатная мать полагала, что она не является законной матерью новорожденного в соответствии с договором суррогатного материнства и обязана передать ребенка, даже если приобрела права и обязанности матери на основании записи в акте о рождении. Подсудимая указала на то, что работники ООО «Дидилия» воспользовались ее правовой неграмотностью и убедили передать им ребенка. В данном случае юридическая неосведомленность суррогатной матери выступила одной из причин совершения ею уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ.

Именно поэтому предлагаем дополнить Семейный кодекс Российской Федерации статьей «Договор суррогатного материнства», согласно которой договор суррогатного материнства должен заключаться с соблюдением требований гражданского законодательства Российской Федерации и подлежать обязательному нотариальному удостоверению. Несоблюдение формы договора влечет его ничтожность.

Также в целях надлежащей защиты прав несовершеннолетних следует привлекать к заключению договора представителей органов опеки и попечительства. Семейное законодательство закрепляет обязанность органов опеки и попечительства, а также других компетентных органов осуществлять защиту и восстановление имущественных и неимущественных прав детей. Однако нормы действующего законодательства не предусматривают специальных полномочий органов опеки и попечительства в отношении детей, вынашиваемых и рожденных в процессе процедуры суррогатного материнства. Например, бывают случаи отказа генетических родителей от детей во время протекания беременности или сразу после рождения либо по объективным причинам невозможно передать заказчикам новорожденного в кратчайшие сроки после его рождения (смерть родителей, болезнь, длительная командировка). Если в первом случае новорожденный подлежит помещению в детский дом, то во втором возникает вопрос: кто должен осуществлять присмотр за ребен-



ком и защиту его прав до передачи генетическим родителям либо их родственникам.

Кроме того, российское законодательство не содержит никаких требований к генетическим родителям новорожденного и не предусматривает проверку их благонадежности. Например, в качестве будущих родителей могут выступать лица нетрадиционной сексуальной ориентации, одинокие мужчины, лица, судимые за преступления против жизни и свободы, половой неприкосновенности и т.д.

На наш взгляд, необходимо дополнить ст. 8 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» следующими полномочиями органы опеки и попечительства: 1) выдача разрешений на заключение договора суррогатного материнства; 2) ведение учета детей, рожденных посредством процедуры суррогатного материнства; 3) осуществление надзора и контроля за детьми, рожденными посредством процедуры суррогатного материнства, генетическими родителями которого выступают иностранные граждане (либо один из супругов является иностранным гражданином); 4) оказание помощи суррогатным матерям в реализации и защите прав детей до передачи генетическим родителям; 5) устройство детей, рожденных в процессе процедуры суррогатного материнства в специализированные учреждения до передачи генетическим родителям; 6) проверка лиц, желающих заключить договор суррогатного материнства в качестве генетических родителей.

Считаем, что не могут быть генетическими родителями лица, указанные в п. п. 1, 3 ст. 127 СК РФ и Перечне заболеваний, утвержденном постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2013 г. № 117, а также иностранные граждане, кроме иностранных граждан, супруг которого является гражданином Российской Федерации. При этом в целях повышения качества уголовно-правового противодействия незаконной торговле несовершеннолетними и недопущения нарушения прав и законных интересов детей необходимо законодательно закрепить минимальный срок нахождения в браке, если один из супругов – иностранный гражданин. Также органам опеки и попечительства при

принятии решения о выдаче согласия на заключение договора суррогатного материнства следует обращать внимание на такие признаки фиктивного брака, как отсутствие личного общения супругов, совместного проживания, общих вещей и денежных средств; большую разницу в возрасте у супругов; наличие фактических брачных отношений одного из супругов с другим лицом (супружеская измена) и т.д. [9, с. 20].

Объемы статьи не позволяют нам рассмотреть все проблемы правового регулирования суррогатного материнства, возникающие в теории и на практике. В исследовании были раскрыты основные пробелы правового регулирования суррогатного материнства, влекущие за собой рост числа преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ.

В заключение отметим, что главным критерием разграничения уголовно наказуемого деяния, направленного на продажу несовершеннолетнего лица, и правомерными действиями по реализации репродуктивных прав человека с помощью процедуры суррогатного материнства является направленность умысла сторон при заключении договора купли-продажи человека и договора суррогатного материнства.

При совершении договора купли-продажи умысел сторон направлен на незаконную продажу и приобретение несовершеннолетнего. Предметом такого договора являются личная свобода, жизнь и здоровье человека. Передача и принятие ребенка осуществляются из корыстных побуждений с целью его дальнейшей эксплуатации.

В случае заключения договора суррогатного материнства умысел сторон направлен на оказание услуг по вынашиванию и рождению ребенка посредством процедуры суррогатного материнства в соответствии с условиями договора и действующим законодательством. Предметом договора суррогатного материнства выступают услуги по вынашиванию и рождению ребенка. Суррогатная мать предоставляет услуги по вынашиванию и рождению ребенка за вознаграждение, с последующей его передачей с целью реализации репродуктивных прав генетическими родителями.



### Библиографический список

1. Богдан, В.В. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт / В.В. Богдан, М.Н. Урда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – N 58.
2. Козлова, Н. СК завершает дело о торговле детьми от суррогатных матерей / Н. Козлова // RGRU. – URL: <https://rg.ru/2021/07/27/sk-zavershaet-delo-o-torgovle-detmi-ot-surrogatnyh-materej.html?ysclid=la7spub5a7809860831>.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017.
4. Ксенофонтова, К.М. Правовые проблемы в сфере суррогатного материнства в РФ / К.М. Ксенофонтова // Нацразвитие. Наука и образование. – 2022. – N 1(4).
5. Лапин, И.В. Торговля людьми и суррогатное материнство: проблема разграничения / И.В. Лапин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2021. – N 4.
6. Ловчикова, Ю.В. Проблемы соотношения торговли людьми и суррогатного материнства / Ю.В. Ловчикова // Вопросы российской юстиции. – 2022. – N 17.
7. Павлова, Ю.В. Современный правовой режим реализации репродуктивного права человека на применение вспомогательных репродуктивных технологий / Ю.В. Павлова // Медицинское право – 2013 – N 6.
8. Светлая, Е. Продажа детей в России налажена в промышленных масштабах / Е. Светлая // Марафонек. – URL: <https://marafonec.livejournal.com/15031134.html?ysclid=la9clh6xqc533988953>.
9. Смиренская, Е.В., Правовое противодействие фиктивным бракам в России : тенденции и перспективы / Е.В. Смиренская, А.П. Анисимов // Семейное и жилищное право. – 2021. – N 6.
10. Трунов, И.Л. Состав преступления в вопросах суррогатного материнства: российская и зарубежная практика / И.Л. Трунов, Л.К. Айвар // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2021. – N 1(12).
11. Трунов, И.Л. Суррогатное материнство, как состав преступления торговля людьми / И.Л. Трунов, Л.К. Айвар // Международный журнал гражданского и торгового права. – 2021. – N 2.



## ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 343.98

DOI 10.51980/2542-1735\_2023\_1\_141



**Игорь Игоревич ЛАБЕЦКИЙ,**

инспектор планирования и контроля  
качества учебного процесса и практики  
учебного отдела Сибирского юридического  
института МВД России (г. Красноярск)  
*labezskiy\_igory@mail.ru*

### ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОПРЯЖЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕССЕНДЖЕРОВ КАК СРЕДСТВА ВХОЖДЕНИЯ В ДОВЕРИЕ

### OPERATIONAL-SEARCH CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST PROPERTY, CONNECTED WITH THE USE OF MESSENGERS AS MEANS OF ENTERING INTO TRUST

В статье проанализированы некоторые аспекты оперативно-розыскной характеристики преступлений против собственности, сопряженные с использованием мессенджеров как средства вхождения в доверие, в том числе описаны наиболее характерные приёмы и способы реализации преступного умысла с использованием мессенджеров.

The author analyzes some aspects of the operational-search characteristics of crimes against property, connected with the use of messengers as means of gaining trust, including the description of the most typical methods and methods for implementing criminal intent via messengers.

**Ключевые слова:** оперативно-розыскные мероприятия, информационно-телекоммуникационные технологии, мессенджер, мошенничество, кража, электронные средства платежа.

**Keywords:** *operational search actions, information and telecommunication technologies, messenger, fraud, theft, electronic means of payment.*

Одним из самых явных «здоровых» стремлений общества как естественного продолжения и результата стремления отдельной индивидуальной личности, существующей в рамках данного общества, является стремление к развитию в различных

сферах объективной реальности, стремление к самосовершенствованию. Согласно положениям «Закона ускорения истории» развитие сфер общественной жизни стремится к укорочению временных периодов, двигаясь по спирали, где каждый последующий виток



прогресса короче предыдущего. Грампластинку, на которую более века записывали фонетическую информацию, десятилетия назад сменила магнитная лента на кассете. Кассета «не выдержала» конкуренции в качестве и объеме информации с лазерным диском. USB-флеш-накопители сменили лазерные диски. Верхом прогресса в области хранения, передачи фонетической и иной цифровой информации на настоящий момент выступают интернет-сервисы (программы, облачные хранилища, серверы и т.д.) и использующие их цифровые устройства (персональные компьютеры, смартфоны, планшеты и т.д.).

Ускорение развития коснулось не только «здоровых» областей общественной жизни, но и ее негативной, «болезненной», части – сферы преступности [6]. Данный феномен носит вполне закономерные черты, так как необходимо брать во внимание одну из аксиом криминологии – преступность есть неотчуждаемая часть общественной жизни. Французский социолог и философ Эмиль Дюркгейм признавал преступность одним из факторов динамики общества [7, с. 8]. Криминальные элементы находят все новые и новые способы и средства реализации своего преступного умысла. Так, одной из тенденций последних лет в уголовно-правовой сфере стал значительный рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ).

Ежегодно Министерством внутренних дел Российской Федерации подготавливаются аналитические сведения, кратко характеризующие состояние преступности в Российской Федерации, – статистический сборник «Состояние преступности в России». С 2019 г. одним из разделов данного сборника являются «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». К таким преступлениям относятся уголовно наказуемые деяния, совершенные с использованием расчетных карт, компьютерной техники,

программных средств, фиктивных электронных платежей, сети Интернет, средств мобильной связи. В 2019 г. были зарегистрированы 294 409 указанных преступлений, что составляет 14,54% от всего числа преступлений, совершенных в указанном году<sup>1</sup>. В 2022 г. аналогичных преступлений уже было зарегистрировано 522 065, что составляет 26,54% от всего числа преступлений, совершенных в указанном году<sup>2</sup>. Невооруженным взглядом виден значительный рост указанных преступлений как в процентном, так и в фактическом соотношении.

Весомую долю преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составляют преступления, совершенные с помощью мессенджеров, то есть программ по отправке различных сообщений, ведению аудио- и видеозвонков по сети Интернет, установленных на смартфоны, планшеты или персональные компьютеры.

Мессенджеры широко вошли в жизнь современного человека благодаря своей multifunctionality и удобству использования в различных ситуациях: не только для обычного дистанционного общения, но и в развлекательных целях. Перечень возможностей отдельных мессенджеров может различаться, однако в большинстве случаев в функционале среднестатистического популярного мессенджера есть возможность отправки текстовых сообщений, фото, аудио-, видеофайлов личным сообщением или сообщением группе пользователей (групповой чат), совершения аудио- или видеозвонков. Такой богатый функционал мессенджеров создает широкий перечень возможностей преступникам для обеспечения вхождения в доверие к потерпевшим с целью последующего хищения их имущества в виде денежных средств с банковских счетов.

Потенциальными жертвами преступников, использующих мессенджеры, нередко становятся лица, продающие или покупа-

1 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. URL://<https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 10.12.2022).

2 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. URL://<https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 09.02.2023).



ющие что-либо в сети Интернет на сайтах, содержащих соответствующие объявления. Злоумышленник может начать вести переписку в мессенджере или совершить аудиозвонок и под различными предлогами будет пытаться получить сведения о банковской карте жертвы, которые позволят получить доступ к банковскому счету, к которому привязана банковская карта, а после получения необходимых сведений произведет списание денежных средств с данного банковского счета. Также распространенной практикой действий преступников является предоставление жертве фотографий различных документов, квитанций, чеков, иных снимков, например отправляемой посылки, продаваемого автомобиля и т.д., якобы подтверждающих совершение со стороны преступника оговоренных в ходе общения действий. В данном случае целью злоумышленника является приобретение доверия потерпевшего, при котором последний самостоятельно переведет денежные средства на банковский счет, предложенный преступником.

Фотографии документов, чеков, квитанций и т.п. преступники обрабатывают с помощью программных средств, вносят в них требуемые подложные сведения, которые на экране смартфона, планшета или компьютера без внимательного ознакомления можно не заметить. Кроме того, одной из излюбленных стратегий в действиях преступников при вхождении в доверие к жертве является способ, при котором злоумышленники представляются должностными лицами государственных органов. Используя различные предыстории, обычно связанные с совершением противоправных действий со стороны третьих лиц в отношении потерпевшего или его близких, а также со стороны потерпевшего или его близких, злоумышленники присылают фотографию удостоверения должностного лица какого-либо правоохранительного органа, сотрудником которого они представлялись. В настоящее время нет какой-либо сложности в получении такой фотографии. Так, если в поисковой строке браузера набрать словосочетание «удостоверение сотрудника (пропечатать интересующий орган исполнительной

власти)», то во вкладке «картинки» будет найдено множество образцов, представляющих интерес для злоумышленников. Большинство потерпевших, увидевших фотографию удостоверения, потеряют ощущение здравого скептицизма, после чего будут выполнять действия, продиктованные преступником, а именно сообщат сведения о своих банковских картах, в том числе кодах подтверждения банковских операций, полученных в смс-сообщении из банка, либо же сами переведут онлайн или через банкомат денежные средства на счета преступников.

Во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 преступники осуществляли массовые рассылки сообщений с просьбами о пожертвовании на производство вакцины, с предложением приобрести лекарственные препараты от указанного вируса. Рассылки осуществлялись якобы от лица органов и организаций здравоохранения, например таких, как Всемирная организация здравоохранения, ЮНИСЕФ [3, с. 116]. Такой характерный способ достижения преступного умысла может иметь любую «громкую» основу, например сбор средств на вакцину, пожертвования, гуманитарная помощь погорельцам, стартапы и т.д.

В зависимости от конкретной ситуации результат действий преступников будет квалифицироваться по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Так, в случае получения доступа к сведениям о банковской карте потерпевшего и самостоятельного снятия денежных средств с банковского счета преступником при отсутствии особо крупного материального ущерба его действия будут квалифицироваться по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, т.е. кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, иначе в действиях злоумышленника будут усматриваться признаки преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Следует указать, что при получении доступа к управлению банковским счетом потерпевшего преступник стремится полностью снять накопленные денежные средства, что нередко оборачивается для потерпевшего значительным, крупным либо



особо крупным материальным ущербом. В случае самостоятельных действий потерпевшего по перечислению денежных средств на счет преступника безналичным способом действия последнего можно квалифицировать по ст. 159.3 УК РФ, т.е. мошенничество с использованием электронных средств платежа. При перечислении наличных денежных средств через банкомат потерпевшим действия злоумышленника будут квалифицированы по ст. 159 УК РФ, т.е. мошенничество.

Первостепенными оперативно-розыскными мероприятиями (далее – ОРМ) при выявлении указанных преступлений являются опрос, сбор образцов для сравнительного исследования, наведение справок. Необходимо детально опросить лицо, которое в дальнейшем приобретет статус потерпевшего (далее – потерпевший). В ходе опроса следует выяснить: место, время, способ введения в заблуждение потерпевшего. Выяснить, каким устройством пользовался потерпевший при общении, в каком мессенджере велась переписка, направлялись фотографии, осуществлялись звонки и иные действия, с какого абонентского номера поступали сообщения и звонки. В ходе опроса обязательно необходимо установить, каким образом денежные средства потерпевшего были из его пользования и попали на банковский счет преступника, т.е. путем самостоятельного перевода или после получения доступа со стороны злоумышленника к банковскому счету потерпевшего [5, с. 99]. В ходе выяснения данных фактов также в обязательном порядке необходимо зафиксировать опросом сведения об абонентском номере, о номере банковской карты или банковского счета, куда переводились денежные средства. Дополнительно данные сведения документируются в ходе ОРМ «Получение образцов для сравнительного исследования» в виде скриншотов журнала вызовов, переписки и иных элементов диалога в мессенджере (присланных фотографий, видеозаписей, сведений об абоненте и т.д.). В дополнение к скриншотам фотографий и видеозаписей, присланных злоумышленниками, следует их скачивать во внутреннюю память телефона с целью их документирования и приобщения к

материалам проверки в наиболее детальном виде. Голосовые сообщения рекомендуется документировать с помощью программ записи экрана или видеосъемки экрана другим устройством, путем поочередного проигрывания их в хронологическом порядке. В ходе ОРМ «Наведение справок» целесообразно получить сведения о банковских операциях потерпевшего, запросить детализацию звонков потерпевшего (некоторые операторы сотовой связи в детализации звонков указывают сообщения и звонки, осуществляемые посредством популярных мессенджеров).

В дальнейшем по факту выявленного преступления в соответствии с положениями Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) в рамках исполнения поручения следователя (дознавателя) или в ходе ведения дела оперативного учета для раскрытия указанных преступлений будет проводиться комплекс ОРМ, среди которых не последнюю роль будут играть прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации. Данные мероприятия входят в перечень ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан (абз. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД), в связи с чем могут проводиться не иначе как по судебному решению либо при наличии обстоятельств, не терпящих отлагательств, которые могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, проводятся по мотивированному постановлению руководителя органа, осуществляющего ОРД, с уведомлением в течение двадцати четырех часов суда и с получением в течение сорока восьми часов судебного решения. При этом важным условием возможности получения решения суда является то, что противоправное деяние относится к категории преступлений, по которым предварительное следствие обязательно. Кража с банковского счета, т.е. преступление, предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является тяжким, предварительное следствие по которому обязательно, обстоятельств, препятствующих получению санкции суда на проведение



ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, нет. При квалификации деяний преступников по ст. 159 УК РФ или ст. 159.3 УК РФ возможность получения санкции суда на производство ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, образуется только со вторых частей данных статей УК РФ ввиду того, что первые части указанных статей находятся в подследственности органа дознания, в связи с чем условие проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, предусмотренное ст. 8 ФЗ об ОРД, не соблюдено.

В круг наиболее вероятных лиц, совершающих вышеуказанные преступления, входят несколько категорий. Так, в первую и самую явную категорию злоумышленников входят лица, ранее судимые за аналогичные преступления, в том числе состоящие на учете в территориальных отделах полиции, состоящие под административным надзором. Кроме того, в указанную категорию входят лица, формально подпадающие под надзор, т.е. ранее осужденные за совершение преступлений, которые согласно положению ст. 15 УК РФ относятся к категории тяжких и особо тяжких, однако в отношении данных лиц по объективным причинам решение суда об установлении административного надзора не выносилось.

Второй категорией субъектов преступной деятельности являются лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, имеющие нелегальный доступ к средствам мобильной связи и сети Интернет и, соответственно, достаточный объем свободного времени и возможностей для реализации своего преступного умысла.

К следующей широкой категории преступников, совершающих вышеописанные преступления, относятся граждане, иностранные граждане, лица без гражданства в возрасте 18-35 лет, независимо от расы, пола, национальности и вероисповедания. Общей чертой, объединяющей столь разрозненный круг субъектов, выступает наличие значительных навыков использования функционала мес-

сенджеров, программного обеспечения электронно-вычислительной техники, а также умения поиска и использования различной информации в сети Интернет. В ходе телефонного мошенничества преступником нередко выступают женщины или мужчины с вежливым и спокойным голосом. Такой психологический прием обеспечивает эффективность вхождения в доверие [2, с. 76].

Лица, совершающие данные преступления, обычно хорошо осведомлены о различных тонкостях и нюансах обстоятельств, в которые они пытаются заставить поверить потерпевших. Например, вхождение в доверие к потерпевшему, ищущему на сайте объявлений возможность приобретения деталей от автомобиля, будет осуществляться лицом, которое имеет достаточные познания в области ремонта транспортных средств, в противном случае успех реализации преступного умысла будет неуклонно стремиться к нулю. Представляясь сотрудником полиции, преступник будет использовать факты, связанные со спецификой работы правоохранительных органов, например использовать в ходе разговора различные юридические термины и словесные обороты.

Круг потенциальных жертв преступных посягательств указанных уголовно наказуемых деяний не ограничен возрастными, национальными, половыми либо социальными критериями. Общим признаком, объединяющим всех потерпевших лиц, выступает наличие технического устройства с установленным мессенджером и доступом к трафику сети Интернет.

Отдельно следует раскрыть особенность рассматриваемых преступлений, касающуюся фактического места их совершения. В первую очередь уникален тот факт, что потерпевший и преступник в момент реализации преступного умысла могут находиться на любом расстоянии, при этом фактическое местонахождение преступника на момент выполнения им противоправных действий, направленных на введение в заблуждение и хищение денежных средств потерпевшего, неизвестно. В связи с этим ранее признание местом совершения преступления зависело



от потерпевшего. В зависимости от характера действий потерпевшего местом окончания совершения преступления могло выступать его фактическое местонахождение на момент выбытия денежных средств из его распоряжения либо же иное место [4, с. 33]. В первом случае место преступления прямо связано с местонахождением потерпевшего, когда фактически происходит хищение наличных денежных средств, например при зачислении их в терминал банкомата и переводе на банковский счет преступника. Второй случай касается безналичных денежных средств. Хищение, в свою очередь, происходит с банковского счета, открытого в определенном территориальном подразделении банковской организации, имеющей фактический и юридический адрес, в связи с чем судебная практика трактовала место открытия банковского счета как место совершения преступления. На настоящий момент согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) от 15 декабря 2022 г. N 38 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» внесены изменения в ряд постановлений Пленума ВС РФ, в том числе касающихся хищения безналичных денежных средств. Так, согласно абз. 3 п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств. Аналогичный подход установлен в постановлении Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. N 293 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Согласно п. 25.2. указанного постановления местом совершения преступления, предусмотренного п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является, как правило, место совершения лицом действий, направленных на незаконное

изъятие денежных средств (например, место, в котором лицо с использованием чужой или поддельной платежной карты снимает наличные денежные средства через банкомат либо осуществляет путем безналичных расчетов оплату товаров или перевод денежных средств на другой счет).

Рассматриваемые преступления на настоящий момент представляют весомую угрозу благополучию населения Российской Федерации, что подтверждается их долевым значением от всего количества преступлений, совершенных за отчетный период, и неуклонным ростом, а также значительными материальными потерями со стороны потерпевших. Данные обстоятельства не могут не вызвать опасения со стороны правоохранительных органов России. В соответствии со ст. 2 ФЗ об ОРД одной из задач оперативно-розыскной деятельности значителен предупредительный характер. Ее можно, с одной стороны, охарактеризовать, как деятельность, направленную против преступности, в целях удержания ее на минимальном значении посредством устранения или нейтрализации порождающих ее причин (профилактические мероприятия). Так, наиболее целесообразным профилактическим мероприятием в отношении рассматриваемых преступлений является информирование потерпевших, лиц, с ними связанных, в том числе через самих потерпевших, по заявленным или выявленным преступлениям, формирование критического отношения к подобного рода фактам, первоначальному анализу происходящих событий с точки зрения формальной логики [1, с. 34].

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что раскрытие охарактеризованных преступлений невозможно без инициативного и своевременного документирования в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, обстоятельств уголовно наказуемых деяний, направленных на хищение имущества, сопряженных с использованием мессенджеров как средств вхождения в доверие, тогда как пропаганда скептического отношения к общению с неизвестными лицами посредством мессенджеров, особенно ведущих тематику общения к переводу денеж-



ных средств, а также к получению доступа к платежным банковским картам, есть самое

действенное средство по предотвращению указанных преступлений.

### Библиографический список

1. Баранов, А.А. Предупреждение краж и мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А.А. Баранов, Е.А. Соломатина // Криминологический журнал. – 2021. – N 1. – С. 30-34.
2. Варфоломеева, В.А. Исследование вопросов мошенничества с электронными банковскими платежами / В.А. Варфоломеева, Н.А. Иванова // Вестник Академии права и управления. – 2022. – N 1 (66). – С. 75-78.
3. Густова, Э.В. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) / Э.В. Густова, М.А. Куликова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – N 4. – С. 115-120.
4. Рускевич, Е.А. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации хищений с банковского счета потерпевшего, а равно в отношении электронных денежных средств / Е.А. Рускевич // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – N 4 (72). – С. 29-33.
5. Шайдуллина, Н.Р. Особенности документирования и раскрытия преступлений, связанных с хищением денежных средств, совершенных с использованием безналичных расчетов / Н.Р. Шайдуллина, Р.А. Родыгин // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2021. – N 3 (7). – С. 97-101.
6. Шашин, Д.Г. Специальный повод для возбуждения уголовного дела: проблемы правоприменения / Д.Г. Шашин // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2014. – N 1 (68). – С. 46-51.
7. Штрассер, Г. Преступность на службе общества, или: что мог бы сказать Эмиль Дюркгейм о профилактике преступности в местных сообществах / Г. Штрассер, Х.Й. ван ден Бирк // Преступность и борьба с ней. Новейшие правовые исследования : сборник научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 8-13.



**Елизавета Юрьевна ЗАМУРУЕВА,**

адъюнкт Орловского юридического института  
МВД России имени В.В. Лукьянова

*kibalina1456@yandex.ru*

**МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОГРАНИЧЕНИЕМ  
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД:  
ТРЕБУЕТСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ**

**PREVENTIVE MEASURES CONNECTED WITH LIMITATION  
OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS:  
LEGISLATIVE IMPROVEMENT IS REQUIRED**

Автор обосновывает, что не только запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, но также подписка о невыезде и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым характеризуются ограничениями конституционных прав и свобод человека, следовательно, для их избрания уже в рамках предварительного расследования требуется судебное решение. Учитывая то, что суд не является стороной защиты или обвинения, все его действия по избранию мер пресечения, связанных с указанными ограничениями, являются легитимными. На основе анализа точек зрения процессуалистов, опыта зарубежного законодательства автор аргументирует вывод о необходимости создания института специализированных (следственных) судей, компетентных принимать решение о применении мер пресечения.

The author argues that not only the prohibition of certain actions, bail, house arrest and detention, but also a written undertaking not to leave the place and looking after a minor suspect \ the accused are characterized by restrictions of the constitutional rights and freedoms of a person; therefore, a judicial decision is required for their selection within the preliminary investigation. Taking into consideration that the court is not a party of the defense or the prosecution, all its actions are legitimate for selection of preventive measures, related to these restrictions. Based on the analysis of the proceduralists' points of view and the experience of foreign legislation, the author proves the necessity for creation an institution of specialized (investigative) judges, competent to make decisions on the implementation of preventive measures.

**Ключевые слова:** меры пресечения, общие условия, следственный судья, конституционные права и свободы, легитимность, судебный контроль, правосудие.

**Keywords:** *preventive measures, general conditions, investigative judge, constitutional rights and freedoms, legitimacy, judicial control, justice.*

**В** соответствии со ст. 97 УПК РФ в досудебном производстве следователь и дознаватель вправе избирать такие обеспечительные меры, как подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение

командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Для применения запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу требуется судебное



решение. В ходе судебного разбирательства избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого уполномочен суд (ч. 1 ст. 255 УПК РФ).

Необходимость судебного решения для реализации мер пресечения уже на этапе предварительного расследования объясняется тем, что меры уголовно-процессуального воздействия, предусмотренные ст. 105-108 УПК РФ, ограничивают конституционные права личности (на свободу и личную неприкосновенность, частную собственность (ст. 22, 35 Конституции РФ)). В соответствии с положениями Основного закона нашей страны ограничение основных прав и индивидуальных свобод может производиться исключительно на основании судебного решения. При этом законодатель исходит из того, что для остальных мер пресечения достаточно постановления следователя или дознавателя, так как они в меньшей степени затрагивают права и свободы подозреваемого, обвиняемого. В связи с этим возникает вопрос: не ограничивают ли конституционные права человека меры воздействия, для избрания которых не предусмотрен порядок, предусмотренный ст. 108 УПК РФ?

Обратим внимание, что согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, могут быть обжалованы в районный суд. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. N 1 говорится о возможности каждого человека заявлять требования об устранении допущенных нарушений должностными лицами в ходе досудебного производства, если данные решения повлекли за собой ущемление их прав и свобод. При этом отмечается, что к действиям, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, относятся по-

становления об избрании к подозреваемому и обвиняемому мер процессуального принуждения, за исключением тех мер пресечения, которые применяются по судебному решению<sup>1</sup>. Следовательно, в данном разъяснении Верховного Суда РФ заложена мысль о том, что не только такие обеспечительные меры, как запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, ограничивают права и свободы граждан, но и другие меры пресечения.

В уголовно-процессуальной доктрине также высказывается позиция о том, что в УПК РФ содержатся и иные меры принуждения, которые ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства. Так, по мнению А.В. Спирина, помимо мер пресечения, которые связаны с лишением свободы, имеются такие, которые, например, ограничивают право на свободу передвижения, выбора места жительства [16, с. 176]. О.И. Цоколова отмечает, что «граждане достаточно серьезно относятся к подписке о невыезде... наибольшие ограничения, по их мнению, создает запрет покидать место постоянного проживания, так как поездки ... занимают значительное место в жизни современного человека» [18, с. 8].

Считаем, что, кроме запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу, конституционные права преследуемых лиц затрагивают и другие меры пресечения. Так, право человека на свободное передвижение (ст. 27 Конституции РФ) ограничивают меры воздействия, именуемые подпиской о невыезде и присмотром за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым: в соответствии со ст. 102 УПК РФ лицо, в отношении которого ведется производство, дает обязательство не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда, а согласно ст. 105 УПК РФ такое обязательство в отношении несовершеннолетнего правонарушителя приносят родители, опекуны, попечители, другие заслуживающие доверия лица, а также долж-

<sup>1</sup> О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1.



ностные лица специализированного детского учреждения.

Полагаем, что избрание данных мер пресечения целесообразно передать в полномочия суда. По мнению К.В. Муравьева, в рамках избрания мер пресечения устанавливаются такие запреты, обязательства и ограничения, которые по своему характеру соразмерны с уголовно-правовым воздействием, оказываемым при исполнении наказания и иных мер уголовно-правового характера. Акты применения мер пресечения должны быть не только законными, обоснованными, мотивированными, но и справедливыми. Таким образом, полномочия по их применению должны находиться в юрисдикции суда [13, с. 189].

Вместе с тем вынесение процессуальных актов относительно таких мер обеспечения, как личное поручительство и наблюдение командования воинской части, должно оставаться за органами предварительного расследования. Наш вывод вытекает из положений ч. 1 ст. 103 и ч. 1 ст. 104 УПК РФ, в которых отмечено, что данные меры уголовно-процессуального воздействия применяются для того, чтобы обеспечить подозреваемым и обвиняемым выполнение обязательств, закрепленных в п.п. 2, 3 ст. 102 УПК РФ, т.е. являться в назначенный срок по вызовам дознавателя, следователя и суда, а также не препятствовать производству по уголовному делу. Существенного ущемления конституционных прав и свобод человека при возложении указанных обязательств на подозреваемого, обвиняемого в рамках вышеназванных мер пресечения не происходит. По сути, эти обязательства можно сравнить с обязанностями потерпевшего и других участников уголовного процесса. Ограничений для убытия из постоянного или временного места жительства в рамках реализации этих мер пресечения не заложено. Следовательно, нет необходимости и привлечения к данному вопросу органа судебной власти.

В то же время в научной литературе подчеркивается современное движение в сторону расширения сферы компетенции суда. На сегодняшний день данному органу доверяется разрешение все большего числа конфлик-

тов споров, проблем. При этом само по себе наделение суда новыми полномочиями не гарантирует лучшую защиту конституционных прав граждан. Это подтверждается и статистическими данными, где, например, доля судебных отказов в удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования не растет, а в каких-то случаях даже снижается. Если взять советский период, то прокурор отклонял примерно 30% ходатайств следователя, дознавателя о заключении под стражу, в то время как сейчас суд отказывает в удовлетворении только примерно 10% таких ходатайств [2, с. 16].

Однако если рассматривать ограничение прав граждан с точки зрения легитимации, то от субъекта, принимающего решение об избрании мер пресечения, ограничивающих конституционные права граждан, требуется независимость и беспристрастность, иначе любая легитимация обречена на провал. Мы согласны с мнением Л.В. Головки, что «судебное действие в такой ситуации предстает в качестве процессуализации государственной деятельности, что позволяет создавать институционально и юридически корректные механизмы, в частности в том, что касается ограничения индивидуальных прав» [17, с. 49].

Обратим внимание, что в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран по сравнению с российским регулированием имеется опыт более широкой компетенции судей по вопросам мер пресечения. В ряде государств образуются специализированные суды (судьи), в задачи которых не входит рассмотрение дел по существу, они занимаются только вопросами принуждения. Так, во Франции осуществляют деятельность судьи по свободам и заключению [8, с. 128], в Швейцарской конфедерации функционирует отдельная структура судебных органов по вопросам процессуального принуждения [16, с. 130]. Имеется опыт и в странах ближнего зарубежья. Например, в Кыргызской Республике в ходе досудебного производства принимать решения о применении и продлении всех мер пресечения правомочен следственный судья, т.е. «судья, применяющий меры, ограничивающие права и свободы подозрева-



емого, обвиняемого, осуществляющий судебный контроль за законностью процессуальных действий и решений уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора» (п. 41 ст. 5 УПК КР<sup>1</sup>).

Полемика вокруг образования специализированных (следственных) судей активизировалась в последние годы и в России.

Еще в феврале 2015 г. А.В. Смирновым разработан проект, касающийся введения института следственных судей в нашей стране. Ученый отмечает ряд предполагаемых достоинств деятельности таких специализированных судей. В частности, он указывает, что существующие в настоящее время полномочия судей по аресту плохо совместимы с сохранением независимости и беспристрастности судей при вынесении приговоров, появление же новых субъектов приведет к снижению нагрузки на судей районного уровня, поскольку ряд компетенций будут разделены и переданы следственному судье [14, с. 7-8].

Глава Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин считает, что воссоздание следственных судей может помочь решить ряд проблем, например разорвать обвинительную связь между следователем и судом [9, с. 9]. Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов отметил, что введение института следственных судей возможно с отнесением к его компетенции в числе прочего рассмотрение ходатайств об избрании и продлении меры пресечения [10].

Справедливости ради отметим, что существует и противоположное мнение относительно целесообразности введения в уголовный процесс новой фигуры как гаранта недопущения обвинительного уклона в ходе производства предварительного следствия [4, с. 109]. Например, А.М. Баринов утверждает, что следственный судья будет содействовать стороне обвинения и ожидания в равно-

правии сторон так и останутся несбывшимися [3, с. 267].

По нашему мнению, введение и функционирование следственного судьи в целом может оказать позитивное влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства, позволит решить важный вопрос разделения функций правосудия и судебного контроля. Мы согласны с авторами, отмечающими, что судебный контроль является самостоятельной функцией суда. Несомненно, между данными функциями есть определенные сходства, так как по результату рассмотрения конфликта принимаются процессуальные решения, которые обеспечены государственным принуждением [1, с. 181]. Тем не менее «при рассмотрении дела по существу суд в состязательном процессе занимает относительно пассивную роль арбитра, а реализуя функцию судебного контроля, судья осуществляет контрольные мероприятия, проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора, суд здесь выступает больше в роли контролера, чем арбитра» [1, с. 133-136].

Следует признать, что судебный контроль имеет своим назначением обеспечение законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. В настоящий момент судья, который избрал меру пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, также может по этому же делу рассмотреть жалобу, разрешить ходатайство о производстве следственного действия, а затем исследовать данное уголовное дело по существу и вынести приговор.

Несмотря на рекомендации Пленума Верховного Суда РФ о том, что судья не должен входить в обсуждение вопроса о виновности лица<sup>2</sup>, на практике это требование выполнить достаточно сложно. Если строго следовать данному положению, то судья должен формально принимать решение, полагаясь

1 УПК Кыргызской Республики. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=36313326#pos=43;-50](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=43;-50).

2 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41.



лишь на утверждение должностных лиц органов предварительного расследования. В данной ситуации есть вероятность того, что мера пресечения будет избрана не причастному к вменяемому деянию человеку. Если же судье, наоборот, тщательно проверять представленные в суд материалы, характеризующие событие преступления, исследовать объективную и субъективную сторону состава преступления, анализируя каждое доказательство, то это значит нарушить запрет на вхождение в обсуждение вопроса о виновности. По нашему мнению, тот судья, который избрал меру пресечения, не должен в последующем рассматривать данное уголовное дело. В этой связи нам импонирует позиция ученых, придерживающихся мнения о том, что «санкционировать все меры пресечения, которые касаются лишения либо ограничения конституционных свобод и имущественных прав граждан, должен следственный судья» [15, с. 158].

В настоящее время в России разработаны и предлагаются несколько моделей судебной системы с включением в нее нового элемента – следственных судей. Так, по мнению ученых-правоведов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, институт следственных судей целесообразно предусмотреть на уровне верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области, судов автономных округов. Следственные судьи являлись бы членами указанных судов «как до возложения на них обязанностей следственного судьи, так и после их освобождения от этой функции» [11, с. 71]. Н.Н. Ковтун считает, что «следственный судья – это федеральный орган судебной власти (суд), функционирующий независимо от системы судов общей юрисдикции и реализующий в досудебном уголовном производстве комплекс юрисдикционных и следственных функций, связанных

с разрешением по существу потенциального или имеющегося спора относительно применения существенных мер процессуального принуждения, обеспечения прав и законных интересов участников процесса» [7, с. 45].

Среди многообразия точек зрения нам импонирует позиция Л.В. Головки. На наш взгляд, он правильно считает, что организация института следственных судей на уровне субъекта Федерации не является рациональным решением [8]. Более правильным может стать подход, если такой судья в системе органов судебной власти будет ниже уровнем, чем тот, который рассматривает дело по существу. В последующем он не должен допускаться к рассмотрению этого дела в суде первой инстанции и в контрольных производствах [12, с. 205]. Такую роль может осуществлять мировой судья [6, с. 170].

Итак, полагаем, что не только запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, но также подписка о невыезде и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым характеризуются ограничениями конституционных прав и свобод человека, следовательно, для их избрания уже в рамках предварительного расследования требуется судебное решение. Необходимо создать специализированный судебный орган, который станет решать вопрос о применении мер пресечения, связанных с ограничением конституционных прав и свобод подозреваемого, обвиняемого. Институт следственных судей позволит решить важный вопрос о разделении функций судебного контроля и правосудия, а также повысить законность, обоснованность, мотивированность и справедливость принимаемых решений о мерах пресечения. Необходимо тщательно продумать механизм создания данного института, отделив судей, избирающих меры пресечения, от тех, которые рассматривают дело по существу.



**Библиографический список**

1. Азаров, В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 379 с.
2. Александрова, Л.А. Взаимосвязь функций судебного контроля и правосудия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Л.А. Александрова // Уголовная юстиция. – 2016. – N 1(7). – С. 16-19.
3. Баринов, А.М. Институт следственных судей в Российской Федерации: за или против / А.М. Баринов // Молодой ученый. – 2018. – N 19. – С. 266- 269.
4. Воробей, С.Н. Институт следственных судей в России: проекты и прожекты / С.Н. Воробей, В.Н. Чаплыгина, // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – N 2(91). – С. 103-110.
5. Головкин, Л.В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? / Л.В. Головкин // Zakon.ru. – URL: [https://zakon.ru/blog/2015/3/16/sledstvennyye\\_sudi\\_ili\\_ocherednoj\\_raund\\_amerikanizacii\\_rossijskogo\\_ugolovnogo\\_processa8](https://zakon.ru/blog/2015/3/16/sledstvennyye_sudi_ili_ocherednoj_raund_amerikanizacii_rossijskogo_ugolovnogo_processa8) (дата обращения: 23.04.2022).
6. Деришев, Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России / Ю.В. Деришев, В.В. Николук. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2003. – 198 с.
7. Ковтун, Н.Н. Следственный судья в уголовном судопроизводстве: за и против / Н.Н. Ковтун // Российская юстиция. – 2010. – N 9. – С. 41-45.
8. Ковтун, Н.Н. Судебно-правовая реформа требует, прежде всего, определенности в терминах / Н.Н. Ковтун // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – N 1 (12). – С. 126-130.
9. Конституционно-правовые проблемы российской судебной системы : выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина // Цивилист. – 2013. – N 1. – С. 35-41.
10. Куликов, В. Специалисты по арестам. Вячеслав Лебедев поддержал идею введения следственных судей / В. Куликов // Российская газета. 12.02.2020 Столичный выпуск N 29(8083). – URL: [https://www.vsrif.ru/press\\_center/mass\\_media/28756/](https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/28756/) (дата обращения: 15.04.2022).
11. Моршакова, Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации / Т.Г. Моршакова // Прецеденты и позиции. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – 2015. – Вып. N 4. – С. 70-79.
12. Муравьев, К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография / К.В. Муравьев. – Омск: ОМА МВД России, 2017. – 226 с.
13. Муравьев, К.В. Оптимизация уголовного процесса как форма применения уголовного закона : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Муравьев. – Омск, 2017. – 505 с.
14. Рагулин, А.В. Институт следственных судей – путь к состязательности в уголовном процессе: интервью с Советником Конституционного Суда Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором А.В. Смирновым / А.В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2015. – N 1(14). – С. 7-9.
15. Рудич, В.В. К вопросу о совершенствовании превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу / В.В. Рудич // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – N 4(30). – С. 157-159.
16. Спиринов, А.В. О некоторых аспектах прокурорского надзора за законностью применения мер пресечения в досудебном производстве / А.В. Спиринов // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : материалы международной научно-практической конференции (Омск, 26-28 мая 2022 г.). Омск: ОМА МВД России, 2022. – С. 175-179.
17. Суд и государство / под ред. Л.В. Головкин, Б. Матье. – М.: Статут, 2018. – 270 с.
18. Цоколова, О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности / О.И. Цоколова // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – N 1. – С. 6-9.



**Регина Рушановна УМЯРОВА,**

адъюнкт Нижегородской академии  
МВД России

*regina65765@mail.ru*

## МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОТДЕЛЬНЫМИ СЛЕДСТВЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ: ОБЫСКОМ И ВЫЕМКОЙ

### THE MECHANISM OF IMPLEMENTING OF JUDICIAL CONTROL OVER CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS: SEARCH AND SEIZURE

В статье автор рассматривает особенности производства судебного контроля за «конфиденциальными» следственными действиями – обыском и выемкой, акцентируя внимание на анализе проблемных аспектов их законодательно установленного регулирования. При исследовании уголовно-процессуального законодательства, судебной практики, позиций ученых автор предлагает некоторые пути решения поставленных в статье вопросов для более эффективного функционирования института судебного контроля, как предварительного, так и последующего.

In the article, the author considers the peculiarities of the proceedings of judicial control over «confidential» investigative actions - search and seizure, focusing on the analysis of problematic aspects of their legally established regulation. While studying the criminal procedural legislation, judicial practice, viewpoints of scientists, the author suggests some ways of solving the issues raised in the article for more efficient functioning of the institution of judicial control, both preliminary and subsequent.

**Ключевые слова:** судебный контроль, уголовное судопроизводство, следственные действия, обыск, выемка, следователь.

**Keywords:** *judicial control, criminal proceedings, investigative actions, search, seizure, investigator.*

Одним из способов гарантии обеспечения законных прав и свобод участников уголовного судопроизводства является институт судебного контроля. Последний реализуется в нескольких формах:

– контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан (ч. 2 ст. 29, ст. 165 УПК РФ);

– контроль за отдельными мерами уголовно-процессуального принуждения (ч. 2 ст. 29, ст. 105.1-109 УПК РФ);

– контроль за действиями и решениями органов и субъектов расследования (ст. 125 УПК РФ).

Соответственно, к первой категории и относится контроль за обыском и выемкой. Сущность данной функции суда выражается в получении следователем/дознавателем предварительной санкции (разрешения) суда на производство указанных следственных действий путем обращения к судье с ходатайством о производстве обыска или выемки.



Одним из самых распространенных и сложных следственных действий, производимых по судебному решению, является обыск. Существуют несколько видов обыска в зависимости от объекта исследования: помещений (жилых, нежилых), местности, транспортных средств и личный обыск. Предварительному судебному контролю подлежат только обыск жилища, помещений, предназначенных для адвокатской деятельности, и личный обыск, за исключением ст. 93 УПК РФ<sup>1</sup>.

Основные положения об общем порядке и процессуальном оформлении производства обыска помещений и живых лиц содержатся в ст. 182 и 184 УПК РФ соответственно. В ходатайстве должностному лицу необходимо указать точное место обыска (адрес) и какие конкретно объекты по расследуемому уголовному делу могут там находиться (без детального описания свойственных характеристик). В постановлении нельзя обозначать в качестве цели обыска обобщенные определения («предметы и документы, имеющие значение по уголовному делу»)<sup>2</sup>.

Однако на практике зачастую превалируют именно формальные выражения обоснования обыска в жилище. В.Н. Григорьев, А.В. Победкин и другие подчеркивают, что основанием могут выступать только данные, основанные на уже имеющихся доказательствах [2; 6, с. 212]. В постановлении Пленума Верховного Суда от 1 июня 2017 г. N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» также указано, что, изучая ходатайство следователя о производстве обыска в жилище, суд должен убедиться, что в материалах уголовного дела имеются достаточные данные полагать, что в этом жилом помещении могут нахо-

дятся средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, имеющие значение для уголовного дела. Безусловно, оперативную информацию необходимо учитывать должностному лицу, но обособленно как основание она выступать по закону не может. Например, Астраханский областной суд в апелляционном постановлении вторично отказал в удовлетворении ходатайства следователя о производстве обыска в жилище подозреваемого, так как счел, что одного рапорта оперуполномоченного, в котором не приведены какие-либо конкретные данные, дающие основание полагать о наличии в этом жилище указанных документов и предметов, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, явно недостаточно для обоснования ходатайства о проведении в жилище обыска<sup>3</sup>.

Кроме краткого описания фабулы расследуемого дела в постановлении следователя/ дознавателя о производстве обыска должны содержаться ссылки на уже имеющиеся доказательства (из показаний свидетеля следует...; по результатам осмотра места происшествия можно утверждать... и др.). Однако практика показывает, что суды зачастую признают обоснования ходатайства, основанные на рапорте оперативных сотрудников, достаточными. Так, Липецкий областной суд признал рапорты сотрудников полиции (как итоговые документы о результатах проведенных оперативно-розыскных мероприятий) достаточными основаниями для разрешения проведения обыска в жилище<sup>4</sup>.

А. Брестер указывает, что существует весомая проблема, выраженная в формальном подходе судов к разрешению ходатайств относительно производства обыска. Судебные решения, как он считает, в основном являются полным отражением ходатайства следова-

1 В рамках нашего исследования мы не затрагиваем проблемы судебного контроля за личным обыском.

2 См.: Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека N 11 (2020) : подготовлен Верховным Судом РФ (Дело «Круглов и другие против Российской Федерации» (жалоба N 11264/04) и 15 других жалоб) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2022).

3 Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 14.07.2016 N 22-1342/2016 // Архив Астраханского областного суда.

4 Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 09.07.2015 по делу N 22к-764/2015; Апелляционное определение Липецкого областного суда от 30.07.2013 по делу N 22-1031/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.12.2022).



теля / дознавателя. Проведенное исследование показывает, что за последние несколько лет в изученных А. Брестером судебных документах суд ни разу не запросил дополнительный материал или дополнил ходатайство субъекта расследования своим анализом полученных материалов [1, с. 9].

Содержание обыска заключается в собственном поиске отыскиваемых объектов без каких-либо весомых ограничений (единственное, что не допускается в уголовно-процессуальном законодательстве, – повреждение имущества без должной необходимости). При обыске законно принудительно вскрывать дверные замки, объекты, находящиеся в жилище. Конституционный Суд РФ заостряет внимание, что обыск в значительной мере ограничивает конституционные права на неприкосновенность жилища и тайну частной жизни лица, в жилище которого проводится данное следственное действие<sup>1</sup>.

Необходимо проводить параллель между обыском и выемкой, ведь оба этих следственных действия направлены на изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Главное отличие заключается в том, что при планировании осуществить выемку субъект расследования должен точно знать, в каком конкретно месте, какие конкретно предметы (документы) и у кого необходимо изъять. При обыске следователь/дознаватель может точно не знать об объектах, планируемых к изъятию (может обладать лишь информацией об их отдельных индивидуальных характеристиках) и не располагать сведениями об их месторасположении. Также при производстве выемки исключаются поисковые действия (что является основой обыска).

Каждый год в суд поступают более 120 тысяч ходатайств о производстве обыска или выемки в жилище. В 2021 г. процент положительных решений суда по ходатайствам о производстве обыска или выемки составил 95,2%, в 2020 г. и 2019 г. – 94,8%, в 2018 г.

– 95,1%, в 2017 г. – 95,8%<sup>2</sup>. Высокий уровень вынесения положительных решений судом при сохранении стабильных показателей гласит о формальном подходе суда к рассмотрению указанных ходатайств. Это доказывает и исследование Н.Н. Ковтуна и Е.Н. Сусловой, по данным которых доля удовлетворенных ходатайств на производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище за 2007-2009 годы составила 97,4%, 97,41% и 96,89% [3]. Актуальные показатели свидетельствуют, что тенденция к формализации процедуры проверки судом законности и обоснованности следственных действий крепко устоялась (несмотря на незначительное снижение).

Выемка представляет собой самостоятельное следственное действие, целью которого является изъятие (при необходимости – принудительное) конкретных предметов и документов, имеющих значение по уголовному делу, из точно известного места и у конкретного лица. Выемка законна только по возбужденному уголовному делу. Она производится в соответствии со ст. 183 УПК РФ. Особенность этого следственного действия заключается в ограниченности объектов изъятия – предметов и документов. В связи с этим, независимо от наличия точной информации о том, где и у кого находится разыскиваемое лицо или труп, производится обыск. Фактическим основанием является совокупность достоверных данных (имеющихся доказательств и легализованных результатов ОРД) о конкретном месте расположения индивидуально определенного предмета (документа) и о том, во владении кого именно оно находится. При отказе в добровольной передаче предусмотренных судебным постановлением объектов выемка может носить принудительный характер (за исключением излишних повреждений имущества). Если цель следственного действия не была достигнута и необходимые предметы (документы)

<sup>1</sup> См.: определения Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 N 524-О-П от 26.03.2019 N 713-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.2022).

<sup>2</sup> Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017-2021 гг. / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 03.12.2022).



не были обнаружены, то выемку необходимо завершить с указанием отсутствия объекта в предписанном месте. Если следователь / дознаватель видит основания для производства поисковых действий, то он выносит постановление о производстве обыска (в жилище) по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательств, с дальнейшей проверкой законности и обоснованности его осуществления в суде.

При производстве выемки могут быть изъяты только те объекты, которые были указаны в постановлении суда, поэтому следователю необходимо четко обозначить все предметы, необходимые к изъятию. Кроме постановления должностное лицо должно предоставить в суд копии необходимых материалов уголовного дела, которые обосновывают необходимость осуществления выемки.

В общем порядке выемка производится по постановлению следователя (дознателя). Для нас актуальны отдельные виды выемки, которые производятся только по судебному решению. К таковым видам выемки относятся: в жилище; заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях (ст. 183 УПК РФ). Кроме того, суд контролирует выемку в отношении адвоката и почтово-телеграфной корреспонденции. Однако последнее следственное действие выделяется отдельно, в совокупности с наложением ареста и осмотром корреспонденции.

Возникает вопрос: почему законодатель предусмотрел контроль со стороны суда за отдельными видами выемок в нежилых помещениях, а обыск не учел. Такая позиция кажется иррациональной. Однако Консти-

туционный Суд РФ указывает, что «взаимосвязанные положения п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 и ч. 1 ст. 182 УПК РФ предполагают предварительный судебный контроль в отношении производства обыска в целях обнаружения и изъятия орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, а также предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, в частности в случаях, когда такие предметы и документы содержат охраняемую федеральным законом тайну, включая адвокатскую»<sup>1</sup>. Тем самым Конституционный Суд РФ указывает на распространение судебного контроля за конфиденциальной информацией и на обыск, что связано со специфическим характером сведений, имеющих в изымаемых предметах и документах.

Судебная практика складывается противоречиво, причем зачастую органы расследования такой законодательный пробел применяют в личных целях, подменяя одно следственное действие другим. Однако суды в таком случае могут признать обыск недопустимым доказательством при наличии оснований для производства выемки (следователю точно известно из показаний подозреваемого о конкретном предмете, находящемся в ломбарде)<sup>2</sup>.

В отдельных случаях, наоборот, для исключения дальнейшего обжалования субъекты расследования получают судебные решения<sup>3</sup> (хотя суды указывают на отсутствие требований по получению судебного решения на производство обыска в ломбарде<sup>4</sup>).

Мы считаем, что для защиты конституционных прав и свобод граждан и рационализации уголовно-процессуального законодательства отдельные основания должны учитываться и при производстве судебного контроля за обыском (как и при контроле за выемкой конкретных видов). Конечно, сложно преду-

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 N 33-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.12.2022).

2 Постановление районного суда г. Омска от 18.07.2016 N 1-304/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.04.2022).

3 Апелляционное постановление областного суда г. Томска от 02.10.2014 N 22К-1662/2014. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.04.2022).

4 Определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 14.09.2012 N 22-6786/2012. URL: <https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/458960668> (дата обращения: 13.04.2022).



смотреть в законодательстве конкретный вид обыска, так как он состоит из поисковых действий, и точно предугадать, какие предметы и документы будут изъяты, не представляется возможным. Однако, если обыск проводится в ломбарде или в кредитной организации, скорее всего, будут изыматься предметы и документы, предусмотренные п. 5.1 и п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ (заложённые или сданные на хранение в ломбард вещи, предметы и документы, содержащие информацию о вкладах и счетах граждан, и др.).

Относительно изъятия вещей из ломбарда необходимо отталкиваться от изначального мотива введения данной нормы в УПК РФ, который заключался в защите прав собственника [8, с. 139-142] (в соответствии со ст. 35 Конституции РФ гражданин может быть лишен права собственности только по судебному решению)<sup>1</sup>. При производстве обыска также реализуется изъятие имущества, а собственник лишается права пользоваться и распоряжаться им, что нарушает его конституционные права.

Выемка документов (предметов), содержащих данные о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, в основном производится для последующей реализации наложения ареста на имущество (ч. 7 ст. 115 УПК РФ). Однако до выемки субъекту расследования необходимо убедиться в наличии необходимых документов о вкладах и счетах в конкретном банке или иной кредитной организации (с указанием точной суммы вклада на день поступления запроса). Поэтому в ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. N 395-1 «О банках и банковской деятельности» указано, что справки по счетам и вкладам физических лиц могут выдаваться как суду, так и органу предварительного расследования по делам, находящимся в их производстве, при согласии руководителя следственного органа.

Таким образом, при вынесении ходатайства об осуществлении выемки документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, следователю/дознавателю необходимо предоставить в суд, помимо постановления и соответствующих копий сопровождающих материалов (постановления о возбуждении уголовного дела и др.), копии доказательств с содержанием информации о наличии ущерба и его размере (допрос потерпевшего, допрос специалиста, результаты экспертизы и др.); справку по счетам и вкладам физического лица, полученную от определенного банка или кредитной организации (официальный ответ кредитной организации на запрос органа предварительного расследования); документ, подтверждающий обязательство материальной ответственности конкретного гражданина за действия подозреваемого/обвиняемого (при необходимости) [4, с. 127-129].

Выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну. В соответствии с Законом РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 государственная тайна представляет собой защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Указом Президента РФ утвержден перечень сведений, составляющих государственную тайну<sup>2</sup>.

В п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ также содержится понятие «иная охраняемая федеральным законом тайна», к которым относят следующие ее виды, не предусмотренные в ст. 29 УПК РФ)<sup>3</sup>:

– тайна следствия и судопроизводства, а также сведений о защищаемых лицах и мерах государственной защиты (Федеральный

1 К проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О ломбардах» и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: пояснительная записка // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2022).

2 Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента РФ от 30.11.1995 N 1203// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

3 Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа: справочная информация// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).



закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», ст. 161 УПК РФ, ст. 310 УК РФ и др.);

– коммерческая тайна (Федеральный закон от 29 июля 2004 г. N 98-ФЗ «О коммерческой тайне», ст. 183 УК РФ и др.);

– тайна персональных данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных», ст. 137 УК РФ и др.);

– налоговая тайна (ст. 102 Налогового Кодекса РФ, ст. 183 УК РФ и др.);

– врачебная тайна (ст. 13, 92 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 9 Закона РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и др.).

Выемка медицинских документов, в которых имеются сведения о психическом расстройстве гражданина, фактах обращения в психиатрические учреждения и лечения в них (составляющей врачебную тайну, охраняемую законом<sup>1</sup>), что соответствует п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, производится на основании судебного решения [7, с. 224].

По запросу органов предварительного расследования при проведении расследования или в связи с судебным разбирательством можно получить сведения, составляющие врачебную тайну (факт обращения за медицинской помощью, состояние здоровья, диагноз и иную информацию, полученную при медицинском обследовании и лечении гражданина), без судебного решения и без согласия гражданина (или его законного представителя) [5], что предусмотрено ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ;

– нотариальная тайна (ст. 16 и 28 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4462-1 и др.);

– аудиторская тайна (ст. 9 ФЗ от 30 декабря 2008 г. N 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» и др.) и другие виды тайн.

Таким образом, мы считаем рациональным модифицировать п. 5.1 и п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ и установить:

– п. 5.1 ч. 2 ст. 29: «о производстве обыска и выемки в целях изъятия заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи»;

– п. 7 ч. 2 ст. 29: «о производстве обыска и выемки в целях изъятия предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях».

Соответственно, в исключительных случаях при необходимости изъятия предметов и документов, содержащих в себе конфиденциальные сведения или заложенных или сданных на хранение в ломбард, будет действовать ч. 5 ст. 165 УПК РФ, так как при обыске мы не можем заранее предугадать возможность обнаружения документов и предметов, содержащих конфиденциальную информацию. Поэтому мы видим целесообразным изложить ч. 5 ст. 165 УПК РФ в следующей редакции: «В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки или обыска в целях изъятия заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, выемки или обыска в целях изъятия предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения».

<sup>1</sup> О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.04.2022).



**Библиографический список**

1. Брестер, А. Обыск, осмотр, обследование: права человека и интересы следствия / А. Брестер. – М.: Институт права и публичной политики, 2022. – 74 с.
2. Кальницкий, В.В. Следственные действия : учебное пособие / В.В. Кальницкий. – 2-е изд. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 172 с.
3. Ковтун, Н.Н. Эффективность оперативного судебного контроля / Н.Н. Ковтун, Е.Н. Суслова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3. – С. 6-14.
4. Корнуков, В.М. Проблемы выемки предметов и документов и истребования сведений, содержащих банковскую тайну / В.М. Корнуков, Н.В. Неверова // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 126-130.
5. Сорокина, Д.А. Врачебная тайна - порядок предоставления сведений и ответственность за их разглашение / Д.А. Сорокина // Актуальные проблемы управления здоровьем населения : тематический сборник научных трудов по результатам второй всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Нижний Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2019. – С. 326-330.
6. Справочник следователя / Ю.В. Гаврилин, В.Н. Григорьев, А.В. Победкин [и др.]. – М.: Эксмо, 2008. – 752 с.
7. Уголовный процесс : учебник для академического бакалавриата / под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. – 6-е изд. – М.: Юрайт, 2017. – 490 с.
8. Хайдаров, А.А. Проблемы получения следователем (дознавателем) разрешения на производство обыска и выемки в ломбарде / А.А. Хайдаров // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 138-144.



**Зелимхан Вахитович БИЦИЕВ,**

Адвокат адвокатской палаты  
Чеченской Республики

*bitsiev@mail.ru*

**ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ  
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 314.1 УК РФ,  
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**PROBLEMS OF THE LEGISLATIVE STRUCTURE  
OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 314.1  
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH  
THE PRISM OF THE OBJECT OF THE CRIME**

В статье подвергается критическому анализу объект преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, на различных уровнях. Автор обосновывает вывод о том, что действующая законодательная конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, как многообъектного преступления вступает в противоречие с заложенной в Особенной части уголовного закона иерархией объектов, а также не отвечает сложившимся в уголовном праве и законодательстве традиционным параметрам составов преступлений с административной преюдицией, в связи с чем современная правовая регламентация ст. 314.1 УК РФ нуждается в совершенствовании, и предлагает возможный вариант решения проблемы.

The article critically analyzes the object of the crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation at various levels. The author substantiates the conclusion that the current legislative structure of the corpus delicti provided for in part 2 of art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as a multi-object crime, contradicts the hierarchy of objects laid down in the Special Part of the Criminal Law, and also does not meet the traditional parameters of crimes with administrative prejudice established in criminal law and legislation, in connection with which the modern legal regulation of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation needs improvement, and offers a possible solution problems.

**Ключевые слова:** административный надзор, уголовная ответственность, объект преступления, уклонение от административного надзора, правосудие, государственная власть, административная преюдиция.

**Keywords:** *administrative supervision, criminal liability, object of crime, evasion of administrative supervision, justice, state power, administrative prejudice.*

**В**озрожденный в современном отечественном законодательстве институт административного надзора получил новое развитие. Он активно применяется на прак-

тике и выступает в настоящее время одним из эффективных средств противодействия рецидивной преступности в нашей стране. Во многом эффективность мер администра-



тивного надзора, регулируемого Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон «Об административном надзоре») обусловлена наличием двух корреспондирующих видов ответственности за нарушение требований административного надзора: административной (ст. 19.24 КоАП РФ) и уголовной (ст. 314.1 УК РФ). Некоторые проблемные аспекты последней из них, обусловленные спецификой объекта данного преступного посягательства, будут рассмотрены нами далее.

Как известно, в основе построения системы Особенной части УК РФ лежит классификация объектов «по вертикали», в рамках которой принято выделять 4 вида объекта: общий, родовый, видовой и непосредственный.

Представляется нецелесообразным уделять внимание рассмотрению общего объекта анализируемого преступного посягательства по причине того, что, как отмечается в теории уголовного права, общий объект един для всех видов конкретных преступлений. Соответственно, для уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений, общий объект не обладает какой-либо спецификой.

Как следует из законодательного закрепления преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти» родовым объектом выступают «общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти» [5, с. 50; 13, с. 78]. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет власть, как «право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле; политическое господство, государственное управление и его органы».

В соответствии со ст. 10 Конституции РФ «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и су-

дебную». Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Как следует из содержания ст. 11 Конституции РФ, государственная власть осуществляется посредством деятельности федеральных государственных органов и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Кроме того, в соответствии со ст. 132 Конституции РФ «органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями». Из этого следует, что посягательство на нормальную деятельность органов местного самоуправления образует посягательство на интересы государственной власти. Однако, согласно ст. 12 Конституции РФ, «местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно», а «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». В соответствии с данным положением нарушение нормальной деятельности органов местного самоуправления, напротив, нельзя рассматривать в качестве посягательства на интересы государственной власти.

Обозначенное несоответствие порождает в научном сообществе полемику относительно содержания государственной власти как объекта уголовно-правовой охраны, где основным предметом споров является вопрос: стоит ли относить органы местного самоуправления и их законные интересы к государственной власти? В уголовно-правовой доктрине предлагаются разнообразные варианты решения обозначенной проблемы [3, с. 439].

Несмотря на важность данной проблемы, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 314.1 УК РФ, она не является столь актуальной, поскольку, как следует из содержания норм Федерального закона «Об административном надзоре», в деятельности по установлению, продлению, прекращению и осуществлению административного надзора органы местного самоуправления не принимают непосредственного участия. Так, согласно ст. 6 и 7 Федерального закона «Об административном надзоре» административный надзор устанавливается, продляется и



прекращается исключительно судом на основании заявлений исправительного учреждения или органа внутренних дел. Все перечисленные органы входят в систему органов государственной власти, а не органов местного самоуправления. В соответствии со ст. 8 рассматриваемого Федерального закона сам административный надзор за поднадзорным лицом осуществляется органом внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения поднадзорного лица. Согласно приказу МВД России от 8 июля 2011 г. N 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» в осуществлении административного надзора участвуют преимущественно участковые уполномоченные полиции, а также иные подразделения и службы органов внутренних дел в пределах своей компетенции (например, сотрудники патрульно-постовой службы полиции; дежурных частей территориальных органов и др.).

Нам в большей степени импонирует позиция тех ученых, которые опираются на действующее отечественное законодательство, прежде всего Конституцию РФ, в соответствии с которой органы местного самоуправления не включены в систему органов государственной власти.

Таким образом, родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное, законное функционирование государственной власти, реализуемой в деятельности федеральных государственных органов и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Исходя из названия главы 31 УК РФ видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие реализацию правосудия. В юридической доктрине правосудие определяется по-разному. На сегодняшний день в правовой науке можно выделить два основных подхода к рассматриваемому виду объекта: «широкий» и «узкий».

Согласно «узкому» подходу, правосудие трактуется исключительно как «деятельность судебных органов» [11, с. 511]. Данный подход базируется, прежде всего, на действующем конституционном законодательстве. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 118 Конституции РФ «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Аналогичное положение закреплено и в ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». «Узкий» (или, как его еще называют, «процессуальный») подход к пониманию правосудия получил широкое распространение в конституционном праве, а также среди ученых-процессуалистов [6, с. 17; 10, с. 60.].

В доктрине уголовного права большую поддержку среди ученых-материалистов получил «широкий» подход к пониманию правосудия. Согласно указанному подходу, правосудие – это не только деятельность суда, но и деятельность других правоохранительных органов, оказывающих содействие суду в отправлении правосудия (органов прокуратуры, предварительного следствия, исполняющих судебные решения) [9, с. 280]. Стоит заметить, что именно «широкий» подход к толкованию правосудия в полной мере соответствует позиции законодателя, обозначенной в уголовном законе. Представляется, что именно по этой причине «широкий» подход к пониманию правосудия нашел обширную поддержку в отрасли уголовного права. Как верно отмечает Л.В. Лобанова, «деятельностью по отправлению правосудия объект посягательств, включенных в главу 31 УК РФ, не ограничивается» [9, с. 25]. Многие специалисты в области уголовного права обращают внимание на тот факт, что термин «правосудие», используемый в уголовном законодательстве и в теории уголовного права, не соответствует его буквальному толкованию в «узком» («процессуальном») смысле [12, с. 8].

Из содержания статей, включенных в главу 31 УК РФ, следует, что термин «правосудие» в широком смысле охватывает как досудебную, так и судебную процессуальную деятельность, а также исполнительное про-



изводство в части исполнения судебных решений. Надлежащая реализация интересов правосудия во многом зависит от должного уголовно-правового обеспечения деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, органов и учреждений, исполняющих судебные акты. Такие органы создают необходимые условия для реализации судом его полномочий по отправлению правосудия и обеспечению выполнения судебных решений. Соответственно, уголовно-правовая защита правосудия как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны состоит не только в защите общественных отношений, возникающих в ходе непосредственно деятельности судов по отправлению правосудия, но и в защите тех отношений, которые обеспечивают предпосылки для ее осуществления, а также реализацию ее результатов.

На основании вышеизложенного можно заключить, что под видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, следует понимать общественные отношения по обеспечению нормальной, регламентируемой действующим законодательством деятельности суда по отправлению правосудия, а также иных правоохранительных органов, направленной на реализацию целей и задач правосудия.

Необходимо определиться и с непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ. Представляется, что при определении непосредственного объекта данного посягательства целесообразно отталкиваться от понятия и целей самого административного надзора, т.к. через дефиницию и предназначение данного правового явления возможно уяснить сущность общественных отношений, им обусловленных.

Легальное понятие административного надзора закреплено в ст. 1 Федерального закона «Об административном надзоре», в соответствии с которым «административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с настоящим Федеральным законом временных

ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом». Целевое предназначение административного надзора регламентировано в ст. 2 этого же Федерального закона, где указано, что «административный надзор устанавливается для предупреждения совершения лицами, указанными в ст. 3 настоящего Федерального закона, преступлений и других правонарушений, оказания на них индивидуально-профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов». Аналогичным образом цель административного надзора сформулирована и Высшей судебной инстанцией в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. N 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Факт нормативного закрепления понятия и предназначения административного надзора свидетельствует, на наш взгляд, об особой важности данных правовых категорий. Поэтому считаем, что сущность и цели административного надзора должны найти отражение в определении непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ.

В уголовно-правовой доктрине предлагается множество различных вариантов определений непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, однако далеко не во всех из них авторы обращают внимание на сущность и цели административного надзора [1, с. 90; 7, с. 215; 8]. Большинство авторов, раскрывая содержание непосредственного объекта, ограничиваются указанием на то, что речь идет об отношениях, связанных с административным надзором, не конкретизируя при этом, в чем состоит специфика данных общественных отношений и каким образом они связаны с другими видами объектов в рамках классификации «по вертикали», в то время как в соответствии с указанной классификацией, на основе которой законодателем выстроено



на Особенная часть УК РФ, непосредственный объект должен соотноситься с видовым и родовым объектами по принципу «части и целого». По нашему мнению, в определениях всех видов объектов такая связь должна прослеживаться. Именно по этой причине считаем целесообразным в определении непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, отразить сущность административного надзора, а также его целевое предназначение.

С учетом вышеизложенного, основной непосредственный объект преступного посягательства, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, можно сформулировать следующим образом – общественные отношения, обеспечивающие соблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор (поднадзорным лицом), временных ограничений его прав и свобод, а также выполнение им обязанностей, установленных судом в соответствии с действующим законодательством в целях защиты государственных и общественных интересов, предупреждения совершения поднадзорным лицом преступлений и других правонарушений, оказания на него индивидуального профилактического воздействия.

Детальный анализ объектов преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, на всех уровнях позволил обратить внимание и сформулировать проблему, основанную на несоответствии его действующей законодательной конструкции принципам построения системы Особенной части уголовного закона по объекту преступления (классификации объектов преступления «по вертикали»).

Для начала обратим внимание на то, что ст. 314.1 УК РФ включает в себя две части, каждая из которых, образует самостоятельный основной состав преступления. При этом один из составов рассматриваемого преступного посягательства (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ) сконструирован законодателем в виде состава преступления с административной преюдицией. Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, не является преюдиционным. Несмотря на широкое использование современным законодателем

административной преюдиции в уголовном законе, ее наличие в рамках уголовно-правовой нормы, как правило, порождает и в теории уголовного права, и в правоприменительной практике немало проблем в сфере квалификации таких составов преступлений. Наличие в рамках одной уголовно-правовой нормы двух основных составов преступлений, где лишь один из них содержит административную прелюдию, является весьма нетипичным явлением для Особенной части УК РФ.

Однако на этом особенности законодательной конструкции ст. 314.1 УК РФ не заканчиваются. Еще более нетипичной, как с точки зрения составов преступления с административной преюдицией, так и с точки зрения состава преступления в целом, конструктивной особенностью анализируемого состава преступления выступает указание в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ на обязательное наличие «сопряженности» с другими административными правонарушениями, которые никак не связаны с административным надзором. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «термин «сопряженное» используется законодателем в нескольких статьях уголовного закона, в том числе в ч. 2 ст. 105 УК РФ. В п.п. 7, 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» «сопряженность» определяется через слова «в связи», «в процессе» [2, с. 28; 11, с. 43]. Значит, согласно ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, привлечение к уголовной ответственности по данной части анализируемой уголовно-правовой нормы возможно лишь в случае одновременного соблюдения следующих условий: 1) лицо неоднократно (т.е. два раза в течение одного года) привлекалось к административной ответственности по ч. 1 и по ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ; 2) лицо в третий раз совершает нарушение правил административного надзора одновременно с совершением другого административного правонарушения, прямо указанного в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Ряд составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ, сформулиро-



ваны законодателем в виде многообъектных, где наряду с основным непосредственным объектом преступного посягательства можно выделить как минимум еще один дополнительный непосредственный объект в рамках классификации объектов «по горизонтали». Законодательная конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, на первый взгляд свидетельствует о том, что данный состав преступления относится как раз к числу многообъектных, на что указывает использование законодателем термина «сопряженность». Однако, если обратиться к постатейным комментариям УК РФ и к самостоятельным исследованиям уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений, то нигде не упоминается о многообъектности рассматриваемого преступного посягательства.

Полагаем, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 314.1 УК РФ не рассматривается в качестве многообъектного по ряду причин. Во-первых, законодатель указывает в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы на сопряженность не с другими преступлениями (как это сформулировано в ч. 2 ст. 105 УК РФ), а с другими административными правонарушениями. Составы административных правонарушений, а равно охраняемые ими общественные отношения находятся за пределами уголовно-правового регулирования и не входят в объект уголовно-правовой охраны. Во-вторых, как следует из положений ранее упоминаемого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1, сопряженность предполагает одновременную квалификацию сразу двух сопряженных составов преступлений, каждый из которых содержит самостоятельный непосредственный объект. Например, как указано в п. 7 данного постановления «при квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника» содеянное должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 126 или ст. 206 УК РФ». Представляется, что допол-

нительный непосредственный объект в таких случаях выделять нецелесообразно, так как сопряженность не преобразует состав преступления в многообъектный. Соответственно преступление, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ нельзя признать многообъектным.

С учетом вышеизложенного возникает вполне закономерный вопрос: насколько с точки зрения принципов построения системы Особенной части уголовного закона по объекту преступления обоснованно указание в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ на сопряженность с административными правонарушениями, которые абсолютно никак не связаны с общественными отношениями в сфере административного надзора?

В рассматриваемой уголовно-правовой норме законодатель к числу сопряженных административных правонарушений отнес правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ) (глава 19 КоАП РФ), правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (глава 20 КоАП РФ), правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность (глава 6 КоАП РФ, либо административные правонарушения, предусмотренные ч. 7 ст. 11.5 КоАП РФ (управление воздушным судном лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо уклонение лица, управляющего воздушным судном, от прохождения в установленном порядке медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо передача управления воздушным судном лицу, находящемуся в состоянии опьянения), ст. 11.9 КоАП РФ (управление судном судоводителем или иным лицом, находящимся в состоянии опьянения), ст. 12.8 КоАП РФ (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения), ст. 12.26 КоАП РФ (невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения).



Очевидно, что перечисленные виды административных правонарушений никак не связаны с возложенным на лицо административным надзором, ни даже со сферой правосудия в «широком», ни тем более с правосудием в «узком» смысле. Более того, данные правонарушения не являются тождественными и не являются даже однородными. Как верно подмечают некоторые специалисты, совершение большинства данных правонарушений поднадзорным лицом наряду с несоблюдением запретов и ограничений, обусловленных административным надзором, в принципе маловероятно. К примеру, В.А. Василенко отмечает, что «исходя из анализа КоАП РФ, в указанных главах содержится порядка 300 составов правонарушений. И далеко не каждое из них реально может быть совершено лицом, в отношении которого установлен административный надзор» [4, с. 203].

Итак, отвечая на поставленный выше вопрос, вынуждены констатировать, что в настоящее время законодательная конструкция преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, не соответствует принципам построения системы Особенной части УК РФ по объекту преступления, поскольку общественные отношения, на которые посягает виновный при совершении сопряженных административных правонарушений, перечисленных в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, выходят за рамки непосредственного, видового, родового объекта рассматриваемого преступления.

В целях устранения обозначенного противоречия в ст. 314.1 УК РФ следует внести ряд изменений, направленных на приведение ее законодательной конструкции в соответствии с принципами построения системы Особенной части уголовного закона по объекту преступления. Для этого необходимо исключить из диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ указание на сопряженность с другими административными правонарушениями. На наш взгляд, исключение «сопряженности» как обязательного криминообразующего признака ч. 2 ст. 314.1 УК РФ не повлияет принципиальным образом на общественную опасность данного состава преступления. Полагаем, что в подавляющем большинстве случаев злостное, неоднократное (более двух раз) несоблюдение поднадзорным лицом возложенных на него судом запретов и ограничений в рамках административного надзора за непродолжительное время явно свидетельствует о наличии у поднадзорного лица стойкой сформировавшейся установки на дальнейшее игнорирование режима административного надзора, что обуславливает необходимость применения к нему более строгих мер уже уголовной, а не административной ответственности, вне зависимости от совершения им при этом иных, сопряженных административных или иных правонарушений.

### Библиографический список

1. Астахова, А.О. Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с Федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук / А.О. Астахова. – Омск, 2017.
2. Бавсун, М.В. Вопросы применения ч. 2 ст. 314.1 УК РФ / М.В. Бавсун, Н.В. Вишнякова // Законодательство и практика. – 2015. – N 1.
3. Басова, Т.В. Современная трактовка объекта должностных преступлений / Т.В. Басова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – N 3.
4. Василенко, М.М. К вопросу определения конструктивных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом



ограничения или ограничений» / М.М. Василенко // Евразийский юридический журнал. – 2017. – N 4 (107).

5. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики / Б.В. Волженкин. – СПб., 2005.

6. Камардина, А.А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве / А.А. Камардина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – N 3 (164).

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 2 / под ред. А.В. Бриллиантова. – М., 2015.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Разделы X - XII (постатейный). Т. 4 / отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 2017.

9. Лобанова, Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л.В. Лобанова. – Волгоград, 1999.

10. Надеяева, Т.В. Современное понятие и сущность правосудия в Российской Федерации / Т.В. Надеяева // Российский юридический журнал. – 2011. – N 6.

11. Пудовочкин, Ю.Е. Преступление с административной преюдицией: проблемы отграничения множественности преступлений от сложного единичного деяния / Ю.Е. Пудовочкин // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – N 4 (66).

12. Тепляшин, П.В. Преступления против правосудия : учебное пособие / П.В. Тепляшин. – Красноярск, 2004.

13. Утина, М.И. Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями / М.И. Утина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – N 4 (45).



**Сердечно поздравляем с юбилеем**

**Шеслера Александра Викторовича,  
профессора кафедры уголовного права  
и криминологии,  
доктора юридических наук,  
профессора**



Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии СибЮИ МВД России.

В 1985 г. с отличием окончил юридический факультет Томского госуниверситета. С июля 1985 г. по август 1987 г. проходил действительную военную службу в должности командира взвода в спецчастях МВД СССР.

С октября 1987 г. по март 1994 г. работал на юридическом факультете Томского госуниверситета на должностях ассистента, старшего преподавателя, доцента. С марта 1994 года проходил службу в образовательных организациях МВД России и ФСИН России.

За период научно-педагогической деятельности преподавал дисциплины «Уголовное право», «Криминология», а также спецкурсы «Научные основы квалификации преступлений», «Групповая преступность», «Рецидивная преступность», «Пенитенциарная преступность», «Уголовная и уголовно-исполнительная политика».

В мае 1991 г. в Томском госуниверситете защитил кандидатскую диссертацию по теме «Устойчивые преступные группы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминологические аспекты» (специальность 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право). В декабре 2000 г. в Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург) защитил докторскую диссертацию по теме «Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты» (специальность 12.00.08. - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право). Решением Министерства образования в ноябре 2001 г. А.В. Шеслеру присвоено ученое звание профессора.

Автор более 450 научных и методических работ, из них 18 монографий. Является соавтором учебников по уголовному праву и криминологии, а также нескольких курсов лекций по уголовному праву.

Под его научным руководством защищены более 20 кандидатских диссертаций.

**Уважаемый Александр Викторович, примите самые добрые слова, поздравления с юбилеем и пожелания крепчайшего здоровья, неиссякаемого оптимизма и успехов во всех Ваших начинаниях.**



## Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

– текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;

– в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;

– научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате \*.jpg, \*.jpeg, \*.tif, \*.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (\*.doc, docx\*);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 8-16 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате \*.tif, \*.tiff, \*.jpeg, \*.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

– сноски на работы, опубликованные в Вестнике Сибирского юридического института МВД России;

– многочисленные (более одной) сноски на собственные публикации автора;

– опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:  
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник  
Сибирского юридического института  
МВД России**  
Научно-практический журнал

**Редакционная коллегия:**

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Д.В. Ким, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

*члены редакционной коллегии:*

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по учебной работе) (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Куприянич Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранного и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

**Vestnik  
of Siberian Law Institute  
of the MIA of Russia**  
Scientific and practical journal

**Editorial Board:**

*Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board* – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

*Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue* – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

*Executive Secretary* – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

*Editorial Board Members:*

Marina A. Galimova, Candidate of Law Sciences, Head of the Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk);

Svetlana I. Zemtsova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey Yu. Ivanov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nadezhda A. Dudina, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Academic Affairs) (Krasnoyarsk);

Elena Ye. Kosmodemyanskaya, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Tatyana V. Kupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Тетерятников Николай Юрьевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шашин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny A. Molyarov, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Dmitry D. Nevirko, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey B. Sudnitsin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the MIA of Russia (Saint-Petersburg);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nikolay Yu. Teteryatnikov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Denis V. Tokmantsev, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Ekaterina Yu. Chumarova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Daniil G. Shashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

*Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, Е.А. Никитиной, В.Е. Рыбиным*

Подписан в печать 28.02.2023

Вышел в свет 15.03.2023

Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Souvenir.

Печать офсетная. Усл. печ. листов 21,5.

Тираж 150 экз.

Заказ 54.

Цена свободная.

**Адрес редакции и издательства:**

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.

Сибирский юридический институт МВД России.

660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.